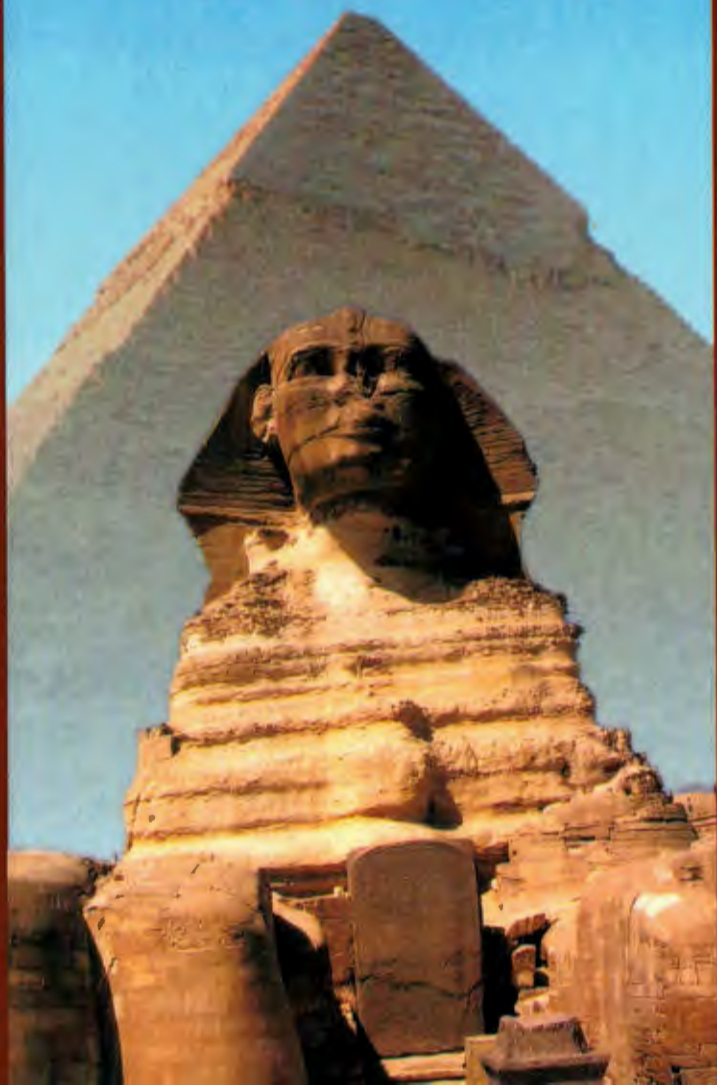

А. Морэ

ВО ВРЕМЕНА ФАРАОНОВ

А. Морэ

ВО ВРЕМЕНА ФАРАОНОВ

2-е издание

Москва
АЛТЕЙА
2001

УДК 932
ББК 63.3(0)31
М79

Серия «VITA MEMORIAE». Основана в 1996 г.

Морэ А.

М79 Во времена фараонов / Коммент. В.В. Солкина. — 2-е изд. — М.: Алетейа, 2001. — 240 с., ил. — (Vita memoriae). ISBN 5-89321-077-8

Книга известного французского популяризатора науки А. Морэ представляет огромный интерес и для специалистов по Древнему Египту, и для тех, кто увлекается историей и культурой этой древней страны.

Хотя книга была написана почти сто лет назад, новейшие теории и открытия не обесценили труд ее автора.

Живо, образно, остро, иногда полемично А. Морэ рассказывает об истории многих современных ему открытий и теорий, о реставрации египетских храмов, происходившей на его глазах, о полулегендарном периоде истории Древнего Египта — времени первых династий, о религии египтян, их представлениях о жизни после смерти.

«Во времена фараонов» — первая книга из серии работ, посвященных Древнему Египту. Продолжает серию книга А. Морэ «Цари и боги Египта».

Книга печатается по изданию: Морэ А. Во времена фараонов / Пер. с фр. Е.Ю. Григорович. — М.: Издание М. и С. Сабашиниковых, 1913.

УДК 932
ББК 63.3(0)31

ISBN 5-89321-077-8

© Издательство «Алетейа», 1998

Книги известного французского популяризатора науки Александра Морэ давно и прочно вошли в корпус литературы по истории и культуре Древнего Египта. Удивительный факт: их с равным интересом читают и специалисты, и «любители» — люди, увлекающиеся этой далекой от нас цивилизацией. Но еще более удивительно то, что читают их с неослабевающим интересом, хотя почти за сто лет со времени их создания сделаны сотни открытий, написаны сотни исследований. Наука шагнула вперед, устарели многие факты, опровергнуты выводы. Но есть в этих книгах нечто, чего нет в других, и это не только уникальные фотоматериалы и рисунки.

Живо, образно, остро, иногда полемично автор рассказывает об истории многих современных ему открытий и теорий, о реставрации египетских храмов, происходившей на его глазах, о полуполюгендарном периоде истории Древнего Египта — времени первых династий, о религии египтян, их представлениях о жизни после смерти — и как-то ближе и понятнее становится эта культура, отделенная от нас тысячелетиями. Имена фараонов и богов, названия храмов перестают быть лишь строчками из учебников и научных трудов.

Наверное, не было в истории египтологии такого парадоксального времени, как рубеж прошлого и нынешнего веков. Сенсационные открытия следуют одно за другим — вспомни-

те хотя бы гробницу Тутанхамона. Исследования приобретают не только массовый, но планомерный и подлинно научный характер. И еще: как писал сам А. Морэ, «интерес, пробужденный в публике египтологией... заставляет ее выйти за пределы круга ученых, которым она была ограничена». Это и явилось причиной появления книг, подобных той, которую вы держите в руках. Они не только удовлетворяют любопытство, но дают пищу и для ума, и для души.

Наше время тоже парадоксально. Парадоксален и возрождающийся интерес к Египту: за Египтом рекламным, туристическим, Египтом с пестрых обложек рекламных буклетов все более и более явственно начинают проступать контуры древней земли Кем, таинственной страны фараонов и богов, пирамид и храмов...

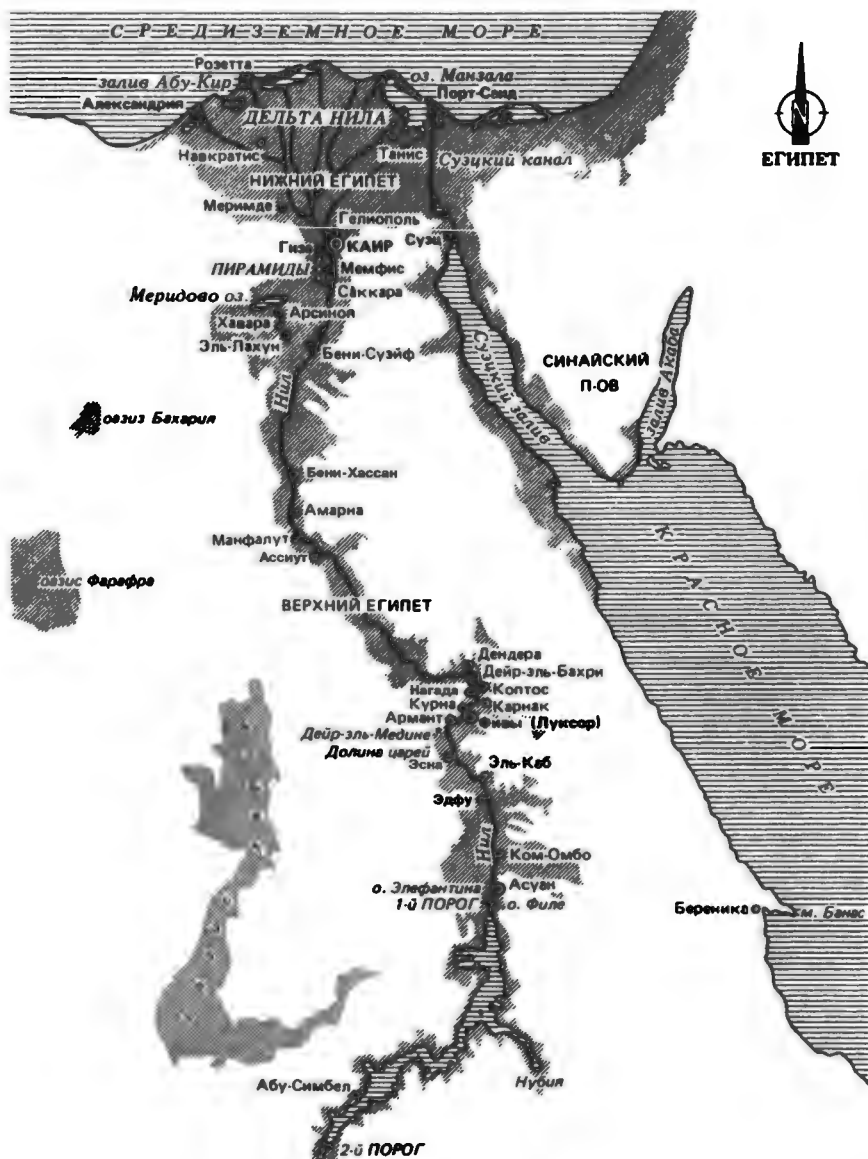
* * *

Издательство выражает искреннюю благодарность сотруднику Кабинета египтологии Института востоковедения РАН В.В. Солкину за помощь в подготовке книги и составление комментариев, которые отражают точку зрения современной египтологии.

*Посвящается
Виктору Берафу*

ВО ВРЕМЕНА ФАРАОНОВ

1. Реставрация египетских храмов

к началу нашего XX века многие из «вечных жилищ» Древнего Египта рухнули окончательно. Они держались так долго, что их привыкли считать несокрушимыми. Надписи именуют их «храмами миллионов лет, сооруженными в вечности и бесконечности». Казалось, эти предсказания вечности переживут и забытые догматы, и упраздненные обряды благодаря волшебной силе, которой некогда их считали одаренными.

Между тем, древнейшие из этих святилищ сильно пострадали. Что осталось от пышного сооружения с центральным обелиском, воздвигнутого Ниусерра V династии во славу Солнца, или от пирамидального храма, построенного одним из Ментухотепов XI династии?¹ Биссинг и Навиль, расчистив их, нашли одни обнаженные террасы, разрозненные барельефы, обваливающиеся колонны. В Карнаке, государственном святилище, где начиная с вождей первобытных* кланов вплоть до римских цезарей каждый фараон сооружал храм или часовню, опытный глаз мог различить неподалеку от пилонов Тутмоса чудесные обломки украшенных скульптурою камней, еще наполовину засыпанные землей; это были остатки исчезнувших чертогов, построенных Сенусертами и Аменхотепами. Но эти развалины ничего не говорили.

¹ V династия — 2498–2491 гг. до н.э.; XI династия — 2498–2491 гг. до н.э. — *Прим. ред.*

Взгляд отдыхает на сооружениях Рамсесов и Бубастидов.* Там, несмотря на груды развалин, общий план египетского храма все еще четко выступает из всей сложности постройки.

Аллея из сфинксов ведет к высоким воротам с двумя пилонами по сторонам, похожими на башни наших соборов. Перед воротами высятся два обелиска; стоящие и сидящие колоссы оберегают вход. Мы переступаем порог: прежде всего, обширный двор, окруженный галереями с колоннами или кариатидами; посредине жертвенник, где горят приношения. Покатый подъем отлого ведет в залу, называемую «гипостиль»: могучие колонны в несколько рядов поддерживают потолок из огромных плит на высоте двадцати метров над головой. Сюда был открыт доступ толпе верующих — в Новый год, в праздник времен года и другие праздничные дни божественного и царского культа, здесь они любовались шествием богов и царей. После раскаленного солнцем и залитого ослепительным светом двора здесь можно было насладиться прохладой и полумраком высоких крытых помещений. Дальше не дерзал ступить никто, если по рождению или посвящению не принадлежал к божественному роду; верховные жрецы и цари одни лишь проникали в святилище, центральный покой, тесный и массивный, где входная дверь была единственным отверстием. Там, за этой дверью с печатями и засовами, в полном мраке покоилась в глубине гранитного ковчега или корабля статуя бога: в часы жертвоприношений его пробуждали священные обряды.

Ни один из храмов второго периода не дает такой цельной общей картины, но в каждом храме хорошо сохранились отдельные части. От Курны, этого чуда египетского искусства, остался один полуразрушенный гипостиль да несколько богослужебных комнат; в Абидосе, относящемся к тому же

времени, мы находим гипостиль и семь святилищ из белого, очень мелкозернистого известняка, покрытого тончайшими рельефами; в храме Рамсеса, единственном по благородной соразмерности его частей и великолепной медной окиси, покрывающей красный известняк его, остались только половина пилонов, обломки портиков и величественный гипостиль с уцелевшим потолком. В Луксоре не хватает одного обелиска¹; колоссы разбились вдребезги; из двух дворов первый, с красивыми портиками, которые украшены „кариатидами“, погребен под обломками, и над ним господствует неприкосновенная мечеть; во втором дворе, с рядами изящных колоннад Тутмоса III, стены частью разрушены.* Несколько храмов, более или менее цельных, меньших размеров, сохранились в Карнаке: это храмы Хонсу и Рамсеса III; зато в большом храме Амона, за исключением двора, где из десяти гигантских колонн лишь одна-единственная все еще возносит к небу свой цветок лотоса, и колоссального гипостиля без потолка, — всюду падающие развалины пилонов, распавшихся стен, рухнувших потолков, неистребимый хаос, над которым царит «каменных игл безмерный порыв»². Единственные храмы этой эпохи, больше других пощаженные временем и сохраненные людьми, это те, которые были высечены в скале: в Дейр-эль-Бахри подземные части остались нетронутыми, как и большой спеос Абу-Симбела*; лучи восходящего солнца проникают до самой его глубины, и вход в него стерегут четыре колосса, высеченные прямо в скале.

Тем не менее в Египте существуют храмы почти цельные, а именно отстроенные Птолемеями и цезарями в Эдфу, Филе, Дендера. На тысячу лет моложе, заботливо охраняемые до

¹ Этот обелиск украшает площадь Согласия в Париже. Второй, также подаренный Франции, остался доселе не вытребованным.

² Хосе-Мария де Эредиа.

IV века н.э., они лучше других устояли перед действием разрушительных влияний. Сравнивая их с храмами предыдущих эпох, мы находим больше определенности и единства в их плане; быть может, гармоничность и чувство меры в эллинском искусстве оказали свое влияние на последних египетских зодчих. Радоваться этому, однако, нельзя. Самые большие из птолемеевских храмов уже не производят впечатления того героического величия, которым веет от Карнака или храма Рамсеса: их профиль сух и жесток, их линии кажутся урезанными даже тогда, когда они несоразмерно велики. Украшения их не столько богаты, сколько обильны; рельефы являются чем-то средним между реалистической лепкой эллинского искусства и иератической сдержанностью старинного народного стиля, отсюда эти удручающие однообразные фигуры, которые производят такое тягостное впечатление при посещении Эсны и Дендера. Оставляя в стороне эти критические замечания, мы можем только любоваться красивой стройностью храма в Эдфу, прекрасными расцветными колоннами в Филе с их разнообразными капителями изящной, еще свежей раскраски, гипостилем Дендера, где в полусумраке, под тяжелыми плитами потолка, с верхушки каждой колонны улыбается жуткий лик богини с длинными глазами, с острыми ушами, увенчанной капителью в виде систра.* Но главный интерес этих памятников заключается для нас в их неповрежденности. Как было сказано кем-то, собрание жрецов Хора в Эдфу могло бы в несколько часов восстановить богослужение в храме. Недостаёт лишь священной утвари, статуй богов да жертвоприношений; все остальное налицо — ритуальные тексты и картины, календарь праздничных дней, каталог священных книг...

В итоге от храмов, предшествующих XVIII династии, не осталось почти ничего кроме обломков и подземелий, цен-

ных для одних археологов; здания последующего периода дошли до нас разрушенными более чем наполовину, и только храмы позднейшей постройки все еще словно бросают вызов векам.

Небесполезно подчеркнуть эти различия, ибо установилось ходячее мнение, почти обычное даже для тех, кто посетил Египет, что храмы фараонов вообще не подвержены действию времени; кажется, будто в этих древних развалинах так давно утасла всякая жизнь, что иссякли даже и самые силы разрушения: подобные мумиям, рассеченные тела храмов лежат на земле в состоянии чудесной и бесконечной сохранности. Впечатление весьма ошибочное. От этих иссохших камней жизнь не отлетела: постепенное разрушение и превращение продолжает свое дело и за последнее время проявило себя такими катастрофами, которые были бы непоправимы, если бы не бдительность Попечительства о древностях*.

Из причин разрушений одни случайны и преходящи, другие существенны и постоянны. Для их устранения Попечительству о древностях пришлось прибегать то к частичным мерам охраны, то к полной реставрации.

К числу причин преходящих следует отнести прежде всего недостаток подновления всех храмов, по крайней мере, за 1500 лет. К концу IV в. эдикт Феодосия I воспретил все культы, кроме христианского: храмы фараонов, в значительном количестве уже приходившие в упадок, были предоставлены разрушительным влияниям времени и рук человеческих. Между тем, легко себе представить, какого бдительного попечения и подновления требовали такие значительные и многочисленные сооружения. Архивы храмов показывают, что

новые святилища эпохи Птолемеев в первоначальном своем виде существовали уже во времена мемфисских и тинских фараонов, за четыре тысячи лет до того. Отсюда непрестанные перестройки.

Так, например, в Дендера Тутмос III, XVIII династии, восстановил памятник по старым планам, относящимся к царствованию Хеопса и уже послужившим царю Пиопи I, VI династии;¹ если верить преданию, найденному Шабба в Берлинском папирусе, храм в Дендера существовал задолго до основателя Великой пирамиды, еще во времена царя Усефаиса I династии.² Эти свидетельства отчасти подтверждаются барельефом, найденным в одном из подземных склепов храма, с изображением статуи царя Пиопи I, которому поклоняются как одному из основателей святилища.³ Вспомним теперь, что нынешний храм был перестроен в I столетии до н.э., и представим себе, сколько последовательных усилий было затрачено в одном этом месте на протяжении четырех или пяти тысячелетий для сохранения святилищ.

Неудивительно, что поддержание храмов было одной из постоянных забот фараонов тех эпох и одной из причин вынужденной щедрости и полезных подарков, которыми они осыпали касту, чьему попечению вверено было благоустройство зданий. Иногда обычных доходов оказывалось недостаточно; после больших нашествий пастухов⁴, ассириян, персов и т. п., когда храмы предавались разграблению или бывали запущены, приходилось отстраивать их заново или произво-

¹ Dümichen. Bauurkunde, табл. XVI.

² Chabas. Sur l'antiquité de Denderah (Zeitschrift für ägyptische Sprache, 1865, с. 92). Усефаис — также принят вариант Ден (I династия, ок. 3050 — 2890 гг. до н.э.).

³ Mariette. Denderah, III, табл. 71–72.

⁴ Гиксосов. — *Прим. ред.*

дить сверхсметные работы. Царь брал это лично на себя, будь то фараон Птолемей или цезарь; на нем, сыне богов, лежала забота о содержании семейного очага и жилища своих отцов. Вот одно из сотен хвалебных повествований, которые вырезаны на плите, помещенной на видном месте после подобного рода обновительных работ. Здесь речь идет о Тутмосе III и храме Птаха в Карнаке.

«Мое Величество повелел соорудить этот храм Птаха в Фивах. Понеже мое Величество храм этот, построенный из кирпича, с колоннами и деревянными воротами, застало в состоянии, близком к разрушению, мое Величество повелело заново произвести измерение по шнуру (дабы обозначить границы) этого храма, восстановив его из хорошего белого камня, весьма прочного, а окружную стену из кирпича, выделки весьма прочной, вечной; потом, когда мое Величество водрузило в нем ворота из дерева молодой акации из страны Ступеией, с петлями из азиатской меди, и когда храм Птаха возник заново во имя моего Величества... я украсил святилище его сплавом золота и серебра из разных стран, и все священные сосуды были из золота, из серебра и всякого рода драгоценных камней, а белье из тонкого белого полотна. Когда мое Величество водворило бога на его место, я наполнил храм его всякого рода добром хорошего качества, быками, гусями, ладаном, вином, всякими припасами, всеми ежегодными плодами земли...»

И каково бы ни было реальное значение реставрации — неизбежное заключение: «Ничего подобного не было еще совершено для бога до времен моего Величества».¹

Если бы по исчезновении фараонов и жрецов храмы были предоставлены самим себе, они восторжествовали бы над ве-

¹ G. Maspero. Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions, 1899.

ками благодаря прочности материала и превосходному климату, но люди недостаточно забросили их. Языческих жрецов сменили христианские монахи; с благочестивым варварством они преследовали ложных богов вплоть до их убежищ, разбивая статуи, искажая барельефы, раздробляя надписи. В Дендера они закоптили потолки зал дымом своих бивуаков; в Луксоре превратили преддверие святилища в церковь; до сих пор штукатурка, которой они замазали сцены египетского ритуала, оскверняет стены, скрывая рельефы Аменхотепа III. В других местах они понаписали крупными буквами отрывки из св. отцов, постановления соборов, целые проповеди на коптском языке.

От смены повелителя и религии, при переходе Египта к исламу арабов, а затем — турок, памятники фараонов не играли ничего. Поколения иконоборцев набросились прежде всего на статуи и рельефы и довершили гнусное дело христиан: тогда-то был изуродован Сфинкс, несмотря на восхищение им таких ученых, как, например, Абд-эль-Латиф. Потом, особенно в Дельте, храмы превратились в каменоломни; из обломков известняка, покрытых лепной работой, выделявали известь; гранитные части служили избранным материалом для водоемов в фонтанах, для порогов у мечетей, для дворцовых стен. Чтобы изучать остатки памятников Мемфиса или Гелиополя, теперь нужно обходить, как это делал Даресси¹, улицы Каира, выискивая куски плит, обломки рельефов, там и сям теряющиеся среди лепных работ мечетей или мусульманских дворцов. Это систематическое разрушение длилось до наших дней: храм Арманта, последнее воспоминание о старейшем фиванском святилище, существовал еще в начале XIX века; он послужил каменоломней для строителей сахарных

¹ Annales du Service des Antiquités, IV, с. 101; cp. II, с. 95.

заводов, насажденных в стране европейской цивилизацией; от храма остались теперь одни бесформенные обломки.

Иногда простое соприкосновение современной жизни искоряет разрушение храмов. Во многих местностях они очутились в самых недрах частных домов, наподобие наших соборов, сжатых в средние века среди кучи квартир и лавчонок. С течением веков эти дома, построенные из кирпича и земли, разрушались и отстраивались несчетное число раз; но при каждой новой постройке никто не давал себе труда снести стену до самого основания. «Равняли поверхность развалин и строили на несколько футов выше, чем раньше, так что каждый город лежит на одном или нескольких искусственных холмах, верхушки которых нередко поднимаются на двадцать-тридцать футов над окружающей местностью»¹. Так-то большая часть храмов Верхнего Египта, несмотря на вышину своих стен, была заживо погребена под обломками мертвых городов или постройками живых селений. В Дендера под кровлей малого храма до сих пор еще громоздятся груды развалин; чтобы проникнуть в гипостиль большого храма, пришлось в такой горе мусоре прорыть глубокий ров.² Потолок гипостиля в Эсне, лежащий на колоннах в двадцать метров высоты, находится в настоящее время³ на уровне почвы, образовавшейся из пластов последовательных наслоений; до первоначального уровня земли приходится спускаться, как в погреб, по очень крутой лестнице; следующее за гипостилем святилище погребено под современными домами. Чтобы раскопать Эдфу, «освободить его от его обитателей и очистить его во имя

¹ G. Maspero. Premier rapport sur les fouilles exécutées en Égypte de 1881—1885 (Bibliothèque Egyptologique, т. 1, с. 188).

² Со времени моего последнего посещения Дендера (1906 г.) произведены усиленные работы и расширен фасад храма.

³ В 1913 г. — *Прим. ред.*

науки», Мариетту понадобились месяцы утомительного, нескончаемого труда, а ниже мы увидим, чего стоила Масперо расчистка Луксорского храма, над которым возник целый городок.

Подобное соседство в высшей степени губительно для античных зданий. Последние не только служат каменоломнями для постройки домов, балки которых пробивают рельефы, смолистая копоть очагов покрывает потолки, полы загрязняются отбросами и извержениями людей и животных. Мало-помалу наслоения старых кирпичей и позднейших развалин, на которых скапливаются навозные кучи и нечистоты, превращаются в почву, богатую селитрой и содой, которую туземцы называют себах; повсюду, где селитра соприкасается с камнем древних построек, она разъедает известняк, разлагает гранит, искрашивает песчаник. Таким образом, даже безучастная близость человека пагубна для покинутых храмов.

Сама египтология в своем начале приносила памятникам много вреда. Когда крупные научные экспедиции, сначала ученых, явившихся с Бонапартом, а потом снаряженные Шампольоном, Роселлини, Лепсиусом, открыли места некрополей и указали на выдающиеся образцы, любители и торговцы древностями набросились на храмы и могилы, научили грабежу коптов и арабов и собрали те причудливые коллекции, которые легли в основу наших египтологических музеев Парижа, Лондона, Берлина, Флоренции и Турина. Даже сам Мариетт, основатель Попечительства о древностях, начал с расхищения Египта, перевоза в Париж целыми тысячами найденные в Серапеуме памятники. Но в нем созрела мысль положить конец постыдному разбою, ставшему бичом Древнего Египта. «На моих глазах, — говорит он, — в течение четырех лет с равнины Абу-Сира и Саккара исчезло 700 могил». Вторично отправленный в Каир в 1857 г. с поручением исследовать

местность Верхнего Египта под предлогом составления путеводителя для принца Наполеона, Мариетт добился от хедива Саида-паши следующей инструкции: «Вы должны следить за сохранностью памятников; вы скажете мудирам (губернаторам) всех провинций, что я запрещаю касаться какого бы то ни было древнего камня; вы отправите в тюрьму первого феллаха, который посмеет войти в храм». Принц Наполеон отказался от путешествия, но что важнее всего, Мариетт остался и был сделан 1 июня 1858 г. «директором работ по египетским древностям».

В начале Попечительства о древностях не было ни правильного бюджета, ни установленного штата; Мариетт пользовался правом собирать артели крестьян для раскопок и по мере надобности испрашивал кредит. Первые десять лет его управления не внесли значительного улучшения в судьбу памятников страны.

Чтобы узаконить существование Попечительства, Мариетт задумал основать музей в Каире и подверг систематическому расхищению местности Гизы, Саккара, Абидоса, Таниса, Саиса, «чтобы набрать памятников, побольше памятников». Когда музей был учрежден и снабжен редкими образцами, Мариетт получил возможность отдаться более научной работе. По настоянию европейских ученых Мариетт обратился к систематическим раскопкам и к изданию полного описания открытых памятников; он оборудовал мастерские в Эдфу, Дендера, Абидосе уже не для расхищения храмов в пользу музеев, а с целью извлечь из каждой местности все то, чего могла ожидать от нее наука. Смерть застигла его в 1881 г., в то время как он едва лишь успел взяться за эту вторую часть своей задачи, лишенный возможности отдаться ей целиком. Тем не менее, он оказал современному Египту громадную услугу, возбудив в нем интерес к охране его дивных античных сокровищ: «Не будь его, Египет долго продолжал бы

еще уничтожать свои памятники и распродавать их по частям иностранцам, ничего не оставляя для себя; он заставил его сохранять их»¹.

Преемник Мариетта, Масперо, с 1881 по 1886 г. дал истинно научное направление Попечительству о древностях; успеху общества способствовало коренное преобразование современного Египта, последовавшее за оккупацией англичан. У Масперо хватило мужества заявить, что раскопки должны стоять на втором плане в ряду забот Попечительства; главная же цель — в основательной расчистке памятников, их сохранении и ознакомлении с ними; пора заменить поверхностное знание всесторонним методическим изучением и описанием в целом. С этого дня Попечительство о древностях осуществилось на деле.

Расчистка храмов велась уже правильно в Эдфу, Дендера, Абу-досе; Масперо сосредоточил свои силы на строго определенном районе и обратился к одному из позднейших зданий — к луксорскому. Задача была нелегкая: храм, который ученые египетской экспедиции, Шампольон и Лепсиус, застали еще частью незастроенным, «уже лет тридцать как был покрыт домами». На севере две башни по сторонам входных ворот, первый двор и окружающие его портики были более чем наполовину скрыты под кучей лачуг; тридцать домов и восемьдесят шалашей опирались о колонны, лепились вдоль стен и давили архитравы тяжестью своих кирпичей; два минарета мечети Абу-эль-Хаттага господствовали над этим нечистоплотным целым. Под большой колоннадой, соединяющей северный двор с южным святилищем, — два дома кади Эсны и агента консульства. Часть западного фасада, обращен-

¹ G. Maspero. Biographie de Mariette (заголовок VIII тома «Bibliothèque Egyptologique»).

ную к реке, заслоняют жандармские казармы, тюрьма, почта, правительственные склады, Дом Франции¹.

«За первым рядом лачуг раскинулся пустырь, заваленный обломками стен из утрамбованной земли и землянками, разбросанными группами по три, по четыре; между капителями колонн устроен загон для баранов и коз; голубятни из глины победоносно красуются на том, что уцелело от террас храма...»² Понадобились долгие формальности и значительные расходы, чтобы выселить водворившиеся в этом здании семьи.³ Масперо преодолел все препятствия и сумел заинтересовать своим делом европейскую прессу; подписка, открытая «Journal des Debats» и «Times», дала 19000 франков.

Начатые работы облегчались содействием населения, которое поспешило удалить себах, послуживший превосходным удобрением; около 1893 г. после многих перерывов храм, наконец, был расчищен. Пришлось, однако же, отказаться от сношения мечети Абул-эль-Хагтага, которая и поныне угрожает северо-западную сторону первого двора.

Масперо уже вернулся во Францию (1887), когда был достигнут окончательный результат; его преемники — Гребо (1887–92), де Морган (1892–97), Лорэ (1897–99) — обратили свою деятельность на другие местности; но традиции упорных усилий, направленных на один, строго намеченный пункт, благополучно удержались. Даресси, уже заявивший себя работами в

¹ Этот дом служил квартирой технической миссии, отправленной в Луксор в 1830 г., чтобы снять с места обелиск, ныне находящийся на площади Согласия.

² G. Maspero. Premier rapport sur les fouilles, exécutées en Égypte de 1881 à 1885.

³ Аналогичные переговоры завязаны в настоящее время, чтобы выселить туземцев, поселившихся во дворе и в святилище храма в Эсне.

Луксоре, посвятил несколько кампаний удалению коптских домов из великолепного Мединет-Абу: с 1897 г. храм доступен во всех своих частях.^{1*}

Расчистка Луксора и Мединет-Абу не обошлась без неизбежных крупных поправок: там и сям нужно было отстроить обвалившуюся стену, восстановить рельеф, соединяя разрозненные куски, укрепить несколько колонн, скрыть под архитравами или притолоками железные брусья, подпиравшие по способу Легрена расшатанные камни, причем ремонт оставался незаметным. Таковы текущие работы по поддержке, которые Попечительство скромно и с пользой выполняло в большей части храмов Верхнего и Нижнего Египта.

Совсем недавно оказалось нужным применить эти ремонтные работы в качестве предупредительных мер к группе храмов Филе, которые с 1902 г. в течение шести месяцев в году затопляет задержка вод асуанскими плотинами. Прежде чем подвергнуть испытанию искусственного затопления старый песчаник, уже тысячи лет лишенный воды, Масперо поручил одному из своих самых опытных инспекторов, А. Барсанти, основательно очистить храмы от малейших следов селитры, замазать все щели и укрепить незаметными скрепами все расшатанные и разрозненные камни. Когда все меры были приняты, спустили на остров Филе речные воды, и вода, пропитав эту почву и эти камни, из которых она была изгнана с незапамятных времен, затопила пропилен большого храма до высоты капителей, ворвалась во двор и залила полы гипостилья и святилища. С тревожным любопытством ожидали последствий применения этого варварского способа; до сих пор не произошло ничего неблагоприятного, ни один камень не

¹ Даресси дал превосходные «Заметки (Notices) о храмах Луксора и Мединет-Абу» (издание Попечительства о древностях).

сдвинулся с места, и цементные скрепы, которыми Барсанти забронировал стены, остались целы. Надеются значительно продлить устойчивость храма; по уверениям оптимистов, такое ежегодное очищение для него спасительно.

Некоторые из храмов, от Филе до Вади-Хальфы, орошаются водами Нила. Масперо исчисляет в 600000 франков сумму, необходимую для того, чтобы временно оградить их от опасности. По правде сказать, никто не уверен в том, что периодическое затопление, которому их подвергают, не станет для них пагубным; но, во всяком случае, теперь Филе не угрожает никакая непосредственная опасность.^{1*}

Опыт с Филе доказал, как хороши принятые Попечительством охранительные меры; но по мере расширения области завоеваний приходилось обеспечивать и ее охрану. Так ячейка, весьма примитивная, созданная Мариеттом, превратилась в перворазрядное общественное учреждение, нечто вроде «Министерства Древнего Египта». Сердце и голова этого организма продолжают находиться в Каирском музее (сперва в Булаке, а потом в Гизе). Туда переносят редкие или хрупкие экземпляры, которые было бы слишком рискованно оставлять на месте. Так, например, этой зимой, когда Навиль нашел нетронутую часовню богини Хатхор с божественной коровой, предметом культа, не решились оставить это сокровище в ущельях Дейр-эль-Бахри. Идол был положен в ящик, а часовня снесена с тем, чтобы восстановить то и другое в стенах музея.²

Однако в тех случаях, где это возможно, начинают охотнее оставлять памятники на месте: Легрен не тронул статуй в

¹ G. Maspero. Rapport pour 1905. Cp.: Annales du Service des Antiquités, т. IV, V, VII.

² Cp. Maspero. Causeries d'Égypte, с. 319.

храме Птаха, и гробница Аменхотепа II была открыта для публики, уставленная всей погребальной утварью, какую нашел в ней Лорэ. Этому явно принадлежит будущее: было бы пустой мечтой рассчитывать собрать в Каире все статуи и все интересные документы, еще миллионами таящиеся в Египте; памятники эти будут гораздо красноречивее *in situ*, когда будет возможность обеспечить им полную сохранность и когда с развитием путей сообщения все местности станут легко доступны.*

Поэтому Попечительство вполне правильно принялось за децентрализацию: учреждены должности генеральных инспекторов для трех крупных областей — Саида, Файюма, Дельты¹; Легрен и Куибелл руководят двумя независимыми друг от друга мастерскими со складами, в Карнаке и Саккара². В их ведении сотни сторожей (гафиров), набранных из среды наиболее образованных туземцев, наблюдают за туристами и торговцами древностей и по вечерам запирают храмы и гробницы на ключ. Легко себе представить, каких расходов требует увеличивающееся число служащих³, издержки на запоры памятников и возрастающая сложность работ. Поэтому помимо обычного своего дохода Попечительству нередко приходится прибегать к услугам Кредитного общества; с 1887 г. оно взимает сбор по 30 франков с туриста за посещение памятников;⁴ оно разрешает раскопки частным лицам и обществам только в местах для этого подходящих и при условии дележа находками. Одним словом, в настоящее время весь

¹ Под управлением Вейгалла, Лефебра и Эдгара.

² Склады и мастерские Карнака располагают ежегодной суммой в 50000 фр., Саккара — 25000 фр. на экстренные работы по раскопкам и реставрации.

³ В 1905 г. Попечительство держало 250 гафиров постоянных и 200 временных.

⁴ В 1905 г. сбор принес около 150000 фр.

Египет превратился в музей, находящийся под бдительным надзором. Хотя кража древностей и тайные раскопки все еще не редкость, но это уже далеко не тот систематический грабеж, который так пугал Мариетта. Местное правосудие научило воров, что всякое преступление по отношению к Древнему Египту карается денежной пеней, палочными ударами и годами каторжных работ так же строго, как преступления против современного общества.¹

Дело охранения будет полным только тогда, когда поколения ученых используют черную работу методических раскопок и приведения в порядок памятников, коим мы обязаны Попечительству, завершив это истинно научным описанием. Одна из очень слабых сторон египтологии заключается в том, что имеются лишь весьма несовершенные списки текстов и таблиц; отсюда происходит множество ошибок, неверностей и ложных толкований. Благодаря Попечительству многие храмы доступны в настоящее время во всех своих частях; чтобы понимать их свидетельства о прошлом, нужно было верить их знающим толкователям. Последние должны соединить в себе способности очень редкие — терпеливых и добросовестных переводчиков, обладающих испытанным методом и очень основательной эрудицией. Качества малообычные во всех отраслях знания, в египтологии как и в остальных науках. Археологический институт, существующий в Каире² на средства Франции, делал попытки — иногда удачные — дать описание памятников, которые выкапывает Попечительство, но средства его, во всех отношениях, слишком ограничены, чтобы быть на высоте задачи. Английское общество «Егурт

¹ О современной деятельности Службы древностей можно прочитать в книге Элебрахта «Трагедия пирамид». — *Прим. ред.*

² Под последовательным руководством Масперо, Лефевра, Буриана, Шассина.

Exploration Fund» поручило раскопки и описание храма Дейр-эль-Бахри Навилю, который справляется со своей задачей блестяще. Для составления же всеобщего каталога Каирский музей обратился к международному сотрудничеству¹; в будущем великому Музею, каким становится весь Египет, понадобится свой описательный каталог, и все вступят в добровольное состязание, чтобы великое предприятие Попечительства скорее принесло плоды.²

Однако же охрана памятников является лишь одной, при этом наиболее легкой, частью задачи, которую взяло на себя в настоящее время Попечительство о древностях. Заботы, которыми Мариетт и Масперо окружили храмы, не всегда могли спасти больных, хиревших вот уже две тысячи лет. Внезапные катастрофы вызвали необходимость других методов ухода, и неожиданно возникла громадная задача: полная реставрация некоторых зданий.

В Карнаке, в той части храма, которая больше других обещала неограниченную устойчивость, произошла катастрофа, обманувшая все надежды.

Большой гипостиль, где Сети I и Рамсес II воздвигли 134 колонны в 22 м высоты в среднем ряду и 13 м в боковых,

¹ Под руководством Масперо при временном содействии Пьера Лако.

² Этот всеобщий каталог Египта предпринял де Морган; после нескольких лет перерыва труд был возобновлен Масперо и включает в настоящее время памятники, сооруженные от Асуана до Ком-Омбо включительно. Однако издание это во многих отношениях оставляет желать лучшего. К счастью, Попечительство о древностях собирается приступить к целой серии монографий, где важнейшие памятники будут воспроизведены *in extenso*. Много лет понадобится, чтобы довести до конца это колоссальное предприятие

Рис. 1. Карнак. Гипостиль. Наклонившаяся колонна

давно уже утратил свой потолок; это отняло значительную долю его прочности. Колонны, не скрепленные более тяжестью огромных плит, не разделенные строго определенными промежутками, стали подаваться; одни рухнули, другие понемногу наклонялись под тяжестью архитравов. Одна из них возбуждала удивление посетителей: это известная наклонная

колонна¹, своим силуэтом пересекавшая по диагонали прямоугольник одного из малых просветов (рис. 1). Представьте себе колонну в 13 м высоты на 2 м в диаметре, косо перерезающую пролет и увлекающую в своем падении архитрав толщиной в

Рис. 2. Карнак. Обрушившиеся пилоны

три метра, колонну, которая одна могла весить 40 тонн. Вся эта масса удерживалась в равновесии отделившимся основанием колонны и наружным углом архитрава: последний задел за соседнюю колонну и нашел себе опору на пространстве нескольких сантиметров; крутом пустота; виден был просвет между архитравом и капителью, которой он касался всего лишь в двух точках. Каким образом поддерживающая колонна могла вынести вес этой движущейся массы, приблизительно в 200 тонн, которая внезапно ударилась о ее верхушку? Каким образом эти разъединившиеся камни не продолжали распадаться и сохраняли свою связь? Благодаря таким-то чу-

¹ Ныне разрушенная со времени работы по реставрации.

десам равновесия и устойчивости возникла непоколебимая вера в прочность развалин Карнака.

Но вот в 1899 г. внезапно рухнуло одиннадцать колонн гипостилия; еще немного, и, подобно карточному замку, такая же участь постигла бы и остальные колонны.

Это было «3 октября, около 9 часов утра; один из сторожей, обходивший окружающую стену, услышал сильный грохот, похожий на гром. Он тотчас же бросился к храму и добежал до гипостилия как раз в тот момент, когда две колонны падали

Рис. 3. Карнак. Современный вид

вдоль пилона Рамсеса. Другой сторож, находившийся у подножия обелиска Тутмоса, с испугу остался на месте, пока шум не замолк». Таким образом, никто не был свидетелем начала катастрофы. Легрен, у которого я заимствую этот рассказ, установил, что первоначальным фактом было случайное па-

дение одной колонны: она опрокинула противоположную и увлекла ее вместе с архитравами, соединявшими их с соседними колоннами. Архитравы и распавшиеся сегменты сыграли роль метательных снарядов: семь колонн одного ряда опрокинулись, толкая друг друга, и так до последней; в параллельном ряду последовательное падение унесло только три жертвы и остановилось благодаря неожиданной устойчивости четвертой колонны. Все это было делом нескольких секунд. Представьте же себе, какое живописное и вместе с тем плачевное зрелище представляла хаотическая куча исполинских сегментов и огромных архитравов, громоздившихся на земле. Обломки от 10 до 15 тонн со всего размаха ударились о соседние колонны, нанеся им зияющие раны. В конце ряда две последние колонны всеми своими расцепившимися, но еще прилегающими друг к другу звеньями легли на наклонившуюся лицевую сторону пилона, который братски поддержал их в их падении (рис. 2 и 4).

Карнакская катастрофа поставила ребром спорный для египтологов вопрос: следует ли отстраивать древний памятник, если он обрушится? Ответ требовался безотлагательный: предоставить ли гипостиль своей судьбе или же доискаться причин разрушения и без малейшего промедления принять меры?

Масперо пришлось взять на себя ответственность за столь важное решение. Его глубокое знание египетских памятников, приобретенное за время предыдущего управления, его решительность и готовность приниматься за самые трудные задачи научного или практического свойства, которую дает светлый ум и большая опытность, привели к быстрому разрешению вопроса: нельзя допустить рухнуть здание, не истощившее своих сил противодействия, неповрежденные части которого распадалась в силу изменения, с течением веков, условий существования и прочности.

Через две недели после катастрофы в Карнак пришла комиссия специалистов, обсудила на месте вопрос и составила 28 октября доклад о необходимых работах и приблизительную смету расходов. 11 декабря Легрен оборудовал мастерские и склады и, запасшись инструкциями Масперо, без шума предпринял одну из самых опасных и самых серьезных работ, какие выпадают на долю археолога.

Слабым местом гигантского сооружения фараонов было несовершенство фундамента. Если работы производились не на скалистом

грунте пустыни, зодчие нигде не могли опустить подземные работы на достаточную глубину, чтобы не встретить более или менее жидкой грязи на уровне просачивания Нила; поэтому они ограничивались удалением верхнего слоя почвы и устанавливали свой фундамент прямо на земле. В гипостиле Карнака подкоп достигал около 2 м глубины; там, на пластах наносной породы, смешанной с песком, соорудили небольшие каменные устои из крупных обломков песчаника, неровных, плохо обтесанных, сложенных в неправильные ложа. Добрая часть этих камней принадлежала первоначально одному зданию, построенному царем-еретиком, Аменхотепом IV, и благочестиво разрушенному его правоверными наследниками.*

Рис. 4. Карнак. Вид после землетрясения 1899 г.

Иногда вместо валунов попадаются простые затычки из земли, осколков камня и черепков посуды. Заметим, что на этих устоях, «бывших скорее каменными сваями, чем настоящим фундаментом», устанавливались колонны, общий вес которых достигал 226 тонн. Нередко диаметр этих устоев меньше основания колонны, что в особенности неблагоприятно для устойчивости таких масс. Наконец, единственным скреплением устоев, поддерживавших колонны, являлась насыпь из гравия и земли, покрытая очень тонким слоем плит. Тут сказало явное незнание, небрежность или злоупотребление со стороны строителей гипостилья.

Этим столь недолговечным фундаментам угрожали две причины разрушения: себах и разлив Нила. «Первоначально гипостиль был необитаем, и опасаться действия селитры было нечего. Но с началом христианской эры жилища становились в нем все многочисленнее, и громадные залежи себаха и всякого рода отбросов, которые пришлось извлекать, чтобы добраться до одной части старинного пола, показывают, какое это имело значение. Слой их достигал более чем 1 м 80 см в толщину. Пагубное влияние селитряной земли во сто крат усилилось медленным вековым повышением нильского дна. Если вычисления, сделанные Гран-пашою и Вантр-пашою, точны, среднее повышение речного дна путем наноса горных пород доходит до 96 мм в столетие. А основание гипостилья возвышалось всего лишь на 33 см над уровнем разлива; через каких-нибудь двести лет после постройки вода уже просачивалась до фундамента зала; 13 веков спустя, т. е. около 600 г. н.э., вода в пору наводнения поднялась выше уровня зала и нашла землю, уже обильную селитрой.» Вывод отсюда — селитра, получившаяся из растворенного себаха, в течение тринадцати столетий переносилась водой с места на место, и глыбы очень пористого

песчаника выветривались до высоты, которая в настоящее время колеблется в момент разлива между 2–3 м над уровнем почвы.¹

Против повышения уровня Нила и вторжения воды в храм Попечительство о древностях безоружно; все же остальные причины разрушения побороть возможно, и вот какой план был выработан для спасения Карнака, а при случае и других храмов, которые бы очутились в подобных же условиях непрочного существования: во-первых, удаление себаха; во-вторых, разборка по пластам колонн разбитых, пошатнувшихся или подозрительных; в-третьих, полная переделка фундаментов и восстановление колонн; в-четвертых, умеренное орошение в пору разлива с целью промыть почву, пропитанную селитрой.

Этот план кампании, очень простой, представлял громадные трудности для своего выполнения в Карнаке; дело шло о его применении к северной части гипостиля, где со времени обвала одиннадцати колонн земля была усеяна сегментами, капителями, абаками и архитравами, вес которых колебался между 5 и 40 тоннами. Эти крайне тяжелые работы должны были производиться под угрозой внезапного обвала уцелевших колонн — многие из них находились в неустойчивом равновесии или очень угрожающем состоянии расшатанности. Необходимо было, чтобы точные и ясные инструкции Масперо применялись к делу человеком энергичным, который при случае сумел бы взять на себя инициативу удачных и смелых действий и знал сильные и слабые стороны Карнака. Этими качествами в высокой степени обладал Жорж Легрен, состоявший при работах в Карнаке с 1895 г.; благодаря ему задача

¹ Rapports de M.M. Maspero, Legrain, Ventre-Pacha, Grand-Pacha et la Commission, réunie à Karnak après la catastrophe du 3 octobre 1899. (Annales du Service des Antiquités, т. I след.)

отстройки Карнака разрешена в настоящее время в самых трудных своих частях.

Работы начались в декабре 1899 г. К концу первой кампании, в 1900 г., было разобрано по сегментам пять колонн, расшатанных падением соседних; вторая кампания была посвящена расчистке одиннадцати рухнувших колонн и удалению себаха. Земля была свободна от обломков; можно было обнажить фундамент; его камни оказались здоровы и не пропитаны селитрой. Следовательно, главной причиной обвала было несовершенство кладки фундамента, а не порча камня от действия воды. Установив это, Масперо дал предписание относительно способа отстройки. Под каждым рядом колонн нужно было прорыть траншею шире основания колонны и первоначальной глубины (2 м 15 см); этот ров надлежало заполнить бетоном в металлической обшивке и на нем восстановить колонны; каждая колонна одного ряда соединится с соответствующей колонной соседнего бетонной связью, которая скрепит новый фундамент со старым. План был немедленно приведен в исполнение. 12 апреля 1902 года лорд Кромер заложил первый камень нового фундамента, а в 1903 г. одиннадцать рухнувших колонн были возведены на высоту шести метров. Камни, разъеденные себахом под землей или разбитые падением, клялись на места, подвергнувшись следующему лечению: цементной штукатуркой, а иногда и большими обломками песчаника покрывались пробонны, заделывались отверстия, причем те части, на которых были рельефы или надписи, выступали на один сантиметр над новой облицовкой. «Таким путем сохранялась соответственная архитектурная форма, позволяя отличить древнее от современного.»

Летом 1903 г. новый фундамент подвергся испытанию водой; он вышел из него победителем, и в 1904 г. Легрен мог водворить по местам верхние части, стволы колонн, капители

и баки. Но тут представилось серьезное затруднение. Необходимо было скрепить и наверху отстроенные колонны, которые снизу держались новым фундаментом. Между тем, потолка не существовало уже целые века; уцелевшие архитравы поломались при падении или пришли в полную негодность. Как заменить их? Сначала предполагалось устроить целую сеть железных скреп или хомутов, надетых на шею колонны пониже капители. Масперо удалось отстранить этот безвкусный проект: обручи заменили железными брусьями, переброшенными с капители на капитель и скрытыми оболочкой из цемента и бетона, которой дадут форму античных архитравов. «Это скрепление распространится на все колонны гипостилиа, а может быть, сочтут желательным восстановить и плоскую крышу, некогда покрывавшую весь зал.» Постановка на места капителей и восстановление архитравов заняла зимы 1905–1906 гг.; в марте месяце последнего года я имел возможность быть свидетелем этих интересных работ. В настоящее время следы разрушения, причиненного катастрофой 1899 г., изглажены; остается оградить другие части здания от повторения подобного случая. Задача, несомненно, нелегкая, но это не более как вопрос терпения и денег: метод работы создан, опыты сделаны, результаты убедительны. *

Однако же этот метод — кстати сказать, один из любопытнейших результатов предпринятых работ, — стал удобоприменимым и осуществимым на деле только после того, как Легрен изучил и вновь применил приемы стройки египетских зодчих. Удаление сегментов рухнувших колонн хотя и представляло большие трудности, все же оно носило характер обычных работ. Напротив того, когда пришлось сносить колонны, оставшиеся на местах, и спускать с высоты 20 метров на землю массы в 50 тонн, архитекторы и археологи стали в тупик. Следовало ли соорудить помост, который был бы вторым

гипостилем из дерева, и установить на его потолке таии достаточной силы, чтобы расснастить и оснастить корабль фараонов? Дело было признано невозможным как из-за расходов, так и по недостатку материалов, рабочих и времени, которого нельзя было терять. Легрену, изучившему Кар-

Рис. 5. Карнак. Древняя насыпь, служившая лесами при постройке

нак до малейшего камня, стоило только порыться в памяти, чтобы понять, каким образом древние египтяне разрешили подобную задачу с обратной целью, не разрушения храма, а его сооружения, не для спуска архитравов, а для их подъема.

Войдя в большой двор Карнака, вы не преминете заметить в северо-западном его углу земляные откосы, подпертые кирпичными стенками; они тянутся по бокам пилонов и скрывают колонны портика до капители (рис. 5). Колонны и пилоны остались недостроенными, и откосы эти не что иное, как строительные леса.¹ Итак, способ египтян заключался в том,

¹ Cp. Choisy. L'art de bâtir chez les Égyptiens. — Paris, 1904.

что они повышали уровень земли, куда подвозился материал, благодаря чему кладка его не представляла уже затруднений. Насыпи поднимались одновременно с колоннами и стенами; когда гипостиль крылся плитами потолка, он оказывался доверху заполненным землей, благодаря чему рабочие укладывали плиты кровли и архитравы так, точно они работали на высоте человеческого роста на естественном уровне земли.

Остается объяснить, каким образом тяжелые камни доставлялись на растущую насыпь. Из того, что осталось еще в Карнаке на месте, мы усматриваем, что египтяне применяли два способа. Когда места было достаточно для расширения насыпи, они делали откос очень отлогим, и глыбы, положенные на валы, вкатывались могучими руками сотен рабочих. Барельеф одной могилы XII династии в Эль-Берше изображает этого рода работу; дело идет о подъеме монолитного колосса, размеры коего даны: 6 м 50 см высоты. Статую, помещенную на деревянные полозья, втаскивают четыре ряда рабочих по 43 человека в каждом; надсмотрщик отбивает такт, хлопая в ладоши, а помощник его поливает землю водой, чтобы ослабить трение и избежать нагревания деревянных частей.¹ Но иногда, по недостатку места, нельзя было развернуть на откосе такое количество людей или удлинить насыпь, чтобы сделать ее более покатой. В таких случаях вдоль стены здания строили лестницу, кирпичные ступени, на которых устанавливались деревянные подъемные машины; их употребление обнаружил Легрен. У египтян, как и у нас, был обычай пользоваться для торжества закладки первого камня здания роскошными инструментами, в уменьшенном размере, но точно воспроизводящими форму настоящих орудий; таковы наши золотые и серебряные молотки и лопаты. Мы храним их в

¹ См. виньетку Масперо. *Histoire*, I, с. 335.

музеях, египтяне же замуровывали их в фундамент, где мы их иногда и находим. В числе этих инструментов найдено «не-что вроде деревянной люльки из двух половин, состоящих из круглых сегментов», соединенных перемычками. (Представьте себе качающийся бювар, какие можно встретить у нас на любом письменном столе.) Аркой свода это быть не могло: «на некоторых экземплярах есть надписи, которые оказались бы опрокинутыми, если бы приборы изображали собой арку». Легрен, а за ним и Шуази доказали, что инструмент мог употребляться не иначе как в качестве волока или качающейся подъемной машины, управляемой посредством рычага; поочередные колебания позволяли поднимать нагруженную камнями машину по кирпичным лестницам, найденным в Карнаке. По Геродоту¹, египтяне V столетия рассказывали, что пирамиды были построены при помощи легких приборов, движущихся по лестнице, которая состояла из наложенных друг на друга камней. Весьма вероятно, что эти легкие орудия и есть «качающиеся подъемные машины» Легрена. Итак, вдоль насыпей, поднимавшихся постепенно до потолка гипостилья, мы должны представить себе ряд ступеней: большие глыбы поднимались по ним рычагами, а камни средних размеров — качающейся подъемной машиной. Легко понять, почему в Карнаке не осталось и следов употребления деревянных помостов при постройке зданий: египетские памятники сооружены при помощи откосов, которые свозились, едва закончилась работа, и подъемных машин, передвижных и небольших размеров, которые исчезли бесследно.

Когда Легрену пришлось приступить к спешной работе по перестройке, у него не было в распоряжении сильных машин; на то, чтобы выписать их из Европы, не хватало ни времени,

¹ II. 125. Ср. Диодор, I, 63.

ни денег. И вот, по примеру египтян, он устроил насыпи, подпертые кирпичными стенками, и на этом повышенном уровне установил имевшиеся детали. После бесконечных предосторожностей подъемные винты отделили расколотые архитравы, тали приподняли их и положили на волок; отсюда было уже сравнительно легко спустить их на землю, предоставляя им скользить по скату. На спуск одного архитрава в 30 тонн идет времени не более одного утра, я сам видел это в 1904 г. Когда колонны были снесены, нужно было срыть откос, прорыть фундамент, потом снова поднимать насыпь по мере роста колонн, водворенных по местам. Прошлой зимой я был свидетелем применения тех же самых приемов для отстройки капителей, какими пользовались в 1904 году для их разборки. Античный метод, подкрепленный современными машинами, помог, таким образом, действовать с должной быстротой, а главное, с экономией денег и наверняка (рис. 6 и 7).

Рис. 6. Карнак. Разборка колонны

Это не значит, что Попечительство о древностях не умеет использовать данных современной науки и техники. Методы меняются сообразно состоянию зданий и вкусу археологов. Так, в Эдфу для выполнения задачи несколько иного характера Барсанти пренебрег древними приемами. Окружающая

храм стена, с западной стороны, ввела самые живые опасения. Это гигантское сооружение из песчаника, около 20 метров высоты, тоже пошатнулось в своем основании; фундамент опускался в землю, а весь средний пояс выпадал, «выпячивался горбом», образуя весьма опасную выпуклость над коридо-

*Рис. 7. Карнак. Наклонная насыпь
для разборки колонн*

ром. Барсанти взял на себя неблагоприятную задачу снести всю стену и положить ее горизонтально по окрестному пустырю, тщательно отметив по номерам и расположив по местам каждую отдельную глыбу. Странное зрелище представляли разложенные плашмя на земле мифологические сцены войн Хора против Сета, благодаря которым нет цены этим тщательно разложенным тысячам обломков. Восстановив фундамент, Барсанти камень за камнем поднял всю стену; он так ревностно оберегал эти куски, что ни один из них не пропал. Теперь создается такое впечатление, будто со времен Птолемея никто не касался стены. Но это лишь начало: прошлой зимой был подведен фундамент под портик в западной части двора.

Барсанти пренебрег способом фараонов и построил превосходные леса для поддержки плит потолка и архитравов и опоры для колонн.¹

«Я никогда не мог без тайного ужаса, — писал Масперо в своем «Отчете» за 1905 г., — решаться на такие крупные операции, где малейшая небрежность со стороны руководителя работ может повлечь за собой целое бедствие. Однако в данном случае крайность была слишком велика, и я имел основания опасаться в непродолжительном времени обвала, подобного тому, который нанес такие повреждения гипостилеу Карнака. Долгий опыт Барсанти, его хладнокровие, образцовая однородность подобранного им рабочего состава и полное его к нему доверие — все это для меня является твердой порукой того, что он с честью выдержит это испытание». Действительно, мне довелось увидеть эти рискованные работы на пути к благополучному завершению без единого несчастного случая в апреле 1906 г. Достаточно провести несколько часов в Эдфу, чтобы понять, как много самоотверженности и смелой настойчивости нужно археологу, ведущему до конца эти трудные и опасные работы в полном одиночестве, без слова одобрения, разве что со стороны туристов, порой только докучных.

По завершении этих работ Барсанти и его товарищей призывают другие местности для новых неблагодарных трудов. Думают спасти святилище в Курне, расшатанное до самого основания; большие пилоны Карнака и храма Рамсеса, из треснувших стен которых высыпалась внутренняя насыпь — подобно начинке гигантского пирога с растрескавшейся коркой, — ожидают рабочих, которые, восстановив старинные откосы, водворили бы на место обвалившиеся камни. Какие

¹ См. отчет Барсанти в «Les Annales du Service des Antiquités», т. VII.

неожиданные откровения готовят нам тексты и барельефы громадных восстановленных стен?

Из работ, произведенных в Луксоре, Карнаке, Эдфу и многих других местах, ясно видно руководящую идею нынешнего директора Попечительства о древностях: «посвятить все средства укреплению и систематической расчистке храмов и кладбищ». Общество предоставляет более счастливым частным предприятиям и ученым обществам заботу об увеличении числа египетских памятников путем новых раскопок, исключая, однако, те местности, где раскопки являются дополнением расчистки, как в Карнаке, Саккара; вне этого оно ограничивается сохранением древности, бывшим доньше в большом пренебрежении. Такой ученый, как Масперо, по общему признанию стоящий на первом месте в мире египтологов, может позволить себе отдаваться целиком задаче с виду самой незаметной и наименее завидной из всех, какие представляет Египет. Но эти чудеса терпения и методичности в самих себе таят награду нередко неожиданной цены. Так, в Карнаке в силу простой необходимости пересыпать землю для устройства откоса Легрен попутно находит больше памятников, чем их было собрано с героических времен, когда Мариетт производил раскопки в Серапеуме. Из-под земли или обломков выступают целые храмы: храм Рамсеса III, храм Птаха Фиванского, храм Осириса, Владыки Вечности; великолепные, до сих пор неведомые колонны, остатки Фив, воздвигнутые Сенусергом III, XII династии; законченное здание, построенное Аменхотепом I, впоследствии разрушенное по неизвестным причинам Тутмосом III, засыпанное землей, но настолько сохранившееся, что можно будет вновь отстроить его целиком;* наконец, на дне ямы, наполненной стоячей водой, просочившейся из Нила, лежит вход в тот чудесный тайник, откуда за два года, с 1903 по 1905, вышло 800 статуй всевоз-

можных размеров и разных эпох, некоторые прекрасной работы и, большею частью, покрытые текстами крупного исторического значения, и более 15000 бронзовых предметов.¹ Раскопки не закончены, несмотря на то что они достигли 12 м в глубину; тайник продолжал давать еще этой зимой*... В Саккара расчистка от песка навела Куибелла на следы пирамид, возведенных царями династий гераклеопольских, до тех пор неизвестных; несколько севернее Барсанти уже два года очищает от песка роскошный гранитный памятник, который еще не открыл своей тайны, но кажется старейшим из всех зданий, известных доньше... Подобные находки вознаграждают за время, посвященное задаче неблагодарной, ответственной. Ими объясняется радость и терпение, с какими рабочие и инженеры, ремесленники и египтологи работают в настоящее время над открытием доисторической Саккара и неизвестных Фив, которые выступают из своих развалин, чтобы, как во времена славы бога Амона, затмить сопернические города.

★ ★ ★

Дело Масперо и его энергичных сотрудников имеет значение, выходящее за пределы Нильской долины. Из этого практического урока археологи всех стран могут извлечь много пользы, хотя поглощенные работой ученые трудятся без шума, без рекламы и дают знать о себе лишь законченными делами. Нет ничего более спорного, чем вопрос о восстановлении античных зданий. Огульные решения тут не имеют места. Нужно считаться с состоянием большей или меньшей степени рас-

¹ Об этой находке см. G. Maspero. *Revue de l'ancien et moderne*, 1906. Легрен начал описание статуй в каталоге Каирского музея (I том появился в 1906 г.).

шатанности памятников, их вероятной устойчивостью; особенно важно установить, сводится ли их значение к чисто художественной ценности, или же они важны для историка и археолога.

С точки зрения практической не подлежит сомнению, что предоставлять полуразрушенные здания самим себе губительно для сохранности их частей. Когда есть возможность восстановить стену или колоннаду, пользуясь достаточным количеством древних камней, благоразумнее реставрировать. В этом отношении Масперо удалось воспользоваться исходными точками, опираясь на работы, которые велись в других местах. Отправленный правительством хедива в 1905 г. на археологический конгресс в Афинах, он использовал это назначение, чтобы изучить решение Грецией проблемы расчистки и поддержания античных памятников. «Я отправился, — пишет он, — в Дельфы, где Гомоль показал мне на месте приемы для достижения данной цели, потом в Олимпию, в район немецких раскопок. Вид этих двух местностей убедил меня в том, что мы были правы, удаляя обломки и отстраивая здания там, где это было возможно, пользуясь исключительно старым материалом. Обломки архитектурных и скульптурных памятников, предоставленные влияниям непогоды на местах нахождения, быстро истлевают, тогда как поставленные на первоначальные места, они крепнут и сохраняются. В Олимпии храмы или части их, которые могли бы продержаться еще долго, будучи реставрированы тотчас по нахождении, обречены на неминуемую гибель в весьма непродолжительном времени, благодаря тому что им предоставлено лежать на земле. И наоборот, сокровищница афинян и другие здания, реставрированные Гомолем в Дельфах, на долгие годы обезопасены от действия атмосферных влияний. Это заставило меня настойчивее следовать по намеченному пути и поднимать или

дополнять памятники, материалы которых уцелели в достаточном количестве и с такими указаниями, что их можно с полной уверенностью водворять на места»¹.

И однако — говорить ли? — что-то утрачивают реставрированные храмы — меланхолию запущенных развалин, влекущее очарование мертвых городов. В нашей жажде знания не налагасм ли мы кощунственную руку на трупы храмов? Дело ли это истинной цивилизации — препятствовать неизбежному разрушению того, что было великим и прекрасным и не будет таким больше никогда? Вернется ли былое величие гипостилю с его возведенными заново колоннами, где множество пятен свидетельствует об ударах времени, с его частью поддельными архитравами? И увидим ли мы жилище Амона, когда живописные трещины пилонов заменятся правильными линиями отстроенных стен? Истинные Фивы, разве это не Фивы развалин, где обитает смерть, а не реставрированный город, в котором все равно будет недоставать человеческой жизни.

Мучительные вопросы, которые с новой силой встают в уме каждый раз, когда видишь современную деятельность в схватке с тайной древних развалин. Я видел, как вдоль откоса спускался внушительный архитрав. Громадный камень был обвит пальмовыми листьями, украшен знаменами, чтобы заклясть злой рок; феллахи тянули канаты и громкими голосами отвечали на окрики надсмотрщика, который воззваниями к Аллаху делал их движения ритмическими. По мере того, как спускался камень, в воображении у меня возникала точно такая же картина, происходившая на этом же самом месте более чем три тысячи лет тому назад, когда доставленная из Сильсиле глыба поднималась по откосу таким же способом

¹ Rapport, 1905.

под звуки такого же пения. Камень и тогда почитался и украшался как священный; быть может, о нем говорилось то, что говорилось о многих других камнях и что мы читаем в каменоломнях Вади-Хаммамата: «Чудо, происшедшее в то время... Когда рабочие спускались с горы, явилась чудесная газель: она шла впереди и вела наших людей, которые шли, устремив глаза на нее. Она ни разу не обернулась, пока не дошла до этого камня на величественной горе... Тогда она родила на этом камне на глазах у всего войска; ее зарезали, сожгли на камне вместе с ладаном, и глыба благополучно прибыла в Египет...»¹

Теперь именем Магомета спускается и поднимается камень, покорный рукам неверных. Напрасно газель отдала свою жизнь, а дневные рабочие — свой труд. Дело, которому столько тысяч существ в течение столетий посвящали свою жизнь, утрачивает что-то из своей тайны и высокохудожественного значения, когда инженеры и археологи изучают его слабые места, сносят и восстанавливают стены.

Но то, что совершается теперь в Египте, не есть дело кощунственного любопытства. Реставрация храмов — неизбежное зло для предотвращения более крупных бедствий. Задача не в том, чтобы доставить взорам банальное удовлетворение при виде непрерывных линий и вполне законченных зданий. Красота линий — не единственное достоинство египетских храмов: ее, быть может, было бы еще больше, если бы представить их своему облику умирания и если бы одни художники искали здесь поучения. Эти колонны, эти стены покрыты фигурами и текстами, единственными в истории мысли и человека; спасти эти обломки летописей, эти отрывки молитв и

¹ Erman. Wunderzeichen in Hammat, Zeitschrift für ägyptische Sprache, XXIX, с. 60.

теогоний — значит сохранить человечеству его фамильные документы, его древнейшее умственное наследие. Вот почему нужно, необходимо отстраивать, восстанавливать колоннады и порталы. Пусть будут спокойны художники и чуткие души: священного камня касаются благочестивые руки.*

II. Дипломатия фараонов

В конце лета 1887 года в одном из мало посещаемых округов Среднего Египта, около деревни Хагги-Кандиль, населенной бедуинами Эль-Амарны, феллахи в поисках строительного материала в неисчерпаемых каменоломнях, какими являются старые храмы, мирно разрушали некоторые части стен боковых пристроек большого здания, что ныне признано дворцом Аменхотепа IV (XV в. до н.э.).

Аменхотеп IV был сыном Аменхотепа III и той царицы Теие, чьи печати найдены в микенских дворцах Крита и Греции. Египет в то время господствовал над всем Востоком после того, как фараоны XVIII династии подчинили себе острова Средиземного моря, Красного моря и Переднюю Азию. Чтобы подойти к Дельте и Сирии, Аменхотеп IV покинул Фивы, столицу своих предков. На севере Ассиута, в Среднем Египте, находилась царская столица Ахетатон. В этих-то развалинах и рылись наши феллахи.

Очищая почву от накопившегося мусора, они нашли больше, чем могли ожидать, — прекрасные кирпичи, некоторые обожженные, большая же часть из сырой глины, четырехугольные и продолговатые; они были очень мелкозернистые, цвета черного, желтого и красного. Это был превосходный материал для наших импровизированных каменщиков. Пришло ли кому-нибудь из них в голову стереть вековую пыль?

порыв ли ветра сдвинул песок, забивший поры ила? Но кирпичи внезапно явили странные вырезанные знаки, словно проведенные стилетом и разделенные правильными линиями. Всем крестьянам известно, что их земля изобилует сокровищами, поэтому с кирпичами, носящими начертания, обошлись бережно. Принялись рыть землю; в непродолжительном времени обнаружили два тайника в виде колодцев: они оказались наполнены исчерченными кирпичами. Находку сложили в корзины, навьючили ими ослов, и через несколько дней торговцы Ахмима, Луксора и Каира уложили в свои склады часть документов.

Первыми учеными, извещенными об этом, были Буриан, директор французской школы в Каире, и Гребо, в то время директор Попечительства о древностях; они купили несколько экземпляров и, весьма изумленные открытием в Египте склада вавилонских таблиц, покрытых клинообразными письменами, сообщили о документах самым сведущим ассириологам, Опперту, профессору *College de France*, и Сэйси из Лондона. Изумление было так велико, что, прежде всего, специалисты сочли их подложными и пренебрегли ими. Но, узнав о существовании сотен, а по другим сведениям — тысяч исписанных кирпичей, мало-помалу заволновались: казалось невероятным, чтобы поддельватели могли быть так расточительны.

Музеи Лондона, Берлина, Вены, Парижа сделали несколько скромных закупок; большая часть перешла в руки Даниноса-пашы, в Александрии, и коллекционера Графа, перепродавшего их Берлинскому музею. Начиная с апреля 1888 года всякие сомнения рассеялись. Сэйси расшифровал имена царей Вавилона и сирийских вождей; великий египтолог Берлина Адольф Эрман прочел картуши фараонов Аменхотепа III и Аменхотепа IV, начертанные клинообразными письменами, и оказалось, что кирпичи эти были в высшей степени интерес-

ными посланиями, которыми во времена гегемонии Египта обменивались князья Сирии или пограничных стран и их сюзерены, фараоны. Это была древнейшая известная до сих пор дипломатическая корреспонденция, ей 34 века, и ее-то вычуженные ослы несли в корзинах, исправлявших по этому случаю должность «чемоданов».

Как прискорбно признаться, что критический дух ученых оказался для документов пагубнее невежества феллахов! Не один кирпич был искрошен острием исследователей и разбит во время перевозки. Так же был некогда изуродован «Королевский папирус», находящийся в Турине. Его нашли невредимым и поместили в кувшин, чтобы перевезти на спине осла; когда кувшин вскрыли, папирус был весь искрошен. Его склеенные куски все еще являются самым ценным хронологическим документом египетской истории. Кирпичи Эль-Амарны, бывшие в пренебрежении у торговцев, отвергнутые учеными, понесли непоправимый ущерб во время своей скитальческой судьбы. Из них едва ли уцелело триста, а в начале их было, пожалуй, вдвое. Зато оставшимся теперь нет цены. Ассириологи всех стран, Сэйси и Бадж в Англии, Бецольд и Уинклер в Германии, Халеви, Делатр и Шейль во Франции, перевели и снабдили комментариями эти тексты, ставшие, благодаря главному их изучению, доступными широкой публике.

Когда таблицы Эль-Амарны были вкратце расшифрованы, оказалось, что эта дипломатическая переписка распределена по сериям: тут было 6 писем одного вавилонского царя, 9 — царя Аляшии, 4 — царя Митанни; в тех и других обсуждались отдельные случаи, что указывает на правильные сношения. 46 посланий принадлежало некоему Рибадди; 5 или 10

отправлены из Иерусалима Арадгиббой и Азиру, губернатором одного сирийского города; около сотни корреспондентов представлено одним-двумя письмами. Итак, мы имеем дело с настоящими письменными актами. На одном из кирпичей упоминается о «складе архивов царского двора»; одно из нижеприведенных писем приглашает фараона справиться с экземплярами, которые хранятся в его канцелярии. Две развалившиеся комнаты Эль-Амарны и были, по-видимому, складом архива Министерства иностранных дел фараона.

Это просто кладовые, куда сваливали в кучу кирпичи, забываясь о них столько же, сколько о кипах бумаг на чердаках наших министерств. Краткая надпись египетскими знаками, начертанная на полях одной клинообразной депеши, гласит, что первоначально склад находился в Фивах, столице фараонов XVIII династии; но когда Аменхотеп отверг Фивы как религиозный и политический центр, общественные учреждения были перенесены в Ахетатон (Эль-Амарну) и дипломатические архивы водворены в скромный дворцовый флигель.

До нас дошли некоторые указания относительно служебного персонала при архивах: найдена именная печать, принадлежавшая «Джедену, подручнику Шамаса-Ники». Джедену, судя по имени, — египтянин; по-видимому, он занимал должность писца под начальством Шамаса-Ники, несомненного вавилонянина. Флиндерсу Питри, производившему основательные раскопки в этой части Эль-Амарны в 1891 г., удалось открыть имя еще одного чиновника, написанное чернилами на камне: «царский писец Хеперра». Он думает, не без основания, что это был египетский директор Правления, под чьим начальством находился вавилонянин Шамас-Ники, при котором, в свою очередь, состоял египтянин Джедену.¹

¹ Sayce, у Fl. Petrie. El-Amarna, с. 23.

Присутствие иностранца-вавилонянина объясняется тем, что все дипломатические акты написаны клинообразными, т. е. иностранными для Египта письменами. Употребление этого языка при дворе фараона было нововведением; ни в одном документе более раннего периода на это нет никаких указаний; неудивительно потому, что к этой иностранной «дипломатии» был приставлен иностранец. Как нам известно, египетские иероглифы изображают буквы, звуки слогов и понятия фигурами людей, животных, растений, всевозможных предметов, воспроизведенных с самой добросовестной правдивостью; знаки очень легко узнавать, а для египтологов зрительное их чтение даже привлекательно и легко. У вавилонян, напротив того, письменные знаки, бывшие вначале фигурами, аналогичными египетским иероглифам, очень быстро подвергались стилизации, а потом видоизменению. Употребление мягкого кирпича как материала и стила для начертания писмен привело писцов Евфрата к замене прямых и извилистых линий человеческой и звериной фигуры или очертания предмета рядом прямых штрихов, которым стило придавало вид гвоздя или угла (откуда название клинообразные письма). Мало-помалу звезда, голова животного, человеческая рука превратились в группы штрихов, следующих друг за другом в горизонтальном или вертикальном направлении; в настоящее время неопытному глазу так же трудно узнать в них первоначальную фигуру, как в китайских знаках, представляющих не более как силуэты существ и предметов, искаженные преувеличенной стилизацией.

Зато, если клинообразные письма мало привлекательны для глаза, у них есть преимущество определенности и легкости начертания. Вот почему, как это подтверждают кирпичи Эль-Амарны, они были приняты во всей Западной Азии,

вероятно, со времен почти баснословного покорения Сирии и Месопотамии Саргоном Старшим, царем Вавилонским (3500 лет до н.э.). «Начертание этих писмен, — говорит Халеви, — есть вавилонская скоропись; язык — обыкновенный вавилонский, который в те времена был литературным наречием не только северных семитов, но всех народов Тавра и Амануса, обладавших некоторой цивилизацией. По верхнему течению Евфрата вавилонское начертание было уже принято в несемитических наречиях этих стран».

Этому очень любопытному обстоятельству мы обязаны находением среди писем Эль-Амарны двух посланий, написанных клинообразными знаками, но языком еще неизвестным Митанни: мы можем прочесть в этих письмах звук, но не смысл. Некоторые индоевропейские племена Передней Азии тоже приняли вавилонские начертания как письменное выражение своего языка: в музее Гимэ имеется несколько текстов одного индоевропейского языка, найденных Шантром в Каппадокии и начертанных клинообразными письменами.

Несмотря на географическое соседство вавилонской цивилизации, получившей распространенность благодаря письменности, египтянам, служившим в отделе корреспонденции, нужна была настоящая интуиция, чтобы стоять на высоте роли переводчиков и редакторов. Язык и письмо, с которыми приходилось иметь дело, были настолько трудны, что в пособие им был составлен словарь, отрывки которого найдены Питри. Это кирпичи, аккуратно разделенные на три столбца: в первом написан знак письма, идеограмма; во втором — его переложение в равнозначущих звуках семито-вавилонского наречия, бывшего в ходу у разных народов Западной Азии; в третьем — произношение этих знаков по-шумерски, т. е. на оригинальном вавилонском языке. В одном трактате есть ука-

знание на то, что словарь составлен «по приказу царя египетского»; отсюда можно вывести, что фараон требовал от своих писцов основательного знания иностранного языка, так как, в сущности, шумерское произношение могло понадобиться только тем, кто хотел знать все тонкости клинообразного начертания.¹

Понятно, почему всячески поощрялось изучение иностранного наречия, если мы примем во внимание, что оно не только употреблялось в корреспонденции с царями или вождями Азии, но им пользовались и сами фараоны. Длинное послание Аменхотепа III к царю Вавилона составлено на том же языке, что и письмо, на которое он отвечает²; один из последних принцев Египта писал своему отцу фараону клинообразными знаками; египетские губернаторы переписываются с канцеляриями метрополии на вавилонском языке, а не египетскими иероглифами.³ Тот факт, что для дипломатической корреспонденции употреблялся только этот язык, имеет важное значение для определения взаимной ценности научной и литературной культуры в Халдее и Египте в XV в. до н.э. Но с исторической точки зрения, на которой мы стоим, это интересно еще в одном отношении: мы видим, что в деле управления своими азиатскими провинциями фараоны выказали хитрость и политический такт, по меньшей мере, неожиданные. Более подробное изучение системы их господства готовит целый ряд неожиданностей для тех, кто думает, что политика протектората и дипломатическое воздействие на далеком расстоянии суть искусство современности, неизвестное древним.

¹ Petrie. El-Amarna, табл. XXXII, 5.

² Revue Sémitique, I, 1893, с. 49.

³ Journal Asiatique, 1891, I, с. 213, 215.

Египет считал себя в безопасности по отношению к Азии лишь при условии захвата в свои руки ключа Сирийского пути, который через Табору, Яффу и Газу всегда приводил в Дельту азиатские нашествия, так что, когда фараоны XVII династии оттеснили вторжение пастухов, или гиксосов, за пределы Суэцкого перешейка, все их наследники XVIII династии (около 1500 г. до н.э.), Тутмосы и Аменхотепы, поспешили занять эти прибрежные города, получившие название «Ступеней» Востока, — Газа, Ашкелон, Тир, Сидон, Арвад; отсюда они поднялись к ущельям Мегиддо, ключу Палестины, и к перевалу Кадеш, воротам долины Оронта и верхнего Евфрата.

Побережье и первые плоскогорья Сирии находились под непосредственным влиянием фараонов. На берегу мы уже застаем те морские республики с семитическим языком и олигархическим образом правления, которым эллины впоследствии дали название финикийских; внутри страны Иерусалим и земля Ханаанская заняты другими семитами, но еще не евреями Моисея; Исход еще, может быть, не начинался или, по меньшей мере, не завершился: евреи находятся в Египте, блуждают в Синайской пустыне и в степях заиорданских. По ту сторону, в Передней Азии, от Александрийского залива до Персидского, простирались государства, одни более недавние, другие очень старинные: царство Аляшия по нижнему течению Оронта, царство Митанни по верхнему Евфрату, царство Ашшура по среднему Тигру, царство Кардуниаш, которое унаследовало могущество Вавилона над нижним Евфратом. Эти-то князьки побережья и плоскогорий и цари передних стран шлют фараонам, Аменхотепу III и Аменхотепу IV, послания, найденные в Эль-Амарне. Первые — вассалы, вторые — союзники; с одними фараоны придер-

живаются политики протектората, с другими вступают в союзы.

Послания¹, исходящие из городов Сирийского побережья, из Палестины, из долины Оронта, одним словом, из всей египетской провинции Сирии, гласят, что у фараонов ни в одном из этих городов не было представительства ни в лице живущих в них египетских чиновников, ни в виде постоянной военной силы. В Тире, Сидоне, Библе, Иерусалиме мы встречаем и царских подручников, называвшихся хазани; «их города принадлежат им; их подданные склоняются перед ними». Это не египтяне, их имена показывают, что они туземцы; часто они происходят из старинных местных родов; иногда они обладают царским титулом; иногда хазани являются преемниками царей. Быть может, египетская политика покровительствовала олигархическому разделению в ущерб монархии, более грозной для иностранцев. В некоторых городах, Арваде, Тунипе, нет ни царя, ни хазани: это небольшие республики; совет сановников, «дети города Тунипа» или «жители города Иргеты» непосредственно сносятся с фараоном.² Во всех случаях эти местности пользуются самоуправлением и обращаются к египетской канцелярии без посредников.

Выражения, в каких те или другие из местных властей изъясняют свое подданство, полны забавной покорности: «Царю, моему владыке, моему богу, моему солнцу, царю, владыке моему, сказано следующее: „Я, хазану города... твой слуга, прах ног твоих и земля, которую ты попираешь, доска тво-

¹ Все цитаты сделаны по превосходному переводу J. Halévy, появившемуся в «Journal Asiatique» с 1890 по 1892 гг. и «Revue Sémitique», 1893–1894. Кроме того, я воспользовался поучительными статьями P. Delattre (Revue des Questions historiques, т. LI–LX, 1892–1896) и классической «Историей» Г. Масперо.

² Revue Sémitique, 1894, с. 16.

его сидения, скамейка для ног твоих¹, копыто коней твоих, я семикратно припадаю животом и спиной к пыли у ног царя, моего владыки, солнца небес²». Главные свойства хазани, их значение и лучшие качества, которые они себе приписывают, выражаются ими следующим образом: «Я слуга царя, домашний пес его, я стерегу всю страну... для царя, моего владыки».³

В обычное время переписка сводится к нескольким образцам: в стране спокойно, царских повелений слушаются, подати правильно направляются в Египет. Так, городской голова Сидона пишет: «Царь, мой владыка, извещается, что город Сидон, раб, доверенный мне, спокоен. Когда я узнал приказ, посланный мне царем, моим владыкой, сердце мое преисполнилось радости, я поднял голову, лицо и глаза мои просияли, когда я исполнил приказ царя, моего владыки... вот: твой слуга посылает тебе сто быков и рабынь. К сведению царя, моего владыки, солнца небес».³

Если фараон отправляет посла, обоз с товарами или отряд стрельцов, хазану обязан их сопровождать, обеспечивать их безопасность и продовольствие: «Царь, мой владыка, солнце небес, направил ко мне посланника Джамия; вот: я выслушал приказ царя с величайшим вниманием... я со своими отрядами и повозками, с братьями и воинами, мы отправились навстречу отрядам стрельцов к месту, указанному мне царем». Когда сам царь посещает свою сирийскую провинцию, верный слуга должен кормить его и его отряды: «Царь, мой владыка, с его многочисленными отрядами возвращается в свои страны, и вот, я выслал крупный скот, запасы масла навстречу великому войску царя, моего владыки». В бедных горных

¹ Псалмы евреев, в свою очередь, гласят: *donec ponam inimicos tuos scabellum pedum tuorum*.

² *Journal Asiatique*, 1892, I, с. 272; *Revue Sémitique*, 1894, с. 110.

³ *Journal Asiatique*, 1891, II, с. 170.

провинциях иной хазану не в состоянии исполнить эти повинности и униженно просит прощения: «Пусть царь, мой владыка, пошлет за маслом: у меня нет ни коней, ни повозок, чтобы отправиться навстречу царю, а сына своего я послал в страну царя, моего владыки».¹

Чтобы досмотреть за точным выполнением его приказов, у фараона есть свои вестники, «очи и уши царя в чужеземных странах», как выражаются египетские протоколы. Они поставлены выше всех туземных правителей; за очень редкими исключениями, это египтяне и видные сановники двора фараонов. Их расследования очень боятся: «Пусть царь, мой владыка, спросит у всех своих вестников, верный ли я слуга моего царя; пусть царь спросит такого-то, он увидит, что это правда». Эти инспектора могли быть и постоянными, но у них не было определенного места жительства. Они властно вмешиваются в затруднительных случаях с обязательством, однако, давать отчет фараону.

А затруднительные случаи бывали нередко. Из этой переписки египетская провинция Сирия представляется нам как бы бесконечно раздробленной на мелкие автономные области, находящиеся в постоянном соперничестве; между теми или другими хазану возникают непрерывные столкновения, и сами эти раздоры как будто бы нравятся фараону, который находит в них элементы своего могущества, искусно выражая то благоволение, то строгость и всюду заставляя считаться со своей волей как с конечной инстанцией. Со всех сторон прибегают к помощи фараона; то разбойники грабят такой-то город, то хазани бессовестно захватывают участки земли, принадлежащие соседним городам: «Знай, о царь, что разбойники возмутили эти города против меня... я как птица, попавшая

¹ Revue Sémitique, 1893, с. 304–314; Journal Asiatique, I, с. 297, 318, 325.

ся в сети или в клетку... Пришли мне стрельцов из Египта». Испрашиваемое количество более чем умеренно: губернатор Мегиддо просит о присылке двух стрельцов, губернатор Тира испрашивает двадцать, Библа — четырех с двадцатью колесницами (колесницы Египта были в то время неотразимы; гомеровские воины заимствуют свои колесницы у египтян); в особенно затруднительных случаях повышают число до двухсот египетских солдат.¹ Эти данные показывают, что фараоны не содержали в Сирии постоянного гарнизона. Губернаторы пользуются своими собственными войсками, но они желают присылки нескольких египетских солдат, играющих, несомненно, роль инструкторов и составляющих кадры из туземных войск, по тому же приему, каким пользуемся мы в Сенегале, в Тонкине, в Марокко.

Из многочисленных «дел», о которых идет речь в переписке Эль-Амарны, есть два, которые, приблизительно, доступны разбору во всей своей последовательности и дают очень живую картину египетской политики в Сирии. Это дела Азиру и Арадгиббы. Вот краткое их изложение по разборам Халеви и Делатр.

В одном округе северной Финикии, называемом страной Амурру, на хазану Азиру фараону отправлен донос его товарищем из Библа, по имени Рабимур.² Несмотря на заверения покорности, которые он шлет египетскому послу Деди, Азиру формально обвиняется в умерщвлении трех царей соседних городов и всех сановников страны с целью присоединения их

¹ Journal Asiatique, 1891, I, с. 252, 244; 1892, I, с. 310.

² P. Delattre, «Azirou» в «Proceedings of the Society et Biblical Archaeology», т. XIII, с. 215.

городов к своей области. Азиру оправдывается и пишет: «Сановники города Симиры не оставляли меня в покое, и никакого проступка по отношению к царю, моему повелителю, я не совершил». Тут вмешивается новое лицо, которое пишет сухо: «Именем царя, твоего владыки, управителю города Амурру»: это может быть только египетский инспектор, передававший ответ фараона на сделанное Рабимуром донесение:

«Истинно, говорит он ему, ты не с царем, твоим владыкой. Если ты хочешь принести царю повинную, в какой награде отказал бы тебе царь? Но если ты хочешь продолжать действовать таким образом, мятеж в сердце твоём, и ты умрешь вместе с твоим семейством. Подчинись царю, твоему владыке, и ты останешься в живых... Я говорю тебе: покинь вершину этой горы (где Азиру укрылся) и явись перед лицом царя, твоего владыки; или же пошли сына твоего к царю. Разве нет у тебя детей, которые могли явиться? Знай, что царь могущественен, как солнце на небе, и что отряды его и колесницы многочисленны в Верхней и в Нижней стране, от востока до запада».¹

Поставленный перед необходимостью личного самооправдания при дворе египетского царя, Азиру предусмотрительно избегает отказа: он пишет с разных концов посланникам Деди и Хаи и самому фараону, что он выезжает, что он уже едет... и остается. Извещая о своем отъезде, он упоминает о нападении царя хеттов на город Тунип: кто защитит этот город, если он, Азиру, не останется на своем посту? «Я и сын мой, мы верные слуги царя; итак, я и он, мы немедленно пускаемся в путь... пусть знает мой повелитель, что я спешу повиноваться. Но царь поручил мне защищать его владения, и теперь царь хеттов в стране Нухашше, в городе Туниле... я опасаюсь за

¹ Cp. J. Halévy, *Journal Asiatique*, 1891, II, c. 176.

владения моего хозяина». Отправился ли Азиру в Египет? Дело его обрывается в эту роковую для него минуту. Если судить по прежним случаям, Азиру, должно быть, сумел избежать страшного испытания — явиться лично или послать сына в качестве заложника в руки фараона.

Дело Арадгиббы сложнее: здесь замешано личное соперничество чиновников и щекотливый вопрос дипломатической неприкосновенности.¹ Арадгиббы был губернатором Иерусалима. Имя Израиля, впрочем, нигде не упомянуто в его письмах; оно встречается на одной египетской стеле фараона Мернептаха (ок. 1250 г. до н.э.), который хвалится тем, что подавил Израиль в Сирии в то время, когда, по преданию, израильтяне находились еще в Египте. Но имя Арадгиббы указывает на его семитское происхождение. У него оспаривали власть Милькили и Шумардата, туземные агенты египетского правительства. Последние обвиняли его в соучастии с шайками разбойников, грабивших Палестину по приказу Буррабурнаша, царя Вавилона: иррегулярные войска вавилонского царя нарушили союз своего повелителя с египетским царем, потому что Буррабурнаш был им серьезно оскорблен.

В одном письме к Аменхотепу IV он говорит об отправлении посольства, снабженного подарками, в Египет:

«Мои уполномоченные, до тех пор благополучно совершавшие путь, были застигнуты насильственной смертью в Палестине. Они покинули твоего доброго брата, чтобы явиться к тебе, когда, по прибытии в город Акру, сопровождавшие их (от лица фараона) умертвили моих уполномоченных и завладели подарками... Это Шумардата отрезал ноги моим людям и вырвал у них пальцы; что касается другого, он первый,

¹ J. Halévy. Un gouverneur de Jérusalem vers la fin du XV siècle a. J.-C., *Revue Sémitique*, 1893, c. 13. — Cp. *Journal Asiatique*, 1891, II, c. 514.

по чьему наущению их головы попирали ногами... Допроси этих людей, произведи расследование, собери сведения, и ты узнаешь правду. Земля Палестинская — твоя земля, и цари ее — твои данники; это в твоей стране мне был причинен ущерб. Повели произвести следствие, повели вернуть отнятое золото и повели казнить людей, умертвивших моих людей, и пусть пролитая ими кровь падет на их головы. Если ты не казнишь смертью этих людей, мои военачальники убьют всех твоих людей и твоих посланников, так что отныне всякие сношения между нами прекратятся, и солдаты их будут поступать с тобой как с врагом».¹

Эти угрозы были приведены в исполнение, но Шумардата обвинил Арадгиббу в покровительстве предприятиям вавилонян, и вопрос об умерщвлении послов стусевывается перед личным соперничеством уполномоченных египетского царя.

Арадгибба пишет царю пламенные послания: «Кто же осудит мои действия, глубоко клевета перед царем, моим владыкой, говоря: „Арадгибба изменил своему владыке?“ Смотри: ведь не слуги моего отца и не слуги моей матери доставили мне это место; это рука царя могущественного ввела меня в дом отца моего. Почему же бы я принял на себя преступление неверности и предательства по отношению к царю?»² Арадгибба желал бы оправдаться лично. «Я сказал себе: отправлюсь к царю, увижу города царя, но у меня есть сильный враг, и я не могу достигнуть до царя». И не желая пренебречь ни одним средством удачи, Арадгибба трижды заключает свои послания припиской, относящейся к царскому писцу: «Писцу царя, моего владыки, сказано следующее: Я Арадгибба, твой слуга, я повергаю себя к стопам моего владыки. Я твой слуга.

¹ Journal Asiatique, 1899, II, с. 325.

² Journal Asiatique, 1891, II, с. 519.

Снеси благоприятные слова (в мою пользу) царю, моему владыке. Я слуга царя, а также и твой»¹. Мы видим, что «ходатайства» канцелярий имели свое значение для удачного исхода дела со времен XVIII династии.

Ходатайства были тщетны. Аменхотеп IV как будто бы склонился в пользу Шумардаты и Милькили: они получили приказ низложить Арадгиббу силой. Долго наемники, бывшие на содержании соперничающих управителей, и разбойники опустошали Палестину. Арадгибба покинул Иерусалим, чтобы вести войну в Палестине, а управление вручил одной женщине, Белитнеши, которая дважды писала фараону в его пользу.² Неизвестно, чем кончилась борьба. Буррабуриаш и Аменхотеп IV помирились, что же касается Арадгиббы, он вероятно, в конце концов пал под ударами соперничающих самолюбий.

В течение этих раздоров, превращающих их богатую провинцию Сирии в поле битвы, фараоны выказывают часто равнодушие, которое было бы непонятно, если бы не было предумышленно. Мы знаем, по жалобам данников, что их ответы на донесения приходили с промедлением, если только приходили. Рассмотрите это послание маленькой республики Тунипа, которая спрашивает себя, покровитель ей фараон или нет:

«Город Тунип, слуга твой, говорит: Кто некогда отличил город Тунип? Разве не Аменхотеп III отличил его? С той поры боги и статуя египетского царя, нашего владыки, пребывали в городе Тунипе. Пусть наш владыка справится в архивах того времени, принадлежим ли мы нашему владыке, царю Египта! Мы отправили уже двадцать писем царю, нашему владыке, и посланники наши остались у нашего владыки... Теперь город

¹ Journal Asiatique, 1891, II, с. 524, 527, 529.

² Journal Asiatique, 1892, I, с. 302-304.

Тунип, твой город, плачет, слезы его льются, и нет никого, кто бы помог нам. Мы написали уже двадцать писем царю Египта, и ни одного ответа не пришло к нам от нашего владыки»¹.

Существует более сотни писем подобного рода в актах Эль-Амарны. Вывести ли отсюда заключение о закоренелой небрежности Министерства иностранных дел в Египте? Вернее будет допустить, что восточные добродетели медлительности, осторожности, обдуманного бездействия были в ходу в дипломатии фараонов. Царь Египта, по-видимому, умел сообразовать свою действенность с неотложностью дел; во многих случаях выиграть время, предоставить события своему ходу и выжидать, с тем чтобы вмешаться в решительную минуту, было лучшим врачеванием легких хронических недугов в странах, находившихся под протекторатом. И кроме того, эти междоусобия были важны для поддержания иноземной гегемонии: разделять, чтобы царствовать, — этот принцип создал силу фараона в стране, которую он устаивал изображениями богов и своей собственной божественной особы,² но где у него были одни дипломаты и кадры офицеров без постоянных отрядов войска.

С крупными державами Тавра и Евфрата, Аляшией, Миттани, Ассирией, Кардуниашем (Вавилоном) египетская дипломатия придерживается другой политики. Цель фараонов — окружить сирийские провинции полосой государств-буферов, которые ослабляли бы столкновения между страной Ханаан-

¹ *Revue Sémitique*, 1894, с. 16.

² *Revue Sémitique*, 1893, с. 316.

ской и кочевыми племенами Средней Азии, из которых наиболее угрожающими были хетты. Эта роль выпала на долю старых династий Ашшура и Вавилона, значительно утративших свой прежний блеск, но все еще грозных и влиятельных; а иногда фараон возводит на степень союзников выскочек, царствовавших в Аляшии и Митанни.

Это уже не отношение покровителя к данникам: каждый из этих варваров смотрит на фараона как на равного. «Царю Египта, брату моему, говорится: „Я царь Аляшии, твой брат, я здоров и посылаю горячие приветы тебе, твоим родным, твоим служанкам, твоим детям, твоим женам, с искренним поздравлением по случаю многочисленных колесниц твоих и коней и с пожеланиями стране твоей Египту”»¹.

Царь ассирийский, от которого до нас дошло только одно письмо, пишет более сухо: «Амеихотепу IV, брату моему, сказано: „Мир тебе, твоим родным, твоей стране”»². Тон переписки сердечен, если монархи соединены кровными узами родства: «Аменхотепу III, великому царю Египта, моему брату, моему зятю, которого я люблю, который меня любит, сказано: „Я, Тушратта, великий царь страны Митанни, твой брат, твой тесть, который любит тебя, я здоров и шлю тебе свои приветствия, тебе, моему брату и зятю, твоим родным, твоим женам, твоим сыновьям, твоим слугам”»³. Со своей стороны Аменхотеп IV, обращаясь к царю Кардуниаша, употребляет точно такие же выражения.⁴ Из этих отрывков ясно следует, что дипломатический формуляр существовал уже в те времена, чтобы придать переписке корректность, единообразие редакции с оттенками личного расположения.

¹ Journal Asiatique, 1890, II, с. 335.

² Journal Asiatique, 1890, II, с. 331.

³ Journal Asiatique, 1890, II, с. 348.

⁴ Revue Sémitique, 1893, с. 49.

После обмена установленными приветствиями монархи взаимно делились состоянием здоровья. Одно письмо Буррабуриаша служит примером потешной обидчивости в этом отношении:

«С того дня, как явился ко мне посланник брата моего, я не был здоров. Во время моего нездоровья брат мой не подбодрил меня. Я сердился на брата моего, говоря: „Не слышал разве брат мой, что я болен? Почему не шлет он своего гонца и не заботится обо мне?“ Посланник брата моего ответил: „Страна не настолько близка, чтобы брат твой успел узнать об этом и мог отправить к тебе посланника справиться о тебе"... Действительно, я узнал от моего вестника, и он сказал мне: „Это очень далекое путешествие". С тех пор я перестал сердиться на брата моего...»¹

Тушратта, царь Митанни, выставляет напоказ свое жестокое горе при известии о смерти Аменхотепа IV и в следующих выражениях пишет его сыну: «Когда отец твой был при смерти... в этот же день я плакал и заболел и был при смерти... (но я узнал о событии) от старшего сына Аменхотепа и Тейе и сказал: „Аменхотеп не умер"...»² Письмо сильно повреждено, но несмотря на пробелы ярко выступает эта любопытная чувствительность.

Обмениваясь любезностями, обращались к серьезным делам: политическим союзам, брачным союзам, торговым договорам. С тех пор как Тутмос III окончательно закрепил за Египтом Ханаанскую землю, египетский двор понял, что только союзы могли сделать это покорение прочным. Это упоминает каждый из корреспондентов Аменхотепа IV после того, как последний становится царем. «Теперь, о государь,

¹ Journal Asiatique, 1890, II, с. 321.

² Journal Asiatique, 1890, II, с. 423.

когда ты вступил на престол отца твоего, подобно тому как мы находились в добром согласии друг с другом, отец твой и я, взаимно обмениваясь подарками, точно так же установим ты и я постоянную дружбу между собой. С таким же пожеланием обратился я к отцу твоему: прими его и осуществим его между собой.»¹

Для безопасности фараона в Сирии было необходимо, чтобы мятежные города, ничтожные порознь, не находили никакой поддержки со стороны Вавилона или Ниневии. С другой стороны, фараон, вступая в союз с тем или иным из своих соседей, тем самым давал ему перевес над его соперниками и укреплял его могущество в Азии. Взаимную выгоду этой политики для Египта и Вавилона ясно выражает одно письмо Буррабуриаша, где он упрекает Аменхотепа IV в холодности:

«Во время отца моего, Куригальзу, один ханаанский царь сказал ему через своего посланника: „Войдем в город Кархемиш, двинемся общими силами на фараона“. Мой отец послал ему следующий ответ: „Откажись от мысли о соглашении со мной; если ты хочешь относиться к царю Египта как к врагу, ищи другого союзника; я не пойду и не стану опустошать его страну, ибо он мой союзник“. Вот как отец мой из любви к твоему отказался выслушать его»².

Сказав это, Буррабуриаш приступает к вопросу, в котором заинтересован лично: «Ныне царь ассирийский мой данник: мне незачем говорить тебе, почему он явился просить твоей дружбы; если ты любишь меня, пусть никакого договора не будет заключено (между вами), оттолкни его подальше». Фараону же выгодно было удерживать равновесие меж-

¹ Journal Asiatique, с. 344.

² Journal Asiatique, с. 328.

ду всеми царями. Из одного письма ассирийского царя мы узнаем, что к нему были отправлены послы из Египта и что такой же традиционный союз существовал между Фивами и Ниневией, как и между Фивами и Вавилоном.¹

Кровные узы родства были необходимы, чтобы скрепить и облегчить дипломатические сношения; завязывать матримониальные переговоры было тогда, как и в наши дни, одной из важнейших задач посланников египетских и азиатских. Мы прекрасно осведомлены об этой любопытной стороне их обязанностей по отношению к царям Митанни и Вавилона.

Письма Тушратты, царя Митанни, показывают, с каким упорством добивались фараоны руки какой-нибудь варварской принцессы, которая своим присутствием в фиванском гареме служила залогом верности их отцов египетской политике. Сигатама, дед Тушратты, отдал руку своей дочери только после семикратных посланничеств Тутмоса IV; Аменхотепу III пришлось шесть раз спрашивать сестру Тушратты, а когда у него просили его собственную дочь, Тадухеппу, Аменхотепу IV, он явил величайшее благоволение, ответив сразу: «Мою дочь, я отдаю ее тебе». Вот как велись переговоры.² Аменхотеп IV, в то время простой наследный принц, отправил чрезвычайного посла по имени Мени с подарками и письмом своего отца Аменхотепа III, составленным следующим образом: «То, что я теперь посылаю тебе, это ничто... но если

¹ *Journal Asiatique*, с. 329. Ни один из этих союзных договоров до нас не дошел, зато на стенах фиванских храмов сохранились копии договора, заключенного столетием позднее между Рамсесом II и царем хеттов. Оригинал этого договора вырезан на серебряной дощечке и в точности воспроизводит условия одного из предыдущих договоров. Нет никакого сомнения в том, что подобными дипломатическими договорами обменивались со времен Аменхотепов.

² *Journal Asiatique*, с. 421. Cp. *Revue Sémitique*, 1893, с. 124 и *Zeitschrift für ägyptische Sprache*, 1890, с. 114.

ты дашь мне жену, которую я желаю, подарки последуют (в большем количестве)». Послов Тушратты допустили осмотреть груды золота, бесчисленные подарки, предназначенные для отца будущей царицы. Тушратта принял египетского посланника и, получив подарки, велел сказать царственному жениху: «Великая дружба связывала твоего отца и меня; теперь у меня будет еще больше любви к тебе, его сыну»¹. Это великодушное нисколько не помешало Тушратте горько сетовать впоследствии на то, что его лишили части обещанных подарков, которые так и не были посланы.

Матримониальные переговоры с вавилонским двором встречали ряд затруднений. Аменхотеп III женился на сестре Кадашман-Эллиля, царя Кардуниаша; несколько лет спустя он потребовал себе в новые жены собственную дочь Кадашман-Эллиля. Последний отказал, вовсе не потому, однако, что соперницей дочери его, Зугарти, была бы ее собственная тетка; со дня ее вступления в гарем фараона ни один из вавилонских посланников ее не видал и ничего о ней не слышал. Что такое мог делать фараон со своими иноземными женами? Прежде чем отдать свою дочь, Кадашман-Эллиль желал бы узнать, в чем дело.

Затруднение было серьезное, так как Аменхотеп III сообщает о нем целиком в единственном дошедшем до нас письме;² «Я узнал, — пишет он Кадашман-Эллилю, — об этих словах, с которыми ты обратился ко мне: „Как просишь ты меня выдать за тебя дочь, тогда как сестра моя, которую дал тебе мой отец, находится у тебя там и никто ее не видал; что же, жива ли она или умерла?“

Нам не известно, действительно ли с вавилонской принцессой произошло несчастье; Аменхотеп отвечает на это в ту-

¹ Revue Sémitique, 1893, с. 49.

² Journal Asiatique, 408-409.

манных выражениях. Он приводит еще и другие сетования своего корреспондента. Кадашман-Эллиль напоминает, что однажды его посланника ввели в гарем, когда все жены фараона были в сборе, и сказали ему: «Вот ваша госпожа перед вами». Посол не узнал ее и не мог определить, которая из этих женщин была сестрой его царя. На это фараон отвечает: «Посланный тобой не был знатного рода, который знал бы (раньше) твою сестру и мог, обратившись к ней, узнать ее и вступить в беседу. Посланники, которых ты направляешь, — люди низкого звания; например, Загара — погонщик мелкого скота, и нет ни одного из приближенных отца твоего». Но Кадашман-Эллиль отвечает: «Это какую-нибудь из знатных дочерей видели у тебя мои посланники; кто скажет, что (это моя сестра)?» Новый ответ фараона: «Если бы сестра твоя умерла, зачем было бы скрывать это от тебя?»

Сцена забавна, и, не предполагая преступления, легко объяснить ее себе растерянностью простолюдина, возведенного Кадашман-Эллилем в посланники, который, попав в гарем фараона, утратил всякую способность распознавать людей и предметы. Можно представить себе жалкий вид бедного азиата, плохо одетого, без всяких манер, посреди жужжащего улья, перед лицом насмешливого фараона и сотни цариц, веселых, шутливых, сверкающих драгоценностями, нагих под прозрачным газом. Отрывок из «Странствий Синухе»¹ дает нам представление о том, что там произошло.

Синухе, герой сказки, долгое время прожил изгнанником в Азии; возвращенный царской милостью, он был приведен к фараону в присутствии цариц и двора. Синухе чувствует, что

¹ Conte de la XII dynastie. — См. Maspero. Les contes populaires de l'Égypte ancienne, 3-е изд., с. 78. (Также см. Сказки древнего Египта/ Сост. и общ. ред. Беловой Г.А., Шерковой Т.А. — М.: Алетей, 1998. — *Прим. ред.*)

у него подкашиваются ноги и он теряет сознание; между тем, царь говорит царице: «Вот вернулся Синухе, разряженный, как азиат!» И царица залилась громким смехом, и дети царские расхохотались все сразу. Но Синухе был знатным египетским вельможей; во сколько же смешнее держал себя посланник Кадашман-Эллиля!

Впрочем, заботливость вавилонского царя трогательна. Едва ли была особенно завидной доля этих принцесс, оторванных от варварских дворов страны хеттов и Митанни, даже от утонченного двора Вавилона, и перенесенных в этот египетский мир, где нравы, обычаи, язык, понятия были так отличны. Правда, будущие царицы увозили с собой свиту из женщин и слуг, иногда до нескольких сот человек¹, которые заменяли им «дом» и «часовню» и играли ту же роль, что флорентийцы, сопровождавшие Генриетту Французскую в Лондон. Иногда — как это показывают письма Эль-Амарны — им посылали из Азии даже изваяние Владычицы Небесной Иштар-Астарты, чтобы дать им некоторое утешение.²

Но через несколько месяцев добрая богиня пускалась в обратный путь, на родину, и увозила с собой воспоминания детства принцесс.

Мы находим в письмах еще одну подробность. Фараоны неохотно отвечали взаимностью и обыкновенно отказывались выдавать своих дочерей или сестер за их азиатских союзников. Девушки «божественной крови» были не для ложа этих вояк; египетских Марий-Луиз не отдавали Наполеонам Ми-

¹ Одна легенда, вырезанная на египетском скарабее, гласит, что 317 женщин сопровождало Гилухеппу, принцессу Митанни, на которой женился Аменхотеп III (сл. *Zeitschrift für Aegyptische Sprache*, 1880, с. 81; 1890, с. 112).

² *Revue Sémitique*, 1893, с. 124.

танни или Кардуниаша. На это громко жалуется вавилонский царь:

«Когда я испрашивал руку твоей дочери, ты ответил, говоря: „Никогда дочь египетского царя не бывала дана никому“... Когда мне доложили эти слова, я послал сказать тебе следующее: „Если ты посылаешь ее мне с сожалением, я предпочитаю, чтобы ты вовсе не посылал ее“. У тебя нет ко мне братского расположения. Когда ты сообщил мне о своем намерении освятить союз наш браком, я отозвался на это с добротой брата; а теперь, брат мой, когда я выражаю тебе желание укрепить наш союз браком, почему отказываешься ты выдать за меня дочь твою? Почему не даешь ее мне? Если бы я еще отказал тебе в этом, это было бы понятно, но мои дочери были в твоём распоряжении, я ни в чем тебе не отказал»¹.

Правда, фараоны умели вознаграждать своих азиатских союзников. Отказывая им в женах, они посылали им золото: вот в чем заключалась тайна их неотразимого влияния и расплата за все унижения. «Пошли мне золота... я пошлю за твоим золотом... некогда отец твой посылал моему отцу много золота... ты должен послать мне такое же количество золота, как посылал твой отец...»² Таковы фразы, постоянно повторяющиеся в переписке Эль-Амарны; нет, пожалуй, ни одного письма, где бы речь не шла о золоте, которым в изобилии располагают фараоны и на которое направлены все вожделения азиатов. Фараоны действительно были очень богаты: Абисси-

¹ Journal Asiatique, 1890, II, с. 310.

² Journal Asiatique, с. 311, 317, 322, 328, 341. Ср. Revue Sémitique, 1893, с. 121.

ния, россыпи Итбея и Синая доставляли им в громадном количестве золото, и самородное, и добытое путем промывки, драгоценные камни, так что сложилась поговорка, часто повторявшаяся азиатскими царями: «В Египте у царя золота что пыли...», «дорожная пыль — это чистое золото»¹.

Не из одной жадности просили золота азиатские союзники: они требовали его во имя настоящих торговых договоров, которые присоединялись к союзам по кровному родству. Все эти семитские цари были опытными торговцами, ловкими промышленниками, которые всеми силами поощряли обработку металлов, уже процветавшую в их странах. Мы видим в руках у сборщиков податей на барельефах египетских храмов или на стенописи фиванских гробниц очень любопытные произведения сирийских и халдейских мастеров: это золотые, серебряные или бронзовые вазы, столовая утварь, украшенная мотивами, заимствованными из флоры или фауны Азии, оружие с художественной резьбой, слоновые клыки, мебель, ткани, драгоценные украшения... Но, кажется, не хватало сырого материала хорошего качества для этой цветущей промышленности; один Египет мог доставлять им его, и по дешевым ценам, если хотел фараон. Поэтому каждая политическая услуга оценивалась по настоящей стоимости драгоценного металла; союзники фараона были очень настойчивы в требовании того, что им полагалось, не давали обманывать себя в качествах поставляемого товара. Требования этого рода многочисленны. «Посол, которого ты отправил, — пишет Буррабуриаш Амеихотепу IV, — поставщик двадцати четвериков золота недоброкачественного, которое, будучи подвергнуто пробе, не дало даже и пяти четвериков чистого золота...»; или: «Слитки золота, которых брат мой не испытал, расплавлен-

¹ Journal Asiatique, 1890, II, с. 331, 353, 425.

ные для пробы, были мне возвращены, их не захотели принять...»¹

Нужно добавить, что азиатские цари признавали обмен подарками и часто извещают об отправке оружия, слоновой кости, драгоценных украшений. В этом отношении очень ценны списки предметов, составляющих приданое принцесс Вавилона и Митанни, — сотни строк нужны, чтобы перечислить ожерелья, кольца, браслеты и прочие украшения, мебель и разное приданое, которое посылали в Египет с караванами, часто подвергавшимися разграблению по пути. Точное описание предметов и материала, к несчастью, невозможно при нынешнем состоянии науки. Однако то, что можно угадать по общему смыслу, дает самое благоприятное представление об азиатской промышленности: нет ничего удивительного, что договор Рамсеса II и хеттов включает оговорки относительно художественно-промышленных рабочих: договаривающиеся высокие особы взаимно воспевают переманивать своих туземцев рабочих и похищать друг у друга тайны своей промышленности.

Благодаря этой-то дипломатии, не пренебрегающей ни политическими сношениями, ни кровными узами, ни деловыми отношениями, фараоны в течение ста пятидесяти лет, до вторжения неотразимого потока переселения народов, смогли удержать протекторат над Сирией, не прибегая к обременительным обязанностям администрации за пределами Египта, ни к военной оккупации. Как ни изуродованы экземпляры

¹ Journal Asiatique, с. 428 и 1202. По отцу Делатру, некоторые азиатские цари получали из Египта в необработанном виде металл, который они превращали в произведения искусства и возвращали фараону, взимая плату за переработку.

писем Эль-Амарны, все же по ним видно, что дипломатия существует не с XVI в. н.э., как этому нас чересчур любезно обучают. Чем больше своих тайн открывает нам древность, особенно восточная, тем больше мы познаем, что мысли и действия человеческие стары, как стар вещественный мир, и что всякое нововведение не более как обновление.

Было бы интересно поближе узнать Талейранов и отцов Иосифов, которые изобрели или дали направление течению руководящих идей египетского Министерства иностранных дел; но в восточной древности редко случается, чтобы всплывали отдельные личности; документы открывают нам дело общих усилий. Недостаток официальных документов пополняется для нас народной литературой: сказки Древнего Египта показывают, что в этой стране, как и повсюду на свете, были очаровательные искатели приключений, которых эти щекотливые и опасные переговоры, влекущие за собой любовь и ненависть, войну или мир, благосостояние или экономический упадок, окружили настоящим ореолом рыцарства.

Таким рисуется нам посланник, к которому обращается писец, автор «Путешествия одного египтянина»¹, предсказывая ему опасности, славу и любовные подвиги. «Я дам тебе узнать путь, идущий через Мегиддо. И вот ты на краю пропасти в две тысячи локтей глубины, полной каменных глыб и гольшей; ты идешь, держа лук и потрясая мечом в левой руке, ты показываешь его доблестным вождям, и они принуждены опустить глаза перед твоей рукой... Между тем, ты идешь один, без провожатого, без свиты, что шла бы за собой, и не попада-

¹ Ср. Maspero. Les Contes populaires de l'Égypte ancienne, 3-е изд., с. 199. В рассказе о легендарном путешествии посла Унуамона к берегам Сирии князь Библа похвально тем, что продержал в плену семнадцать лет послов фараона, которых в конце концов умертвил. (См. «Путешествие Унуамона» в Сказках древнего Египта. — *Прим. ред.*)

ются тебе горцы, которые указали бы, какому направлению должно тебе следовать; и страх овладевает тобой, волосы дыбом встают на голове, ибо нет на пути твоём проложенного следа, пропасть с одной стороны, отвесная гора с другой. Наконец, вступая в Яффу, ты встречаешь плодовый сад в пору полного его расцвета; ты проделываешь в заборе дыру, чтобы забраться в сад поесть; тебе понадается там красивая девушка, стерегущая сад; она принимает тебя за друга и отдает тебе цвет своей груди. Тебя замечают, ты открываешь, кто ты, и все признают, что ты герой!...»

Пресловутый Джхути, который, по преданию, усмирив взбунтовавшийся город Яффу, введя туда воинов, спрятанных в сосуды, и потрясая большим жезлом Тутмоса III, — вот легендарный прообраз египетских вестников, посредников между царями и городами. В стране Нахарине обреченный царевич находит далекую принцессу, которая выкупает его от трех злых роков. На берегах Аляшии жрец Унуамон, вместе с тем купец и дипломат, обошел хитрых сирийских царьков. Сами боги Египта занимаются дипломатией; целая их тысяча дает поруку в договоре, подписанном Рамсесом II с царем хеттов, а позднейшая легенда гласит, что они направляют в качестве посланника одного из них, Хонсу Фиванского, снять чары с дочери вождя Бахтана. Так крупными чертами рисуется в поэтическом цикле тип искателя приключений, смелого, любезного, хитрого мага, который превосходит человека, но дает понятие о том, чем был для египтянина идеальный «делец».

III. Египет до пирамид

дачные раскопки последних пятнадцати лет открыли нам происхождение египетской цивилизации. До сих пор история Египта началась для нас за одно столетие до IV династии, воздвигнувшей великие пирамиды, около 4000 лет до н.э. О временах более ранних ходили только недостоверные предания; если верить Манефону (составившему около III в. до н.э. греческую историю Египта, от которой остался один хронологический перечень), две первые династии происходили из Тина (около Абидоса); третья пребывала в Мемфисе и основала Мемфисское царство, оставившее нам пирамиды и другие памятники.

О первых царях Египта у Манефона сохранились одни сказки; но он, по крайней мере, приводит их имена, распределяя их по родам, или династиям. Добрую часть этих имен, несмотря на разницу иероглифического начертания и греческих списков царей, которые фараоны XVIII и XIX династий вырезали в храмах Карнака и Абидоса, можно узнать. Папирус, известный под названием «Туринского царского канона», относящийся к тому же времени, дает другой, более полный список с указанием годов царствования каждого царя и каждого царского рода; но этот папирус в настоящее время крошился и множества ценных кусков недостает вовсе.

Это тем более жаль, что документ восходил, будто бы, к основанию египетской монархии и включал даже период до

первой династии. Царям человеческим предшествовал якобы баснословный род богов, полубогов и теней, имена которых благоговейно занесены вместе с годами их царствования, от 300 до 3000 лет и более для каждого. Манефон дает нам сходную номенклатуру, а Диодор Сицилийский приводит отголосок этого предания:

«Египетские жрецы, исчисляя время, истекшее от царства Солнца до похода Александра, полагают около 23 тысяч лет. Они говорят — это, очевидно, сказка, — что из богов, царствовавших на земле, старейшие владели скипетром по 12 веков каждый, а потомки их — не менее чем по 300 лет... Египтяне также говорят, что кроме богов неба есть другие, которых они называют богами земными; они родились смертными, но приобрели бессмертие широтой своего ума и заслугами перед человеческим родом. Некоторые из них царствовали в Египте. Солнце было первым царем египтян... потом царствовал Сатурн и дал жизнь Осирису и Исиде, которые, взойдя на престол, бесчисленными благодеяниями усовершенствовали общественную жизнь»¹.

Египетские жрецы обладали подлинными архивами этих сказочных времен: они сообщили нам поучительные повествования о царстве бога Ра, его сыновей, Шу и Геба, о бедствиях Осириса, которого преследовал брат его Сет, и об отмщении сына его Хора и спутников Хора. Но для нас самый незначительный исторический памятник имел бы больше значения. Древнейшими до сих пор известными нам документами являются глухая дверь одной гробницы, носящая имена Хетепсехмуи и Перибсена из II династии, и плита с именем царя Джосера, III династии, вырезанная в Синайской скале. От других царей у нас нет ни одного современного им памятника.

¹ Диодор, I, 26, 13.

Возмещает ли Египет недостаток текстов и изобразительных памятников какими-нибудь указаниями на доисторическую цивилизацию, соответствующую тому, что в других странах мы изучаем под названием каменного века, бронзового века? До самых последних лет египтологи обращали мало внимания на расколотый кремль или шлифованный камень; после неожиданной-негаданной расшифровки иероглифов все силы устремились на собирание текстов, их переводов или расчистку храмов и гробниц; и теперь еще к этой колоссальной задаче едва только приступлено. Но явились в Египет геологи и естествоиспытатели, и они взялись за то, к чему эпиграфисты и археологи оставались несколько равнодушны.

К открытию Суэцкого канала в 1869 г. хедив Исмаил великодушно пригласил ученых наряду с князьями посетить Египет. Геолог Арселен, естествоиспытатель Гами и Ф. Ленорман заинтересовались придорожными камнями Долины царей, на которые египтологи и не смотрели. Это были кремневые топоры, резцы, ножи, сходные с произведениями мастерских неолитической эпохи. К несчастью, ни один скелет животного, никакой определенный геологический пласт не позволял установить время этих кремней, рассеянных по пустыне. Мариетт, первый директор Попечительства о древностях, счел нужным предупредить Арселена, Гами и Ленормана, что ничто не давало права отнести эти кремни к доисторической эпохе, тем более что египтяне продолжали изготавливать каменное оружие в продолжение всего периода своей цивилизации.

Нельзя не сознаться, что египтологи слишком легко освоились с мыслью, будто Египет не знал каменного века; казалось, от начала времен неведомо откуда пришедшие люди

колонизовали его, обладая уже развитой культурой. Мираж божественных династий ослепил не одних древних египтян. Мариетт, по крайней мере, предугадывал интерес этих новых изысканий и, казалось, желал их осуществления: «Для доказательства существования каменного века в Египте нужны новые раскопки в таких условиях, чтобы открытые памятники были явно работы рук человеческих и вместе с тем носили геологический отпечаток эпохи, предшествовавшей всякой известной нам исторической эпохе»¹. Мариетт льстил себя надеждой предпринять эти раскопки, но так и не нашел для этого свободного времени. Мы знаем, какие научные задачи поглощали деятельность его преемника Масперо, но он не забывал обещаний Мариетта. Выходя из управления Попечительства о древностях в 1886 г., он переиздал заметку Мариетта о каменном веке в Египте в качестве программы изысканий, к которым пора было приступить.

Первым взялся за это английский археолог Флиндерс Питри, однако без всякого заранее установленного плана. Ему было поручено совершить раскопки для «Egypt Exploration Fund» и «Egyptian Research Account»; он внес в это дело свои личные качества — методичность и наблюдательность. Питри не был профессиональным египтологом; археологический интерес для него не ограничивался письменными документами и видными памятниками; он уделял равное внимание и мелочам и находил не меньше удовольствия и пользы в классификации черепков посуды и осколков камня, чем в собирании скарабеев и плит. Своими упорными трудами он показал, как много может дать подробное изучение мелких вещей для того, чтобы отвести место в археологическом или историчес-

¹ Mariette. L'âge de la pierre en Égypte, 1870.

ком ряду тому или другому памятнику без числа и надписи, найденному в их соседстве.

Но когда Флиндерс Питри приступал к своим раскопкам, он и сам не верил в египетскую доисторическую древность. На месте Кахуна, при входе в Файюм, он в 1889 г. откопал город XII династии; неподалеку оказался склад топоров, скребков, кремниевых ножей и грубых глиняных изделий. Несколько севернее, в Медуме, возле пирамиды царя Снофру (IV династии) и гробниц первых исторических египтян (между 1890 и 1892 гг.) он открыл обработанный кремнь вперемешку с бронзовыми изделиями. * Все это пока объяснялось заведомым существованием каменных орудий на всем протяжении египетской цивилизации. Но вот зимой 1894–95 гг. местности Баллас и Тух (к северу от Фив) дали Питри и Куибеллу целые кладбища того типа, образцы которого найдены были порознь в Медуме; это могилы, где небальзамированные скелеты окружены кремнями, вазами и гончарными изделиями в стиле, классическому Египту не известном. Со времени медумских находок Питри чутьем угадал, что перед ним раса туземцев, старинная, первобытная; однако теория одержала верх над опытом: каменный век в Египте противоречил теории — о нем не могло быть и речи. Решили, что эти могилы такого своеобразного типа принадлежат «новой расе» (*new race*), не египетской, а, по всей видимости, ливийской, которая путем вторжения или медленного просачивания проникла в Египет после VI династии, в смутное время, последовавшее за Мемфисским периодом; она просуществовала несколько веков бок о бок с цивилизацией фараонов, сохраняя свои обычаи и свою промышленность, а потом, ко времени XII династии, слилась с туземным населением.¹

¹ Cp. J. Capart. Notes sur les origines de l'Égypte, 1890.

Эта new гасе продержалась в науке недолго. Не успела она дать египтологам правдоподобное и, во всяком случае, очень удобное объяснение особенностей Медума и Балласа, как была отвергнута даже своими авторами и окончательно ступшевалась перед удивительными открытиями де Моргана и Амелино.

Де Морган, ставший в 1892 г. директором Попечительства о древностях, не египтолог, был свободнее, чем кто-либо, от теорий. Его личные занятия и поездки на Кавказ сроднили его с проблемами происхождения народов и с методами их разрешения. С самого приезда в Египет он снова возбудил вопрос о доисторическом времени, начав с того, чем кончил Мариетт после Гами и Ленормана. «Я собрал, — пишет он в 1895 году, — все рассеянные по разным местам документы, скупил почти все кремниевые орудия, бывшие в продаже. Мало-помалу я пришел к мысли, что, допуская принадлежность нескольких обточенных кремней к историческому периоду, большинство их мы должны отнести к гораздо более отдаленной древности и что свидетелей настоящего неолитического века в долине Нила гораздо больше, чем это принято думать вообще»¹.

Результатом этих энергичных исследований, которые велись при содействии Легрена, Даресси и Жекье, явился том «L'âge de la pierre et les métaux en Egypte» со множеством важных точно воспроизведенных документов. Теперь уже трудно было отрицать существование в Египте доисторического человека. Но книга находилась еще в печати, когда раскопки Амелино в Абидосе и новые исследования де

¹ De-Morgan, Recherches I, c. 54. Де Морган издал два тома «Recherches sur les origines de l'Egypte»: т. I, «L'âge de la pierre et les métaux», 1896; т. II, «Ethnographie préhistorique et tombeau royal de Négadah», 1897. Я многое заимствую из этих капитальных трудов.

Моргана в Нагаде окончательно разрешили этот спорный вопрос.

На месте Абидоса Амелино нашел в середине одного кладбища «новой расы» большие могилы совсем другого стиля, с царскими именами на надгробных плитах. Некоторые из этих имен, расшифрованных в 1897 г., убедили, что новооткрытые памятники относились к I и II официальным династиям. В том же году де Морган расчистил в Нагаде могилу такого же типа; оказалось, что она принадлежала Менесу, первому царю официальных династий. Значит, строителями Абидоса и Нагады были фараоны первых династий; люди «новой расы», погребенные рядом с ними, но принадлежавшие к менее развитой цивилизации, — их предшественники или их подданные.

Итак, вопрос о происхождении Египта ставится в настоящее время в следующих выражениях: раса, называемая туземной, достигшая более высокой ступени неолитической цивилизации, заняла долину Нила; раса иноземная, более культурная, возникшая неизвестно где, отнимает у нее власть и основывает вокруг Абидоса царство, которое мы будем называть, принимая термин Манефона, Тинисским.

Туземная раса¹, занявшая Египет в доисторические времена, оставила следы на всем протяжении Нильской долины; благодаря де Моргану поселения каменного века были установлены, и мы могли бы начертить карту Египта неолитичес-

¹ Термин «new race», которым пользовались для обозначения этого населения до тех пор, пока не знали, какое место отвести ему в истории, теперь упразднен.

кой эпохи с его культурными центрами: Абу-Роаш на севере; Кавамиль, Абидос, Эль-Амра, Баллас, Тух для средней долины; Эль-Каб, Гиераконполь, Сильсиле на юге. Д-р Швейнфурт и Легрен открыли важные поселения в Аравийской и Ливийской пустынях. Разведки, произведенные Легреном до оазиса Харга, оказались очень плодотворны, они показывают, что доисторические люди почти всегда оставляли после себя кладбище и мастерскую для обтесывания камня в долине, при устье дорог пустыни; в глубине пустыни, вдоль дорог, ведущих к оазисам, вокруг источников, которыми и теперь еще пользуются для привала, также тысячами находят кремнь, необделанный или уже в обработанном виде.

Оружие и орудия из кремня в Египте, как и в других странах, — единственные свидетели существования этой древнейшей человеческой расы. Кремнезем, стусившийся комками или пластами в меловом известняке, легко отделяется от мела и представляет собой круглую или продолговатую массу, весьма удобную для изготовления первобытных орудий. В пустыне кремни иногда раскалываются под влиянием солнечных лучей и без всякой обработки доставляют кистени, топоры, скребки с острыми краями.¹ Чаще всего человек приходил природе на помощь; добыв кремнь с целью сделать из него орудие защиты или труда, он обтесывал его по главным изломам, не заботясь о законченности или художественности своего произведения.² Век, к которому относятся эти первые следы человеческой промышленности, есть «век обтесанного камня» или «древний каменный век» (палеолитический); существование человека в нем исчисляется, если верить геологам, в несколько сот тысячелетий.

¹ См. J. de Morgan. Recherches sur les origines de l'Égypte, I, с. 57.

² Этим орудиям, даже образцам, найденным в Египте, часто дают эпитет шелльских по сходности типа с найденными в Шелле, около Парижа.

Новая эра начинается с того времени, как человек научился обтесывать и шлифовать кремнь. Это «век шлифованного камня» или «новый каменный век» (неолитический). С этого времени человек продвигается вперед с баснословной быстротой, он обрабатывает самые разнообразные вещества — дерево, кость, слоновую кость, камень мягкий и твердый; он изготавливает первобытную утварь, сосуды из камня и из сырой или обожженной глины. Неолитический век отстоит от нас не более как на 10–20 тысячелетий. У нас имеются скелеты людей неолитического века, в их могилах мы находим погребальную утварь, по которой вполне можно составить себе понятие об их представлениях о загробной жизни.

Из этих первоначальных данных ясен метод, которого следует держаться, чтобы напасть на след человека неолитической и палеолитической эпох в Египте. Тут не может быть и речи о письменных документах или памятниках больших размеров; но о прошлом расскажет кусок кремня, найденный в песке, если уметь рассматривать его изломы или шлифовку; иногда это отделанная кость, обломок клыка, черепок посуды, грубой или с украшениями, обломок каменной вазы, кусок скалы, покрытой граффити (начертаниями), иногда — вырытая в песке могила со скелетом, еще окруженным сосудами для жертвенных даров.

Мастерские для обтесывания кремня — единственные свидетельства наидревнейшего населения палеолитического века: в песке пустыни или прямо на поверхности рассеяны, иногда на протяжении нескольких километров, тысячи кистеней, топоров, скребков, ножей из желтого грубо расколотого кремня. Неопытный путешественник принял бы это за придорожные камешки, геолог же видит в них следы работы первого человека. Как определить возраст этих камней? Этого затруднения не существует для залежей обтесанного кремня,

обнаруженных у нас, в наносных породах Соммы или Уазы. В Шелле кремень определяется пластом наносной породы, в которой он лежит, и костями найденных с ним животных. Но в Египте кремень встречается в пустыне, на поверхности гравия дилuviальной формации; с ним не находят никаких костей; все, что известно о нем, это то, что он очень похож на шелльские образцы. Можно установить, что это орудия первых людей, какие жили в Египте; но до тех пор, пока они не определятся фауной, было бы смело хотеть точнее обозначить время их изготовления.¹

Тем не менее, эти расколотые кремни, несомненно, представляли оружие и орудиям из тщательно обработанного и шлифованного камня, которые мы встречаем на кладбищах неолитического периода. С 1890 г. в местах скрещения дорог пустыни с Нильской долиной Питри, де Морган, Кунбелл, Амелино открыли множество могил со скелетами, орудиями и погребальной утварью расы, уже достигшей интересной степени культуры. По первым историческим памятникам, которые непосредственно следовали за этой эпохой, мы можем приписать концу этой неолитической цивилизации дату приблизительно в 5000 лет до н.э. Но сколько же веков понадобилось для перехода от палеолитического периода к веку обтесанного и шлифованного камня?

Вот одна из могил, указывающих на неолитическую цивилизацию: под песком, на глубине нескольких футов, открывается овальная яма без стен и потолка, дыра, вырытая в каменной почве. На левом боку в положении как бы приседания лежит скелет с согнутыми членами, с коленями, поднятыми до высоты груди, с руками у лица. Мертвого окружает обстановка его последнего жилища: круглые и овальные сосу-

¹ Cp. Salomon Reinach. *L'Anthropologie*, 1897, с. 327.

ды из глины или твердого камня; тарелки, чаши, блюда, иногда с остатками жертвенных даров; под руками — оружие и орудия из кремня, грубые украшения, амулеты; около лица, а иногда и в сжатых руках — дощечка из шифера или известняка большого художественного и религиозного значения. Тела не носят никаких следов бальзамирования; их часто заворачивали в шитую шкуру газели или в тростниковую циновку. «Иногда, — пишет де Морган, — мне попадались эти оболочки почти целиком сохранившимися, но они очень быстро рассыпались в пыль от соприкосновения с воздухом».

При ближайшем рассмотрении скелеты дают представление о человеке высокого роста, с тонкими, стройными членами, белой кожей, с волосами гладкими, часто белокурыми. Судя по фигурам из слоновой кости и из обожженной глины, это были люди с прямым или слегка горбатым носом, с глубоким разрезом миндалевидных глаз, с овальным лицом, удлиненным остrokонечной бородой и коническим головным убором. Фигура из обожженной глины, найденная в Гебель-Тарифе, изображает коленопреклоненного человека с плотно прижатыми вдоль тела руками; голова с очень выдающимися носом и подбородком, закинута назад, представляет очень живой образ человека из простонародья в позе молитвы или покорности; головы же из слоновой кости, найденные в Гиераконполе, передают тонкие и сухие черты лица каких-нибудь вождей кланов. Вот танцовщица с поднятыми руками: тонкая талия и очень развитые бедра. Другие, совсем обнаженные, стоят в иератической позе. Формы, несмотря на грубость работы, изящны; художник старательно передает изгиб таза в гармонии с длинным станом и точеными ногами. Рядом с этими аристократическими красавицами женщина из простонародья идет завернутая в большой плащ, открытый на груди; левой рукой она придерживает у себя на плече

младенца, который перегибается вперед, чтобы схватить желую грудь; служанка, которая, стоя в чане, что-то давит ногами: левая рука упирается в бедро, правая — о край сосуда, — все в целом выразительно, хотя и примитивно. Дальше — уродливые карлики и готтентотские Вены с чрезмерно развитыми формами. Все реалистические документы, пользу которых мы увидим ниже.¹

Тело человеческое служит не только натурой для художников, на нем впервые стало применяться искусство. Первобытные обитатели Египта, подобно всем диким народам, расписывали свое собственное тело: женские статуэтки коллекции Питри еще сохранили слой зеленой краски; у танцовщицы из Туха все тело испещрено украшениями в виде зигзагов, мотивами цветов и рисунками животных, черным по сероватому фону. Поэтому в доисторических могилах часто встречаются красящие вещества, зеленая и желтая охра, малахит. В классическую эпоху египтяне всегда изображали мужчин окрашенными в красный, а женщин — в желтый цвет; сохранился обычай обводить глаза слоем краски зеленого цвета, она ясно видна на таких старинных статуях, как статуи Сепы и Несы в Лувре. Эта раскраска человеческого тела объясняется гигиеническими соображениями и мистическими представлениями: глазная краска, куда входили сера и мышьяк, предохраняла от глазных заболеваний; определенные талисманские рисунки были действительны против злой судьбы. Тщательное внимание уделялось еще прическе: мужчины разделяли свои волосы на множество косичек или же брили голову, оставляя лишь одну небольшую прядь, свисавшую на спину; иногда бороду и волосы на голове прятали в мешки, может

¹ За всем этим отсылаю к превосходной книге J. Capart «Les débuts de l'art en Egypte», таблицы которой я комментирую.

быть, из соображений чистоплотности. Женщины носили парики и накладки из фальшивых волос; шпильки и гребни из простой и слоновой кости, украшенные изящными силуэтами птиц или газелей, скрепляли настоящие или искусственные прически; на ночь существовали особые изголовья, чтобы не мять прическу, которую сохраняли в течение нескольких дней. Обычай висящих кос и приставных бород перешел к египтянам классической эпохи, но удержался только за богами и царями; ношение же парика, напротив того, распространилось на все сословия.

Украшения должны были так же оберегать тело, как рисовка и парики. На лбу, на шее, вдоль груди и бедер, у кистей рук, у ступней и на пальцах тело представляет из себя то суживающуюся поверхность — и дает тем возможность навешивать талисманы, то расширяется и делается удобным для ношения какой-нибудь магической брони. В этих местах тела жизнь видна на глаз, проявляясь в виде пульса, осязаемого и видимого: кажется, вот-вот она вырвется, подобно бьющей ключом жидкости, если какая-нибудь скрепа не сожмет ее, не покроет. Отсюда ношение ожерелий, ручных и ножных браслетов, поясов и нагрудников. Вначале это были простые обручи из золота, слоновой кости или кремня; чтобы снабдить эти предохранительные украшения активной силой талисмана, гребни, браслеты, кольца стали украшать легкими фигурами птиц или хищных животных; тут и фантазия художников играла роль.

Одежда этой эпохи была первобытной. Мужчины и женщины опоясывали бедра шнурком, главным назначением которого было, как у ожерелий и браслетов, предохранять тело от несчастных случаев. Даже у египтян пояс составлял иногда всю одежду. Если привязать к поясу или ожерелью звериную шкуру, получается свободный плащ; в классическую эпоху

шкура пантеры оставалась характерной одеждой некоторых жрецов. Прибавьте вуаль для женщин, а может быть, и для мужчин, как в наши дни у туарегов; иногда легкий набедренник со звериным хвостом сзати.

Эти свободные одежды требовали застежек и булавок; их делали из кости, простой и слоновой, и из кремня, а иногда, как предмет исключительной редкости, в могилах находят медные булавки, которыми скреплялась циновка или звериная кожа, обернутая вокруг трупа. Достоверно, что, за исключением этих мелких вещей, должно быть, заграничного ввоза употребление металла было неизвестно египтянам неолитической эпохи.

Кремень и твердый камень, как и в палеолитическую эпоху, были единственным материалом для изготовления оружия и утвари; но обработка его достигала большой степени совершенства, и вышедшие из мастерских вещи кажутся иногда настоящими чудесами. Мы можем проследить их изготовление. Кремневая галька, найденная в песке, или кусок руды, еще окруженный известняком, доставляли человеку конический камень, пригодный для выделки топора, ножа, наконечника. Рабочий вооружался круглой галькой или шаром из твердого камня — это колотилка или молот. Сухими ударами он придавал предмету форму; последовательно обтесывая его, он заострял лезвие, которое является не непрерывной линией, а усеяно маленькими острыми зубчиками вроде зубцов пилы. Напротив того, топоры, раз обтесанные, заострялись одним ударом молотка, отсекавшим целый слой вдоль лезвия.¹ Самой замечательной была выделка ножей, подобных образцов мы не находим ни в какой другой стране. Это боль-

¹ De-Morgan, Recherches, II, с. 59. — См. S. Schweinfurt. Recherches sur l'âge de la pierre dans la haute Égypte (Annales du Service des Antiquités, VI, с. 9).

шие полукруглые лезвия из светлого или роговидного кремня в 25–30 см длины; один конец заострен, другой, закрутленный, служил рукояткой. Самые старые образцы целиком отшлифованы; позже обработка усовершенствовалась, и слои отделялись с такой точностью, что с той и с другой стороны лезвия оставались симметричные, совпадающие друг с другом рубцы.

Эти образцовые вещи еще превзойдены кремневыми браслетами, найденными в Абидосе и Эль-Амре. Представьте себе каменные обручи, столь же совершенной формы и столь же тонкие, как металлические кольца; кажется невероятным, чтобы, пользуясь лишь первобытными орудиями, люди неолитической эпохи могли справиться с такими трудностями выполнения. Де Морган предполагает, что рабочий брал сферическое ядро, выравнивал его до тех пор, пока оно не становилось правильным крутом, потом просверливал в середине коническую дыру при помощи заостренного куска дерева и кварцевого песка, который протирал кремень. «Эта коническая дыра была исходной точкой для осколков, каковым путем выгачивали ободок, причем получалось это не ударами, что неизбежно разбило бы вещь, а попеременным нажимом той и другой грани осколка. Это объяснение удовлетворительно, но оно не соответствует, быть может, действительности; однако из него ясно, как много предосторожностей нужно было принимать рабочему, чтобы получился кремневый браслет. Для туземцев эти украшения были, бесспорно, чрезвычайно ценны. Браслеты из кремня означают высшую точку в искусстве раскалывать камень и встречаются только в Египте»¹.

Оружие и утварь проливают свет на нравы туземцев. Эти кочевники пустыни не были воинственным племенем; по крайней мере, найденные трупы редко носят следы поражений;

¹ De-Morgan, Recherches, II, с. 60.

зато они постоянно заняты борьбой с хищными зверями, охотой и рыбной ловлей. Граффити (начертания), фигуры животных, вырезанные из кремня и слоновой кости, начертанные на аспидных досках, украшающие гребни и булавки, свидетельствуют о встречах людей со львами, пантерами, гиенами, шакалами, газелями, слонами, гиппопотамами и плавающими существами. С другой стороны, земледельческие и полевые орудия — косы, серпы, мотыги, кремневые сошники у плугов — говорят о продолжительных полевых работах, о хижинах из ила и тростника, наполненных вьючным и племенным скотом — быками, степными баранами, ослами, свиньями, овцами и козами, стаями лебедей, уток, голубей. Кочевники, недавно осевшие на плодородной долине Нила, доисторические люди, соединяли с охотой и рыбной ловлей более сложное искусство обработки земли, подверженной прихотям нильского разлива.

Украшения, оружие и фигурки животных, рассеянные по могилам, находятся там не только в качестве дорогих безделушек и привычной обстановки, с которой умершему жалко было расстаться. Эти вещи играют более важную роль: в Египте, как и в других местах, они свидетельствуют о сложившихся уже понятиях и верованиях в загробную жизнь. Первобытный человек тверже, чем кто-либо, верит в переживание того, что мы называем душой; и жизнь эта есть не что иное как повторение земной жизни, конечно, идеализированной, лучшей, чем здешняя, но полной тех же трудов, требующей того же оружия и тех же орудий защиты и труда. И вот в распоряжение мертвого предоставляется его оружие и орудия; домашние животные обеспечивают ему пищу; изображения диких зверей, которые могли бы угрожать умершему, предотвращают опасность: ведь этим путем они подчиняются его воле, лев и гиппопотам отдаются, так сказать, в его руки!

Точно так же сосуды, форма и изготовление которых являются первой ступенью искусства, с тех пор совсем не развивавшегося, заключают в себе жертвенные дары, существенный элемент первой человеческой религии, культа мертвых. В эту эпоху сосуды служили для самых разнообразных жизненных потребностей, из них преимущественно состояла вся обстановка; окруженный своими сосудами умерший почивал, как в собственном доме, в обстановке, необходимой для его удобства. Пища твердая и жидкая, семена, съестные припасы, одежда, иногда сами трупы лежат в сосудах, приспособленных для самого разнообразного применения, а потому и всевозможных форм и размеров.

Тысячами найденные в могилах сосуды из твердого камня совсем поставили ученых в тупик. Как могли выйти из рук человека, снабженного столь первобытными орудиями, эти чаши, тарелки, бокалы, сосуды, легкие и массивные, высеченные из гранита, известняка, мрамора, диорита, обсидиана, хрусталя или алебастра? Материал, который употребляли доисторические люди для своего стола, одежды и складов, был баснословной роскоши. В Нильской долине вулканические породы, дающие твердый камень, встречаются только на высоте первых водопадов, между Асуаном и Красным морем. Там сосредоточивалось добывание; но некоторые породы получались из Синая, другие, как обсидиан, — из Азии или с греческих островов. Остается допустить, что оживленные торговые сношения между долиной Нила и побережьем Средиземного моря существовали с незапамятных времен.

Сначала думали, что художники, создавшие эту прекрасную столовую посуду, пользовались усовершенствованными орудиями, по меньшей мере — токарными станками. Тщательное изучение пропорций и рассмотрение осколков, позволявших проследить работу снаружи и внутри сосудов, привело

де Моргана к другому взгляду на этот счет: «Если внимательно рассматривать сосуды из горного хрусталя, прозрачность этого материала дает возможность составить себе ясное представление о способах, которыми пользовались рабочие. Чтобы придать наружным частям их окончательную форму, кусок, предназначенный для обработки, вращали между двумя кусками дерева, покрытого кварцевым песком; чтобы выдолбить внутренность, проделывали первую центральную дыру при помощи палки и песка; затем для расширения пустоты ниже горла сосуда рабочий пользовался крупным кварцевым песком, который он вращал внутри сосуда простой деревяшкой. Оба действия производились отдельно, как это доказывает неодинаковая толщина, зависящая от несовпадения обеих осей, внутренней и наружной»¹.

Много столетий позднее барельефы могил VI династии (напр., Мерерука в Саккара) показывают нам рабочих за их работой: они буравят сосуды таким именно способом. Так путем трения и стачивания получалась из камня эта великолепная посуда. Можно себе представить, какого упорного труда требовала обработка такого хрупкого и твердого вещества, как хрусталь или диорит. Таковы вазы, которые мы видим теперь в Каире, в Лондоне, в музее Гимэ, стоявшие, быть может, целой жизни труда.

Формы настолько разнообразны, что нужно было не только неустойчивое терпение, но и необыкновенная техническая сноровка. Вот бокал и чаша, очень простые, но совершенные по красоте формы; цилиндрическая ваза, обыкновенно из алебаstra, с широкими краями и украшениями в виде шнура по отверстию, наконец, самые замечательные шарообразные сосуды. А наряду с этими формами, что стали классически-

¹ De-Morgan, Recherches, II, с. 179; I, с. 165.

ми, сколько неожиданных образцов поражающей самобытности! Некоторые сосуды воспроизводят мех, тыкву, гуся, лягушку, собаку, гиппопотама, слона. Один из самых фантастических из коллекции Питри (в University college в Лондоне): «Мы видим две рельефные человеческие головы на ручке сосуда... Рот обозначен резкой горизонтальной чертой, на месте глаз вклеены две жемчужины в выемки в камне»¹ (рис. 8). Невозможно описать страдальческое и вместе с тем дьявольское выражение этого лица, смутно отделяющегося от ручки вазы; взгляд круглых глаз пронизывает, как бурав, гримаса искривленного рта полна беспощадного издевательства. Ваза кажется одержимой; падшая душа рыдает в ней уже столько времени!

*Рис. 8. Сосуд
с человеческим лицом*

Несравнимо больше глиняных сосудов, обработка которых легче, чем сосудов из твердого камня; они попадают во всех могилах, богатых и бедных, начиная с неолитических времен и до мемфисских династий. Де Морган и Питри, изучая материал, формы и способы изготовления, смогли установить хронологические даты. Если удастся распределить типы керамики по местностям и эпохам, можно будет определить взаимное отношение могил во времени, смотря по типу находящейся в них утвари.

Доисторические глиняные изделия — красного и желтого цвета, гладкие или шероховатые, лишённые украшений или расписанные и разрисованные. Цвет зависит в особенности от

¹ J. Capart. Les débuts de l'art en Égypte, с. 77 след.

сырого материала — осадочного мергеля или нильского ила. Мергель дает при обжигании красную массу; нильский ил принимает окраску желтоватую или красноватую, смотря по температуре обжигания. Кажется, древнейший тип сосудов — из мергеля, это красные сосуды, гладкие и украшенные по верхнему краю широкой полосой черного лака, который получался от примеси красящих веществ (двуокиси марганца из Синая).¹ За ними в хронологическом порядке следуют красные шероховатые сосуды, потом горшки, красные и желтоватые с разнообразными украшениями.²

Выбор форм и украшений делает честь воображению и стилю гончаров. Самыми старыми сосудами были чаши, чашки, блюда с отвернутыми или закругленными краями; потом следуют цилиндры, бутылки и амфоры. Дно плоское или остроконечное, если сосуд ставится в песок; ручки появляются довольно поздно; некоторые мастерские, как в Эль-Амре, украшают ручку пониже горла волнообразной полоской, сначала прерывистой, а потом описывающей полный круг. В эпоху расцвета появляются круглые сосуды; иногда два-три сосуда соединены вместе, с внутренним сообщением или без него. Есть еще сосуды с треножником, кувшины, снабженные цедилкой для воды, что еще осталось в употреблении для узкогорлых сосудов Кены. Таковы же, в общем, и формы сосудов из твердого камня. Весьма вероятно, что гончарное искусство предшествовало шлифовке камня; однако украшения некоторых сосудов заимствованы у ваз из твердого камня; это доказывает, что обе художественные отрасли

¹ De-Morgan, Recherches, I, с. 152.

² По классификации Питри. Diospolis Parva, табл. I. — Музей Гимэ обладает целой серией доисторических ваз, в частности, самых древних (вазы с верхним почерненным краем), и образцами, вышедшими из мастерских Эль-Амры. Все они найдены при раскопках Амелино.

с ранних пор существовали одновременно и развивались параллельно.

Способы обработки горшков очень несложны: достаточно было рабочих рук без помощи гончарного станка.¹ Несмотря на почти совершенную правильность форм там и сям попадаетесь несимметричность в слоях и толщине, что доказывает ручную работу этой керамики. Некоторые сосуды в форме амфоры украшены

продольными бороздами: их получали, нажимая одним или двумя пальцами вдоль округлости вазы перед обжиганием. Впоследствии украшение осложнилось росписью и лепкой. На сосудах с красным фоном геометрические рисунки белыми штрихами воспроизводят узор корзин или плетенок, появляющихся с начала неолитической культуры. К той же эпохе относятся черные сосуды с вырезанным геометрическим узором, выполненные беловатым веществом: «установлено, что их привозили в Египет из неизвестного средоточия промышленности, произведения которого рассеяны по всему бассейну Средиземного моря».

Возрастающая сноровка рабочих позволяла все большее разнообразие типов. Из гончарных изделий в форме животных (рис. 9): рыб, уток, коршунов, гиппопотамов² — составля-

Рис. 9. Сосуд в форме птицы

¹ De-Morgan, Recherches, II, с. 122.

² J. Capart. Les débuts de l'art en Égypte, с. 126.

*Рис. 10. Сосуд в
форме женщины*

лись столовые приборы веселого или страшного характера, подобно изделиям из литой меди в наши средние века. Пробовали также придавать вазам человеческий облик: скорченные пленные, обхватив руками округлость вазы, являют свои страдальческие лица, выступающие по сторонам одной очень старинной амфоры, находящейся теперь в Оксфорде. В том же музее хранится широкий сосуд, покрытый блестящей чернью, которому художник стремился придать форму женщины. Горло стало лицом; ущемления в глине означают нос, уши и волосы. Ниже шейка сосуда изображает суживающуюся талию, над которой умеренно выступает закругление плеч и свисших грудей; потом ваза, внезапно расширяясь, подражает жировым скоплениям, составляющим гордость готтентотских Венер¹ (рис. 10).

Украшения самых замечательных сосудов доисторической эпохи вводят нас в загробную жизнь. Уже грубые кувшины с высохшими остатками воды, муки, зерна, масла, вина, мяса показывают своим содержимым, что жертвенные дары снабжали покойного пищей. Чтобы обеспечить ему вторую жизнь, совсем сходную с первой, следовало изобразить главные ее сцены в жилище мертвого, каким является гробница согласно принципу первобытной магии, что подобие порождает подобие: изобразить сцену из жизни значит дать ей возможность осуществиться. Это представление вызывало украшение могилы, а отсюда возникло почти все египетское искусство.

¹ J. Capart. Les débuts de l'art en Égypte, c. 124.

Но вот явилось затруднение: как украсить фигурами и картинами такую могилу, как описанная нами, — простую яму в песке, без стен, без пола и потолка. С этой целью в могилу клали предметы обихода, оружие, драгоценности, орудия труда небольшого размера; люди и животные, необходимые для услуг или развлечения, заменялись статуэтками. Однако этого было недостаточно для удовлетворения всех потребностей мертвого, нужно было сгруппировать эти отдельные элементы; чтобы осуществить сцены жизни, нужно изобразить их в действии вокруг покойника и в связи с ним. Отсюда изобретение декоративных картин, где каждая фигура играет роль идеограммы и соответствует тому или другому моменту существования, обетованного владельцу могилы. Женщины с поднятыми руками символизируют пляску и общественные празднества; газель или страус напоминают удовольствия охоты; лодка — плавание по Нилу; деревья и цветы вкратце передают пейзаж обработанной долины; ряд треугольных зубцов вызывает образ горных цепей на плоскогорье пустыни, по которой бродят кочевники; шалаши, украшенные условным знаком, обозначают дом или деревню покойного со знаками отличия его клана.

Отыскав эти декоративные могилы, художник как будто бы колебался в выборе подходящей рамы. Припомним статуэтку женщины из Туха, у которой на груди, спине, бедрах изображены потоки вод, горы, животные. Это был остроумный способ вводить статую целиком в обстановку действительной жизни или природы; однако со временем придумали лучше. Пришло в голову украшать этими картинами сосуды, расписывая их красной краской по желтому фону: тело, лежа посреди горшков словно в четырех стенах своего дома, могло созерцать на стенках сосудов желанные картины своей загробной жизни. Когда впоследствии изобрел кирпич и появи-

лось умение строить склепы, художники воспользовались стенами. Одна доисторическая могила, открывая Гринном в Гиераконполе, расписана красной краской по фону, побеленному известкой, — такие же сцены пляски, охоты, плавания, как и те, которыми гончары Абидоса и Нагады украшали поверхность своих ваз.¹

Эти миниатюрные картины, воспроизводящие некоторые стороны общественной жизни за 50–60 веков до нас, по праву возбудили к себе интерес археологов. Полного согласия в точном истолковании их значения между ними нет; один мотив в особенности вызвал самые противоположные объяснения. Дело идет об одном рисунке, изображающем два шалаша, нередко соединенные дверью и окруженные двойной, в форме лодки, изогнутой линией: вертикальные и наклонные штрихи рисуют как бы тесный ряд весел с одного конца судна до другого. Деревья, газели, страусы и человеческие фигуры, прихотливо разбросанные повсюду, дополняют загадочность рисунка. Питри и де Морган, мнение которых осмеивается еще большинством ученых, видят в них лодки, снабженные веслами и каютами; Сесиль Торр и Лорэ² принимают их за деревню с укрепленными воротами, защищенными полукруглыми окопами, в свою очередь обнесенными частоколом. Варианты, доставленные могилой Гиераконполя, начертаниями Эль-Каба и некоторых сосудов, указанных де Биссингом, заставляют меня допустить, что дело идет здесь о лодках с гребцами или без них. Нет ничего странного, если уже тогда лодка была символом человеческого жилья в долине Нила; в исторические времена корабль богов и мертвых переносится, преимущественно, в каюту лодки: ковчег был идеальным

¹ Quibell, Hierakonpolis, II, табл. 75–79.

² Revue Egyptologique, т. X, с. 87 след.

жилищем, передвижным и всегда находящимся вблизи воды, этого неотъемлемого элемента африканской цивилизации.

Лодки это или деревни, фигуры, о которых идет речь, украшены высокими шестами с поднятым значком: иногда это животное — сокол, слон, скорпион, рыба, иногда — перо или бычий череп, двойная стрела, острога; существует десятка три вариантов. Лорэ очень остроумно признал в них гербы кланов доисторической расы, часть которых сохранилась в классическую эпоху как «говорящие гербы» египетских городов. Возможно, что знаки эти были вместе с тем богами или тотемами, в которых воплощались души всех людей, входящих в состав клана.

Фигурные украшения на сосудах имеют значение еще для такого спорного вопроса, как вопрос о письменности того времени. Доисторические люди были, по-видимому, не знакомы с начертательной системой египтян, состоящей из азбучных или слоговых знаков наряду с идеограммами. Однако не подлежит никакому сомнению, что в иероглифических письменах последующих времен удержалось множество знаков, которые встречаются на сосудах; свойственные стране животные и растения дали письменности фараонов чисто африканский отпечаток. Я склонен думать, что, еще не зная письменности, доисторические люди умели выражаться с помощью очень туманных ребусов и что картины, написанные на вазах, можно было читать *grosso modo*¹ в духе шарады в картинах (рис. 11).²

¹ В общих чертах, приблизительно (ит.). — *Прим. ред.*

² О египетской письменности см.: Коростовцев М.А. Египетский язык. — Л., 1961; Коростовцев М.А. Писцы древнего Египта. — М., 1962; Петровский Н.С. Египетский язык. — Л., 1958. — *Прим. ред.*

Рис. 11. Доисторическая керамика

С другой стороны, сосуды этой эпохи отмечены целым рядом «марок» места производства, совсем имеющих вид азбучных знаков. К большому удивлению оказалось, что эти знаки были одинаковы со знаками, обнаруженными на крито-эгейских сосудах, с первобытными азбуками Кари и Испании и с ливийскими знаками. Впрочем, марки эти, по-видимому, не составляют азбуки и никогда не бывают сгруппированы в каких-нибудь правиль-

ных соотношениях, которые могли бы выражать достигшую развития мысль. Тем не менее, кажется достоверным, что «во всем бассейне Средиземного моря с самых давних доисторических времен существовала система письменности или, по меньшей мере, знаки, бывшие в ходу повсеместно»¹. Какой народ занес в Египет эту сокращенную систему письменности, которая привилась во всем бассейне Средиземного моря?

Ответ на этот вопрос навел бы нас на путь другой загадки. Каково вероятное происхождение доисторической расы, поселившейся в Египте? Если верить доктору Фуке, кефалический признак черепов, найденных в самых древних могилах, сближает племена Нагады с готтентотами и кафрами; тип Бет-Аллама сроден скорее с населением верхней Индии, а тип Кавамиля — с элементом ливийским. Эти пестрые данные менее безнадежны, чем это кажется на первый взгляд. Влияние берберо-ливийских племен подтверждается расписной керамикой (напоминающей типы сосудов, которые и поныне

¹ J. Capart. Les origines de l'art en Égypte, c. 142.

в употреблении у кабилок), употреблением некоторых орудий, как, например, кремневый сошник плуга, и кругами из камня с дольменом¹.

Впрочем, и язык египтян носит следы берберийского наречия. Что же касается статуэток тел с жировыми отложениями внизу спины, они доказывают наличие группы готтентотского происхождения в неолитической расе. Черные сосуды свидетельствуют о сношениях с Азией и островами. Одним словом, доисторическая раса должна была быть очень смешанной. Но между ее разнообразными элементами довольно быстро произошло слияние под ударом победоносного нашествия, которое перемешало все предыдущие слои населения.

В то время как Питри и де Морган извлекали из земли доисторическую расу, Амелино открыл в Абидосе могилы с обозначением времени, по которым можно было определить возраст памятников без надписи.

В ноябре 1895 г. Амелино начал свои раскопки в местности Абидоса, которую уступило ему Попечительство о древностях.² Результат был незначителен, пока не дошли до одного ущелья, ведущего в Ливийскую пустыню, и не попали на кладбище Ум-эль-Хааб. Название живописно; оно означает: «Мать с горшками». Там было пять холмов, усеянных бесчисленными горшками, красными, очень грубыми, и обломками сосудов из твердого камня, интерес которых в 1895 г. был еще неизвестен.

¹ De-Morgan, Recherches, I, с. 239.

² E. Amélineau. «Les nouvelles fouilles d'Abydos», 3 брошюры in 8° и 5 томов in 4°.

Три первых холма доставили 200 небольших могил, вырытых в нижнем слое земли и обделанных кирпичной стеной; лежавшие в них скелеты были на боку, в скорченном положении. Амелино, не обративший сначала внимания на эти могилы, узнал от Питри и де Моргана, что подобные же могилы были найдены в Нагаде и что их приписывают глубокой древности; это побудило его взять на себя позднее, в марте 1896 г., руководство специальными раскопками в Эль-Амре, где было открыто одно из важнейших доисторических кладбищ. Рядом с маленькими могилами были обнаружены две большие гробницы из кирпича, девяти метров на пять; на одном из обломков ваз из алебастра и твердого камня оказался рисунок сокола, сидящего на прямоугольнике, что было знаком царского имени; но излом уничтожил иероглифы. Вокруг четвертого холма — то же обилие маленьких могил из кирпича; самые красивые из них были выложены досками, скрепленными медной проволокой. Это было огромное архаическое кладбище: главные памятники, вокруг которых обыкновенно сгущались маленькие могилы, должны были стоять в середине.

Через несколько дней Амелино открыл здание в пятнадцать метров длины, восемь ширины и шесть высоты. Толщина кирпичных стен была более четырех метров; лестница в 42 ступени вела во внутренний покой, выложенный розовым гранитом. На гранитной ступе и на крышке из мергеля можно было прочесть имя царя Дена, первого архаического царя, жившего тысячи лет тому назад. Невдалеке вторая гробница, выложенная досками, с колоннами, поднимавшимися с пола с правильными промежутками, носила на гранитной плите имя царя Каа. Параллельно стояла гробница из кирпича и дерева царя Семерхета; наконец, появилось четвертое здание, состоявшее из главного покоя и маленьких комнат, за-

ставленных сосудами и плитами с именами частных лиц; посредине находилась роскошная плита из известняка, разбитая на три части; имя царя, изображенное большой змеей, однако, уцелело; мы читаем это как Джет.^{1*}

В общем, кампания 1895–96 гг. доставила Амелино открытие четырех гробниц царей Дена, Каа, Семерхета и Джета; но на обломках сосудов, рассеянных там и сям, можно было разобрать 12 других царских имен, между прочим, Аха, Нармер, Ранеб; расшифровка этих, не известных до тех пор имен ускользнула от Амелино, и имена были прочитаны и установлены два года спустя после их открытия.

«К какой же эпохе следует отнести эти любопытные памятники?» — этот вопрос задал себе Амелино перед Академией надписей и изящной литературы на заседании 29 мая 1896 г. Установив архаичность найденных памятников, «следовало бы, — говорил он, — отнести их к первым династиям... Но обе первые династии не включают ни одного имени, похожего на те, которые открыты мною... что приводит нас к эпохе, предшествовавшей двум первым династиям. По Манефону, до I династии царствовали над Египтом некиесы и полубоги. Эти Мертвые или Тени не есть божественные династии, как это думали, и ими вполне могли быть цари, чьи имена я нашел в могилах Абидоса»².

Вы уже понимаете, к чему приводит это утверждение. По преданию, сохранившемуся в Королевском Туринском папирусе и освященному Манефоном и Диодором, фараонам предшествовали в земле египетской боги, полубоги и тени. Не кро-

¹ Когда этот памятник был назначен к продаже с публичного торга три года тому назад, его оспаривали друг у друга Берлинский и Луврский музеи; он остался, наконец, за Францией, но ценой более 100 тысяч франков...

² Amelineau. Les nouvelles fouilles d'Abydos, 1896, in 8°, с. 23.

ются ли под этими легендарными преданиями какие-нибудь исторические данные? Так называемые боги, полубоги и тени, существовали ли они в действительности, как это утверждает Диодор, в виде людей, которых преемники их по благочестию или из-за династической выгоды возвели в сан богов? Масперо отказался присоединиться к этой теории. «Я тоже убежден, — заявил он, — что существуют памятники, предшествовавшие Менесу (первому египетскому царю по таблицам фараонов и списку Манефона)... Но прежде чем согласиться с тем, что находки Амелино относятся к этой категории, я бы желал получить от него доказательство, хотя бы одно-единственное, что их нельзя приписать ни трем первым династиям, ни VII, VIII, IX и X, где большинство владык все еще лишены своих имен Хора»¹.

Амелино упустил из виду эту гипотезу: возможно, что открытые имена были двойными и употреблялись вместе с именами, уже известными из царских списков; для этого достаточно было допустить, что с архаических времен фараоны носили «имя Хора», отличное от «имени царского»². Тогда объяснилось бы, почему царские имена, найденные в Абиdose, не встречаются в официальных списках: последние приводят «царские имена», памятники же до сих пор дают лишь

¹ О додинастических царях см.: История Древнего Востока. Ч. 2. — М., 1988; Кинк Х.А. Египет до фараонов. — М., 1964. А также см. комментарий к с. 123. — *Прим. ред.*

² «Имя Хоруса» или Хора фараонов вписано в прямоугольник «серех», украшенный у своего основания схематическим рисунком двери, простой или двойной: это план дворца, в котором пребывает телесная душа, двойник или гений царя, т. е. гробницы. Вот почему имя это называется «именем двойника». На прямоугольнике сидит сокол, символизирующий бога Хора, к которому приравнивается царь; отсюда выражение «имя Хора». Перед «именем царским», чаще всего отличным от «имени Хора», стоит тростник и пчела или коршун и змея; в классическую эпоху это имя заключается в овальный картуш.

«имена Хора». Мы знаем теперь, что это предположение подтвердилось: по обломкам сосудов, найденных самим Амелино или другими, обнаружилось, что для нескольких царей употреблялось два имени, обозначающие одного и того же фараона, что позволило согласовать данные списков и Манефона со свидетельством памятников.

Тем не менее, в 1896 г. Амелино оставался еще при своем мнении; несмотря на то что Манефон указал на происхождение царей двух первых династий из Тиниса, тот, кто открыл их могилы, не хотел допустить предположения, что он нашел самых древних фараонов-смертных. Это повело к предвзятости в руководстве раскопками 1897–99 гг. и в истолковании их результатов.

Кампания 1896–97 гг. в окрестностях четвертого холма доставила огромную гробницу, в 80 м длины, разделенную на 65 комнат, изобиловавших погребальной утварью. Царское имя, вырезанное на крышках кувшинов, представляло еще не известную особенность: вместо сокола Хора стояли сокол и борзая собака, лицом к лицу или друг за другом. Внутри было имя, прочитанное сначала как Ти, которому Масперо дал впоследствии правильное чтение Хасехемуи. Амелино считал, что двойное животное означало двойное имя, а следовательно, двух царей. Могила показалась ему более старой, чем две предыдущие; следовательно, заключил он, эти два царя принадлежат к династии богов, предшествовавшей династии теней.

Это открытие вызвало в нем некоторое разочарование: он рассчитывал открыть могилу самого популярного из богов-царей, того Осириса, который стал впоследствии покровителем Абидоса, «однако надписи гласили о двух богах, тогда как он надеялся найти лишь одного».

В следующем году (1897–98 гг.) четвертый холм, для которого наступила очередь, дал множество обломков, относящихся

ся к более новой эпохе, с посвящениями Осирису: не приближались ли к пресловутой могиле Осириса, которая, по преданию, находилась в Абидосе? Три условия, по Амелино, были необходимы, чтобы искомый памятник можно было отождествить с могилой Осириса: предание гласило о множестве могил или плит, расположенных кругообразно; не менее прославленная лестница должна была вести к гробу; знаменитая реликвия, голова Осириса, должна была находиться там, заключенная в раку. Действительно, среди многочисленных могил 2 января 1898 г. было открыто кирпичное строение 12 м длины. Оно было наполнено огромными кувшинами; у южной стены находилось смертное ложе из гранита, в 1 м 80 см длиной, на нем лежал Осирис, увенчанный короной, облаченный в саван, со скипетром и бичом в руках.¹ У правого плеча можно было прочесть его имя, «Осирис, Существо Благое с голосом животворящим»; в изголовье и у ног бодрствуют четыре сокола, «Хоры, охраняющие своего отца», пятая птица, Исида, опустилась на тело своего супруга. Ложе окружено посвящениями «Осирису Хентаменту, Владыке Абидоса»; имя царя-жертвователя было разбито и не поддавалось чтению, но художественный стиль и редакция Царского протокола не позволяют отнести памятник за пределы первого Фиванского царства (около 2500 г. до н.э.), а возможно, что он еще менее отдаленной эпохи.*

Амелино нисколько не усомнился в том, что нашел могилу Осириса, и продолжает еще обозначать памятник этим именем. Правда, погребальное ложе, действительно, не в античном стиле, но ведь позднейшие цари могли обновить первоначальный мавзолей. Наконец, последнее доказательство: найдена была только одна-единственная часть скелета — череп, который «не мог не быть черепом Осириса».

¹ Музей Гимэ получил от Амелино слепок ложа Осириса.

Последний довод был решающим в определении могилы бога-царя. Следствием этого явилась новая очевидность: памятник, открытый годом раньше, принадлежал преемнику Осириса, его брату Сету, который умертвил его, и сыну его Хору, который за него отомстил. Царское имя с борзой собакой Сета и соколом Хора обозначало Сета и Хора, примилившихся и поделивших Египет между собой — представление, согласующееся с одним из дошедших преданий о божественных династиях. Так установилась теория, в силу которой «божественные династии твердыми шагами вступали в историю».

В настоящее время у этой теории нет больше приверженцев. Допускают, что погребальное ложе есть поминальный памятник позднейшего стиля, который, быть может, возобновляет более древний мавзолей. Масперо в 1898 г. высказал мысль, что место, на котором лежит Осирис, «могло быть первоначально могилой монарха из Тинисской династии». Действительно, найденные там кувшины помечены именем Нового Хора, царя Джера: это и был истинный обладатель могилы, ставшей впоследствии местом часовни Осириса. Что касается «череп Осириса», исследование, произведенное специалистами, показало, что это вовсе не человеческий череп. Двойной титул, начертанный в виде сокола и борзой собаки, обозначавший, по мнению Амелино, Хора и Сета, нашел достоверное историческое объяснение. Это одно из развитий имени, которое принимает фараон как наследник божественных династий. Некогда Сет и Хор поделили Египет; фараон, царствуя над обеими половинами разделенной ими страны, и носит имена обоих своих божественных предков. Иногда царицы получают следующее имя, которое уяснит всю эту аллегория: «Та, что зрит своего Хора и своего Сета», т. е. царя, который их заменил. Для историков могила Осириса есть не что иное как могила царя Джера; могила Хора и Сета — царя

Хасехемуи. Памятники, открытые Амелино, нисколько не утратили своего громадного интереса; они выиграли с переходом из области вымыслов в область действительности.

К концу своих раскопок Амелино, впрочем, вернулся на почву исторической правды; он нашел последнее здание, состоявшее из комнат с уцелевшими бревенчатыми потолками; всюду сосуды из камня и меди, плиты, крышки кувшинов. Вырезанное на них имя было именем царя Перибсена, знакомое уже по одной плите, сохранившейся в Каире, где оно стоит рядом с именем царя Хетепсехмуи, по спискам относящегося ко II „человеческой” династии. Пятый курган Ум-эль-Хааба не дал ничего важного. Но открытие памятника Перибсена увенчало раскопки Амелино: цари Абидоса оказались царями Тинисских династий.

Одновременно стали появляться подтверждения этих заключений в других местах Египта. Де Морган внимательно следил за раскопками в Абидосе, которые позволяли связать документы неолитического века с исторической эпохой: он впервые опубликовал царские имена, любезно сообщенные ему Амелино. По соседству с неолитическими средоточиями Балласа и Туха, между Абидосом и Фивами, он сам в марте 1897 г. расчистил остатки памятника, который показался ему современным абидосским зданиям. Это прямоугольник в 54 метра на 27, очень тщательной работы, заключающий один главный покой с остатками обожженного скелета и 16 боковых комнат, полных сосудов и всевозможных вещей, перечень которых занимает больше четырех страниц. Все это было покрыто толстым слоем пепла: вся гробница, подобно многим из царских могил Абидоса, была предана пламени, бушевавшему с такой силой, что сосуды из гранита, порфира, мергеля остеклились, а кирпичные стены толщиной в 40 см прокалились. Кувшины для припасов и другие предметы по-

мечены именем царя Аха, уже знакомым по обломкам, найденным в Абидосе.

Эти открытия, расширявшие территорию, занятую архаическими царями, подверглись обсуждению на конгрессе ориенталистов в Париже в сентябре 1897 г. Один из молодых ученых, представитель германской египтологии Курт Зете, ныне профессор в Геттингене, сообщил, что он нашел на некоторых обломках сосудов, опубликованных Амелино, царские имена трех царей I династии такими, как они даны в списках фараонов; до сих пор имена эти, соответствовавшие «Миебису, Усефаису и Семемпсесу» Манефона, ускользали от проницательности египтологов благодаря своему архаическому начертанию. Несколько недель спустя Масперо предложил признать имя «Менес» в иероглифическом знаке «Мен», которому предшествовали царские титулы. На дощечке из слоновой кости, покрытой загадочными изображениями,¹ рядом с именем Хора стояло Аха. Одновременно (25 ноября 1897 г.) перед Берлинской академией Борхардт ввел точно такое же чтение. Это отождествление и было принято всеми египтологами по техническим соображениям, которые здесь невозможно привести вкратце. Из того, что картуша Аха найдена в Абидосе, вывели заключение, что цари Абидоса были наследниками царя Нагады, Аха-Менеса; это совпадает и с выводами Зете. В конце 1897 г. было доказано, что Амелино и де Морган нашли по меньшей мере четырех царей I династии из тех восьми, о которых упоминает Манефон, и, быть может, самого баснословного Менеса, первого из фараонов.

¹ Эта дощечка найдена разбитой на куски, приблизительно одной трети из них не доставало. В 1895 г. Гарстанг вернулся к местности Нагады; при просеивании земли ему посчастливилось найти еще один кусок той же дощечки, который точно пришелся к прежним.

Эти неожиданные данные были пополнены раскопками Куибелла в одной из старейших известных нам местностей Египта — Гиераконполе, Соколином граде, на полпути между Фивами и Элефантиной.¹ Под развалинами одного святилища XII династии обнаружена группа из пяти маленьких комнат, построенных из кирпича, где лежало множество приношений по обету времен первых династий; большая часть была помечена именем царя Нармера, которое уже встречалось в обломках из Абидоса. Имя так называемых царей Хора-Сета, Хасехемуи, красовалось на роскошных косяках гранитных дверей; две статуи доставили картушу нового царя Хасехемуи; иные предметы восходили до VI династии. Все находки были исключительной красоты; вероятно, мы видим здесь все лучшее, дары по обету, принесенные в храм.

Число царских имен все возрастало. Питри увеличил его еще, возобновив раскопки в Абидосе с 1899 по 1900 гг., на том самом месте, которое использовал и забросил Амелино. Вся выкопанная земля была просеяна, здания осмотрены заново, курганы тщательно обследованы до малейших подробностей. Появилось два новых здания; в одном лежала большая плита с именем царицы Меритнейт, по всей вероятности, жены Аха; другое, по-видимому, принадлежало царю Анеджибу. Но главная добыча Питри заключалась в крышках кувшинов, дощечках из слоновой кости и обломках ваз, помеченных царскими именами, чем пренебрег его предшественник. Изречения, вырезанные на этих документах, показали, что «имена Хора» Ден, Анеджиб, Семерхет принадлежали тем же самым лицам, что и «царские имена», уже опознанные Куртом Зете, а именно Миебис, Усефаис, Семемпсес.² Итак, эти шесть имен

¹ Quibell. Hierakonpolis, 1901; II, 1902.

² Fl. Petrie. The Royal tombs at Abydos, I, 1899, II, 1901; Abydos, I-III, 1902-1905.

принадлежат лишь трем фараонам. Зато появилось несколько имен Хора, до сих пор неизвестных. И вот египтологи, горевавшие о полном отсутствии документов, относящихся к первым династиям, теперь очутились в затруднении благодаря обилию царских имен, число которых значительно превосходит данные списков классической эпохи.¹ Какой же можно сделать отсюда вывод? Или составители этих списков и книг сами не знали всех имен, которые мы нашли, или же сделали из них выбор, причем нам не известно, в силу каких соображений оказывалось предпочтение тому или другому царю.

С 1900 г. ход открытий замедлился и стал правильнее. Новые имена реже появляются из-под земли, хотя всегда возможны непредвиденные находки. Зато рассеялось еще одно заблуждение: не следует больше считать, что цари первых династий владели мелкими территориальными областями. Раскопки и исследования Масперо и Барсанги доказали, что тинисские цари занимали местности Мемфиса и Саккара; труды Вейля обнаружили наличие памятников царя Семерхета в синайских рудниках, разработка которых восходит к I династии. Таким образом, тинисское господство простиралось над всем Египтом.

Тинисская цивилизация существенно отличается от культуры неолитического века своими новыми элементами, которые немногочисленны, но крайне важны: употреблением металла, строительным искусством и знанием письменности. Невозможно предположить, чтобы местное население так внезапно достигло таких значительных успехов; эти гончары, эти ваятели не могли превратиться в кузнецов и каменщиков

¹ Питри предложил ввести название династии 0 (ноль) для этих дополнительных царей; некоторые из них, как будто бы, предшествуют Менесу.

Абидоса и Нагады. Мы должны допустить, что нашествие внесло в Египет новую народность, египтян исторической эпохи.

Откуда пришли эти завоеватели? Их язык уже вполне выработан, на нем пишут при помощи знаков, которые мы называем иероглифическими: они изображают тот или другой предмет или существо и редко бывают идеограммами. Эта письменность уже не в первобытной стадии, когда по способу людей неолитической эпохи пишут слово «лев», рисуя льва; она достигла той более утонченной степени, когда лев — не более как знак звука, буква или слог. Но египетский язык в своих основных грамматических формах, например, в наречиях, и в своих главных корнях представляет разветвление семитической ветви. Отсюда первое доказательство азиатского происхождения завоевателей.¹

Стиль памятников подтверждает это предположение. Употребление кирпича даже поблизости каменоломен пустыни, изобилующих красивыми породами, заставляет нас думать, что эти новые пришельцы заимствовали свои знания в Халдее. В Нагаде окружная стена, возведенная Аха, по одному фасаду украшена призматическими выемками, образующими правильный ряд выступов и углублений. Такое же расположение наблюдается во всех царских дворцах; прямоугольная картуша, где вписывается имя «Хора», — схематический план дворца всегда носит это украшение, которое впоследствии переходит и на гробницы, воздвигнутые царями, их родственниками и придворными. Де Морган обратил внимание на поразительное сходство между таким способом постройки и известными планами, очень древними, в нижней Халдее. Цилиндры для оттиска царских имен на глиняных сосудах тоже подтверждают халдейское влияние; в Египте они скоро

¹ О происхождении и месте египетского языка в системе языков см. ссылку на с. 101. — *Прим. ред.*

исчезли, сохранившись только в виде исключения после Тинисского периода; это была мода, чуждая стране, и она не привилась на берегах Нила. На некоторых гравированных дощечках вызывают удивление фантастические животные с несоизмеренно длинной шеей, подобные которым, по исследованиям Гезе, встречаются только на халдейских цилиндрах. Наконец, употребление меди и бронзы подтверждается нахождением ножей, булавок, гвоздей, шил, наконечников копий; золото выделывалось листовое и чеканное, железо было известно в виде красного железняка. Эти металлы, за исключением золота, происходили из Азии и из Синая. Элементы цивилизации, совершившие вещественный и умственный переворот среди неолитических туземцев, были, следовательно, по всей вероятности, занесены из очага культуры, достигшей высокой степени развития в то самое время, когда обитатели Нильской долины довольствовались первоначальными представлениями и первобытными орудиями.¹

По-видимому, азиатские кузнецы проникли в Египет не через Суэцкий перешеек, а переправившись через Красное море; они достигли Нила, быть может, следуя по Вади-Хаммамат из Кусейра в Коптос. Этим объяснилась бы наличность в Коптосе очень древних статуй, которые, быть может, представляют первые памятники новой расы. По общему мнению, на пути из Халдеи в Египет Аравия и, может быть, страна Пунт (побережье Эритреи и Сомали) служили местами стоянок, более или менее продолжительных, для переселяющихся народов.² Проникнув в Египет через среднюю часть доли-

¹ De-Morgan, *Recherches*, I, с. 199.

² В историческую эпоху единственным иноземным народом, с которым египтяне признавали свое сходство черт лица, цвета кожи, с которым они никогда не воевали, был народ страны Пунт, «Земли богов», откуда к ним явились, быть может, Хор и Хатхор. — Ср. Loret. *Horus le Faucon*.

ны, завоеватели основали свои первые селения против устьев долины в Абидосе и Нагаде. Туземное население дало им жестокие сражения; это, по-видимому, к нему относятся имена Чемеху и Ину, встречающиеся на первых фигурных памятниках завоевателей и в позднейшую эпоху означающие нубийцев и ливийцев. Оттесненные одни к югу до Нубии, другие на север до Дельты, туземцы изображаются на обетных дощечках связанными Соколом-победителем, поверженными царским Быком, ритуально обезглавленными или умерщвленными фараоном. На Палермском камне, хранящем список празднеств Тинисского и Мемфисского периодов, отдельно отмечены дни, когда вспоминали о «поражении Ину».¹

Туземцы были побеждены, может быть, численностью и, наверное, превосходством вооружения завоевателя. Медные, бронзовые или железные наконечники давали копьям, топорам и стрелам прищельцев материальный и моральный перевес, о чем сохранился любопытный след в истории. Тексты и барельефы птолемеевского храма в Эдфу пространно повествуют об истории войн во времена божественных династий, которые велись Хором, богом-соколом, при покорении Египта. «Спутниками Хора» были воины, вооруженные копьями и дротиками, носящие название кузнецов; их селения называются кузницами. Для Масперо, пролившего свет на эту область мифологической истории, легенда Хора, побеждающего Египет во главе своих «кузнецов», — не более как отдаленное эхо одного из событий первоначальной истории: «чем-то подобным появлению испанцев среди населения Нового Света было это вторжение в Египет народов, знающих и употребляющих железо, имеющих в своей среде касту кузнецов и несущих культ воинственного бога»².

¹ J. Capart. La fête de frapper les Anou, 1901.

² Maspero. Les forgerons d'Horus.

«Спутники Хора», по-видимому, действительно представляют из себя передовые отряды нового народа; в текстах пирамид VI династии о них говорится как о предках, уже подернутых дымкой, но все еще живых в памяти. Они основали столицу в Гиераконполе, в центре Верхнего Египта, и вторую в Буто, в самой Дельте. С тех пор долина разделилась на Белое царство Юга и Красное царство Севера. Два эти Египта не жили в согласии. Гиераконполь, памятники которого нашел Куибелл, подавил Буто, и масса оружия Нармера свидетельствует о сражениях. У подножия статуй царя Хасехемуи изображены несчастные северяне в страдальческих позах. Их предадут казни с варварской утонченностью.¹ С воцарением Аха-Менеса поражение Красного царства полное. Этот первый в списках фараонов царь объединил оба Египта и основал монархию. Чтобы держать в подчинении Красную страну, он соорудил на границе Дельты большую стену, окрашенную в цвет Юга, знаменитую Белую стену Мемфиса; ее оскорбительное название сохранилось до греческой эпохи и отмечено Геродотом, Фукидидом и Страбоном. К югу от стены было сооружено святилище Птаха-вне-стен (дословно «Птаха-к-югу-от-стены-его»); в день его открытия Менес впервые совершил символические обряды соединения папируса и лотоса, подчинившихся единой власти; он увенчал себя белой митрой и красной короной и в торжественной процессии обошел Белую стену; до самого конца египетской цивилизации фараоны, Птолемеи и цезари повторяли при своем коронавании эти три церемонии, которые свидетельствовали о поражении Севера и объединении двух Египтов.² Потребовалось еще несколько столетий для умиротворения Египта; оно было

¹ Quibell. Hierakonpolis, I, табл. 39–40.

² Kurt Sethe. Beiträge zur ältesten Geschichte Aegyptens, 1906.

делом, еще малоизученным, тинисских фараонов. Мемфисским царям III династии они оставили Египет объединенным, и с тех пор не замечается ни соперничества между красными и белыми, ни вражды между ливийцами и азиатами.

Если победители принудили к повиновению своей власти, то побежденные заставили принять свои нравы. Эпоха I династии ознаменована полным расцветом искусств каменного века; в царских могилах мы находим самые блестящие образцы ваз из твердого камня, в особенности эти чудесные шары из порфира с разукрашенными поверхностями, где рука рабочего провела грани невероятной точности. Тинисские фараоны выказали себя большими любителями этой истинно царской посуды; им пришла счастливая мысль вырезать свои имена на блюдах, вазах, чашах, тарелках, и обломки этих приборов, разбитых вдребезги, позволили восстановить ряды династий.¹ Кремневая промышленность с появлением оружия и металлических орудий не исчезла, но большие ножи, создания доисторических людей, стали предметами роскоши и служили только обетными дарами, которые приносили в храмы, или драгоценным оружием, предназначенным для фараонов. Золотой лист с розетками и свернувшимися змеями украшает рукоятку великолепного образца, найденного в Эль-Амре; на другом рукоятка массивного золота, прикрепленная к кремневому лезвию тремя заклепками, украшена танцующими женщинами и лодкой со знаменами. Мелкая обетная утварь украшается пластинками слоновой кости с тонко вырезанными фигурами животных; эти вещи были на бычьих ножках из слоновой кости, разработанных согласно традициям халдейского искусства. Резные дощечки, которые в доисторические

¹ В музее Гимэ находится почти полная коллекция царских имен I династии, вырезанных на обломках ваз, и несколько имен II династии.

времена вкладывались в руки покойников, зарытых в песок, по-видимому, становятся украшениями и подвешиваются в храмах; таковы дощечки Гиераконполя, где Нармер начертал свою победу над людьми Севера. Искусство начинает приобретать характер официальный; народная керамика, столь цветущая в прежние времена, к концу Тинисского периода мало-помалу исчезает или техника ее становится чрезвычайно грубой.

Действительно, художники ограничиваются почти исключительно служением богам и царям. С завоевателями, обладавшими писанными текстами и религиозной литературой, в египетском обществе распространяются общие понятия и подчиняют своим строгим рамкам его художественное развитие. Борьба за существование на земле и безумная жажда пережить себя после смерти — вот что владеет всеми умами. Тогда, в последовательном развитии или одновременно, зарождаются учения о том, каков наилучший способ победить смерть. Один сжигает труп, другой расчленяет его и режет на куски; здесь скелет оставляют скорченным, там начинают применять бальзамирование. Из всех этих противоречивых способов, ни происхождения, ни развития которых мы не знаем, с самых первых времен письменности выделяется и крепнет одна мысль: в человеке есть нечто постоянное, в чем воплощается сама раса и что переживает личность; это двойник, гений, телесная душа, она соединяется с формами тела, но не сливается с ним. Чтобы спасти двойник от уничтожения, достаточно построить прочную могилу и сохранять в ней труп или же заменить его человеческим изображением, начертанным на плите, воспроизведенным в виде статуи, или просто именем умершего. Отныне дело каменщиков — найти тайну нетленных зданий. Их строят из кирпича на поверхности земли, как абидосские гробницы; потом, высекая могилу в скале, мало-помалу опускают погребальный склеп под землю, навер-

ху же отводятся комнаты для родственников, приходящих совершать обряды. Так постепенно доходят до типа мемфисских могил, все части которых приходят в гармонию, по мере того как сами понятия о загробной жизни развиваются в стройный синтез.

Но вера в загробную жизнь основана на вере в богов; явившиеся из Аравии или Пунта вместе с египтянами первые боги, Хор, Сет, Шу, Хатхор, Мин, воцаряются при посредстве своих жрецов над живыми и мертвыми.¹ От первых они требуют храмов, развалины которых до сих пор уцелели в Гиераконеполе и Абидосе; вторым они обеспечивают загробную жизнь, свободную от всяких опасностей. Признательность царей и подданных создает правильное богопочитание и периодические праздники. Вот почему тинисское искусство сводится к главной цели жизни: богам, царям и мертвым нужны статуи, благодаря которым оживут их двойники. Ваятели приобретают все больше умения, и их железный резец вырезает из слоистой кости, известняка или дерева грубую статую Мина, изящный образ фараона Хасехемуи или какой-нибудь тяжеловесный и обыденный образ простого смертного с необделанным туловищем, но с живыми чертами лица: портрет должен быть похож, чтобы двойник мог узнать в нем себя.

Преобладающие идеи, постепенно подчиняющие себе искусство, преображают и условия общественной жизни. Египтяне принесли с собой политический строй и вождей; «спутники Хора», по-видимому, учредили кланы, которые, как и у туземцев, отличались по тотемам, помещаемым на знаменах. Красный Север и Белый Юг поделались на враждебные кланы: кланы Сокола, Пса и Волос, заплетенных в косу, сражаются за Сокола Хора, Чибис и Лук поддерживают Борзого

¹ V. Loret. *Revue égyptologique*, т. XI и «Horus le Faucon», 1904.

Пса Сета. На обетных дощечках вырезаны их сражения и победы: здесь Борзая Собака тащит повешенного за шею жалкого Чибиса; там Сокол с позором влачит побежденный Лук; Скорпион и Лев ударами заступа разрушают укрепление вражеских тотемов.¹ Огромное множество оружия и памятников с военными украшениями, найденное в Гиераконполе, святилище Сокола, тоже свидетельствует о боевой деятельности «Спутников Хора» и о борьбе с северянами, азиатскими соперниками или мятежными ливийцами.

Примирение кланов и подчинение туземцев произошло, вероятно, в те времена, когда Менес возвел Белую стену, с целью господства над Севером, и построил свой дворец двойника в Нагаде, промежуточном городе между Буто и Гиераконполем, центре тинского Египта. К этому же времени, по видимому, относится и любопытная перемена в особе фараона. До сих пор царь, вождь отдельного клана, избирал своим тотемом какое-нибудь животное, которое, как полагали, принимало участие в битвах. Рыба Нар, служащая для начертания имени Нармера, не есть безжизненный знак: иногда мы видим ее снабженной двумя руками, она заносит ими палицу, чтобы сразить ливийца. Щит и дротик, составляющие имя Аха-Менеса, находятся в когтях у Сокола Хора, а крылья его распростерты во всю ширину для полета на битву.² После объединения Белых и Красных Сокол становится богом беспристрастным: он больше не спускается на поле битвы и мирно сидит на своем царском шесте. Фараон относится к птице не как к тотему, вождю клана, товарищу в битвах, он поклоняется ему как национальному богу объединенного Египта, принимает его имя, отождествляет себя с ним и делает Сокола

¹ V. Loret. *L'Égypte au Temps du totémisme*, 1906 г.

² В «*L'Aigle du Casque*» В. Гюго одаряет точно такой же жизнью геральдическую птицу, украшающую шлем злого рыцаря.

символом своей власти и первым из своих титулов. Каким образом клан Сокола и вождь его, фараон, поглотили другие кланы и других вождей? Это было достигнуто в бою и путем взаимных уступок. Два старинные царства, Гиераконполь и Буто, получили для своих тотемов, Коршуна и Змея, честь быть выбранными после Сокола официальными титулами царя. То же преимущество было дано Тростнику Юга и Пчеле Севера. Итак, фараоны купили свою победу, приняв, наряду с Соколом, четыре старинных враждебных тотема, которые, в свою очередь, обеспечили им внешнюю и духовную власть. Прошло несколько столетий, и теологи Гиераконполя¹ соединяют эти разрозненные понятия, построив теории божественных династий, основанных Солнцем Ра, утвержденных Хором Соколом и продолженных сыном их, фараоном, «сыном Солнца, возобновляющим годы земной жизни Хора».

Итак, Египет тинисских династий предопределяет памятники, искусство, религиозные понятия политического строя Мемфисского царства. Но сколько пробелов в этой истории, где нам еще ничего не известно ни о происхождении туземного племени, ни о действительном происхождении иноземцев, и очень мало — о слиянии двух элементов, создавшем этих семитизированных африканцев, которых мы называем египтянами. Чтобы угадать скрытые еще в земле тайны или объяснить то, что она нам открывала, было допущено много теорий, которых я не привожу. Не будем скрывать от себя, что большинство современных мнений, складывающихся с чересчур стремительной, но необходимой для успехов науки поспеш-

¹ Cp. G. Maspero. Les dynasties divines de l'Égypte ancienne, 1895.

ностью, будут забыты или пересмотрены в недалеком будущем, когда грядущие открытия разобьют их или подвергнут критике документы. Но одно останется: за последние годы история человечества как чудом шагнула в далекое прошлое. Приподнят край завесы, скрывающей происхождение и первые сношения народов восточного побережья Средиземного моря. И — что редко — открытые памятники позволяют проследить развитие народа начиная с каменного века до исторических времен. И только в Египте намечается путь, проложенный человеком от грубых могил пустыни и пещер до пышных курганов пирамид.*

IV. Вокруг пирамид

а левом берегу Нила, от мыса Дельты до оазиса Файюм, пирамиды Нижнего Египта поднимают к небу свои треугольные лики, то ясные, то хмурые, в зависимости от игры света. Возносясь над обработанными полями, они поднимаются из песка, плотно восседая на первом уступе африканского плоскогорья. Уцелевших до наших дней пирамид насчитывается до сорока. Вместе с сотнями могил, теснящихся вокруг, они указывают места сменявшихся резиденций мемфисских фараонов: Саккара, Медум, Дашур для III династии; Гиза для IV; Абу-Сир и Саккара для V и VI. Это Древнее египетское царство с 4000 до 3500 г. до н.э. переживает себя своими могилами, раскинутыми в окрестностях Мемфиса, его столицы, все следы которой исчезли.

Всего только десять лет тому назад мы надеялись открыть около пирамид зачатки истории Египта и самые отдаленные архивы человечества; за это время доисторические кладбища и царские могилы Абидоса заставили нас допустить существование двух первых династий и в общих чертах ознакомили с Тинской цивилизацией. Вместе с тем цари, строители пирамид, помещены на свое настоящее хронологическое место, т. е. заняли вторую стадию истории Египта; но больше, чем когда-либо, выяснилось все значение пирамиды. Предыдущей, Тинисской, эпохе она не известна; во времена последующих, фиванских, династий, после XII династии, она выходит из упот-

ребления. Итак, пирамида характеризует один период, Древнее царство; она заметно сосредоточивается в одной местности, в окрестностях Мемфиса; не подлежит сомнению, что новый художественный и религиозный идеал нашел в ней полное свое выражение.

Архитектурный замысел пирамиды не был случайной находкой гения, он возник путем довольно медленного развития и последовательного усовершенствования первобытных могил.

Доисторические туземцы погребали тела своих мертвых в ямах, на незначительной глубине, окружая их обычными сосудами. Победители египтяне занесли из Халдеи употребление кирпича и воздвигли царские могилы, усовершенствовав первобытное устройство.* Яма расширяется и становится прямоугольной; ее обсыпавшиеся стены укрепляются кирпичной облицовкой; деревянный потолок отделяет тело от набросанной сверху земли; вместо того чтобы укладывать сосуды и другие предметы вокруг тела, для них отводят комнаты, смежные с главной ямой, ставшей погребальным покоем. Все вместе имеет вид здания, приземистого и удлиненного, покрытого песком; в него спускаются по кирпичной лестнице.

Такова царская гробница в начале Тинского периода. Чтобы обеспечить нетленное жилище для тела и души, чьи судьбы занимают созревающее сознание народа, погребальный склеп начали прорывать до скалы. Могила приняла вид удлиненного хода, где скала эта образовала непроницаемый потолок. У этой подземной галереи было слабое место — всегда открытый в нее доступ. Чтобы избежать его, зодчие стали прорезывать потолок узкими перпендикулярными колодца-

ми с отверстием на поверхности земли; когда тело было погребено, в эти подступы бросали огромные камни в виде опускаемых дверей, которые герметически закупоривали проход. Выход из этих колодцев находили в песке, их скрывала куча земли или песка, подпертая стенками. Но такой плотно закупоренный склеп оказывался недоступным для семьи покойного; как же обеспечить ему телесную жизнь в загробном мире? В кучу песка, ставшую кровлей, над самым телом, стали закапывать сосуды с припасами, потом при входе на лестницу отвели маленькую комнату, куда бы могли приходиться родственники с их дарами. Так продолжалось до тех пор, пока в план здания входила лестница; с течением времени она была устранена как дающая слишком свободный доступ. Ее заменили отвесным колодцем, который, прорезая всю постройку, позволял спускать труп на веревках. По окончании похоронного обряда колодцы закрывались, и ничто не указывало на их отверстия. Маленькая комната была перенесена тогда к восточной стороне мавзолея: она имела форму узкого коридора, а в конце его находилась глухая дверь, как бы дававшая доступ в жилище мертвого.¹ Усовершенствованная таким образом тинская могила превратилась к началу III династии в укрепленный дом, отчасти высеченный в скале, отчасти построенный на поверхности земли; он включал недоступный склеп, заполненные колодцы и одну комнату для почитания, открытую родственникам. Издали здание представляется каменным кубом, которому арабы дали название мастаба («скамья»); это научный термин, принятый для обозначения могил Мемфисской эпохи.

Выбор материала для постройки гробниц тоже подвергся соответствующему изменению. Подобно халдеям, пришедшие

¹ J. Garstang. The third egyptian dynasty, 1904, гл. VI и табл. XX-XXI.

из Азии египтяне употребляли преимущественно кирпич; но когда они водворились в узкой долине Нила, скалистые обрывы плоскогорья пустыни доставили им грубый и мелкозернистый известняк из Мукаттама и Туры, песчаник Сильсиле, алебастр, гранит и базальт из Асуана. Искусству обработки этого материала новые пришельцы научились у туземцев, которые шлифовали все твердые камни с непостижимой легкостью. В своей заботе об обеспечении себя несокрушимыми гробницами фараоны применили работу туземцев к сооружению больших построек; этих мастеров, шлифовальщиков сосудов, они превратили в каменотесов и зодчих. С I династии царь Усефаис заменяет в своей гробнице обычный деревянный пол гранитными плитами; одна из комнат могилы Хасехемуи (II династии) построена из глыб известняка, обтесанных и прилаженных друг к другу; это самый старый из ныне известных образцов каменотесных работ. Тот же царь наделяет храм Хора в Гиераконполе роскошными дверями розового гранита; их косяки находятся теперь в музее Каира. Судя по этим обломкам, египтяне уже в те времена были законченными мастерами.

Они приступали к работам более широким по замыслу. Сфинкс Гизы (рис. 12), огромная скала, высеченная в форме льва с человеческой головой, быть может, относится к этой эпохе. Задумчивое величие этого прекрасного, ныне изуродованного лица в достаточной мере свидетельствует о степени технического умения и силе выражения, достигнутой египетскими художниками. Относится ли к той же эпохе и смежный со Сфинксом храм, где ни одна надпись не указывает на время его сооружения?* Эти крытые залы, от которых уцелели одни четырехугольные колонны розового гранита, узкие, низкие святилища с потолком из одной гигантской плиты, ограда, целиком построенная из але-

Рис. 12. Гиза. Сфинкс и пирамида Хефрена

бастра, — все заставляет отнести здание к первым годам египетского искусства благодаря выдержанности и массивности линий и потрясающему величию (рис. 13). Тем же настроением веет от загадочного памятника, только что расчищенного Барсанти для Попечительства о древностях около Завиет-эль-Ариана, на полпути между Гизой и Саккара. Это одна из достопримечательностей мемфисского Египта; так как здание, несомненно, относится к концу Тинского периода, то по нему мы можем распознавать во времени все другие, в которых встречаются те же приемы постройки.*

Остатки построек памятника находятся в глубине ямы, вырытой в форме буквы Т, в 100 м длины, 25 ширины и 30 глубины. Стены ямы просто вытесаны в известковом грунте;

их профиль настолько чист, что кажется, будто скала обрезана натянутой ниткой, как режут кусок масла. На дно ведет наклонная плоскость; середина ее представляет скользкий скат для спуска вещей, а по бокам — головокружительная лестница с истершимися ступенями (рис. 14). Яма была наполнена щебнем и песком; пришлось извлечь более 4000 куб. м мусора, чтобы обнаружить пол, состоящий из громадных глыб розового гранита. Барсанти надеялся, сместив одну из этих глыб, встретить погребальный склеп, так как один из обломков, найденных в мусоре, был отмечен именем одного царя II династии, Неферка. Под приподнятой глыбой оказалась другая глыба, а под ней три другие пласта, лежащие один над другим; последний лежал на самой скале. Где же склеп? Чтобы открыть его, Барсанти отозвал гранитотесов, работавших над запрудой Нила асуанского, и заставил их пробуровать туннель в граните — труд, достойный фараонов. Туннель, по которому я ходил в 1907 г. в сопровождении Барсанти, до сих пор доказал лишь то, что вся эта масса компактна; и многие

Рис. 13. Гиза. Храм Сфинкса

*Рис. 14. Завиет-эль-Ариан.
Скат для спуска*

египтологи считают, что настилка не скрывает никакого тайника и служила только полом для построек, которые так и не были возведены. Барсанти же твердо верит, что этот пол является потолком, прикрывающим нетронутую могилу; его убеждение в значительной мере основывается на особенном расположении плит. В одной из гранитных глыб оказался овальный обтесанный чан 2 м длины и 1 м емкости; он накрыт красивой крышкой с четырьмя ушками; все очень гладко отшлифовано и обработано так же тщательно,

как драгоценная безделушка (рис. 15). «С истинным трепетом, — пишет Барсанти, — отважился я приподнять крышку; когда обнаружилась внутренность вместилища, оно оказалось совершенно пустым; я мог заметить только как бы черный ободок в 10 см ширины, окружавший боковые стенки. По всей вероятности, это легкий след какой-нибудь жидкости, замкнутой в чан в качестве жертвенных даров или возлияний и испарившейся с течением лет»¹.

Действительно, возможно, что под чаном по отвесной линии был скрыт погребальный покой, как это делалось в мастабе, где на крыше находился склад приношений. Для разре-

¹ Annales du Service des Antiquités de l'Égypte, VII, с. 285.

шения этой загадки Масперо уполномочил Барсанги сместить один за другим все четыре ряда глыб, которые будут водворены снова на место после того, как исследуют всю глубину колодцев Завиет-эль-Ариана.

Каково бы ни было назначение здания Неферка, оно, как и храм Сфинкса, свидетельствует о склонности фараонов тех времен к исполинским постройкам из материалов гигантских размеров. «Впечатление, — пишет Масперо, — неизгладимо. Размер и богатство материала, совершенство тесаных поверхностей и скреп, несравненная законченность гранитного чана и, с другой стороны, смелость линий и высота стен — все это в целом дает нечто, до сих пор единственное. Впечатление потрясающее, и ни в чем не проявилась разительнее сила древних египетских зодчих»¹.

*Рис. 15. Завиет-эль-Ариан.
Гранитный чан*

★ ★ ★

По мере все возрастающего размаха строительство, это двойное движение, вглубь и ввысь, уводящее египетскую моголу к новым очертаниям, нашло свое блестящее выражение

¹ Annales du Service... с. 259.

в замысле пирамиды. Первая была воздвигнута в Саккара Джосером, одним из монархов III династии (около 4100 лет до н.э.).

Джосер был одной из самых видных фигур истории Египта: от Синая до Элефантины памятники хранят его имя, но подробности его подвигов от нас ускользают. Еще в греческую эпоху Джосер слыл изобретателем построек из тесаного камня; следует заметить, что царствование его знаменует окончательное распространение построек из обтесанных глыб, победу камня над кирпичом. Тем не менее, подобно своим предшественникам, он начал строить из кирпича свою усыпальницу в местности Бет-Халлаф, около Абидоса.¹ Эта огромная мастаба возвышается над несколькими склепами, к которым ведет коридор, заваленный пятью опускными дверями. Могила осталась неиспользованной. Может быть, это случилось благодаря влиянию крупного царедворца, Имхотепа, чья слава мага и зодчего пережила столетия. Джосер покинул Тинисские кладбища, перенес свою резиденцию к Белой стене Мемфиса и избрал Саккара местом своего вечного упокоения. Здесь возносится его пирамида «уступами», переходная ступень между прямоугольной мастабой и пирамидой с острыми ребрами. Это четырехсторонняя лестница из шести гигантских ступеней высотой от 11 м 50 см до 9 м; каждая последующая сокращается на 2 м сравнительно с предыдущей; общая высота памятника достигает 60 м. По виду это шесть уменьшающихся мастаб, построенных одна на другой, и нововведение здесь сводится к развитию основания в смысле восхождения. На самом же деле замысел гораздо сильнее. Прежде всего зодчие заменили кирпич камнем; затем, вместо того чтобы строить первую террасу, на которой бы они возве-

¹ J. Garstang. Mahasna and Bet-Khallaf, 1902.

*Рис. 16. Архаические пирамиды. Саккара.
Ступенчатая пирамида Джосера*

ли пять остальных, они распределили всю массу камня параллельными пластами, одним порывом восходя от подножья до вершины и останавливаясь по краям на определенной высоте, чтобы сохранить стены уступами.¹ Это уже не искание ощущения: у рабочих было ясно выраженное намерение или же они получили точное приказание воздвигнуть сооружение, выходящее из земли и устремляющееся к небу (рис. 16).

По мере развития замысла ступени, знаменующие как бы пресечение порыва, уменьшались. Один из преемников Джосера, Снофру, построил в местности Медум², к югу от Саккара, пирамиду подобного типа; но ширина каждой ступени

¹ Cp. Choisy. L'art de construire chez les Égyptiens.

² Cp. Fl. Petrie. Medum, 1892.

Рис. 17. Архаические пирамиды. Медум. Пирамида Хуни-Снофру

уменьшена наполовину, что сильнее выдвигает восходящее движение всей массы (рис. 17).*

Несколько времени спустя Снофру еще больше подчеркнул это устремление ввысь во второй пирамиде, сооруженной в Дашуре. Основание этого здания представляет приблизительно наклон стен мастабы; потом, без промежуточных уступов, четыре ребра решительно устремляются к небу и впервые дают истинный профиль пирамиды. Ряд попыток Джосера и Снофру приводит, около 4000 г. до н.э., к определенному замыслу здания, «выходя-

¹ Это смысл иероглифического выражения *per te ous*, откуда греческое слово *pyramis*. — Ср. Eisenlohr, «Ein mathematisches Handbuch der alten Aegypter», с. 260.*

шего из земли»¹ и соединяющего в одной точке неба четыре гладкие стены, которые кажутся сходящими с неба на землю правильными треугольниками. Художественная формула пирамиды, какой ее будут строить цари IV династии, найдена.

Кажется, будто Хеопс, Хефрен и Микерин были охвачены каким-то опьянением, развернув эту формулу до гигантских размеров трех больших пирамид Гизы. «Горизонт», построенный Хеопсом, был 233 м ширины на 147 м высоты; «Большая», воздвигнутая Хефреном, — 138 м высоты на 215; и «Великая», произведение Микерина, — 66 м высоты на 108 в основании. Максимальный размах был достигнут в начале IV династии и, дав все, что мог, мало-помалу пошел на убыль. Это впечатление бросается в глаза посетителю. Первой на краю пустыни появляется Большая пирамида; ее необъятная гро-

Рис. 18. Гиза. Большие пирамиды IV династии

мада являет мечту о величии исполинском, которая могла осуществиться только однажды. За ней, по диагонали, поднимаются вторая и третья, одна — являя более стройные очертания, другая — сильно уменьшенные пропорции, свидетельствующие о возвращении к сдержанным и рассчитанным замыслам. За первым, подавляющим впечатлением вас охватывает желание понять тайны постройки и назначение этих памятников (рис. 18).¹

Работы по расчистке, произведенные по почину Масперо вокруг пирамиды Униса в Саккара, дали возможность уяс-

¹ Никто лучше Жомара, в его мемуарах о Мемфисе и пирамидах, не выразил впечатления, какое производят вблизи Большие пирамиды (*Description de l' Egypte*, изд. in-8°, т. V, с. 597): «Их вершины, виднеющиеся издалика, производят впечатление, сходное с тем, какое испытываешь при виде пирамидальных вершушек высоких гор, стремящихся и врезающихся в небо. Чем ближе подходишь, тем это впечатление слабее. Но в непосредственной близости этих правильных громад оно сменяется другим — вы сражены неожиданностью, едва ступив на берег, вы чувствуете себя во власти другого настроения. У самого подножья пирамид вас охватывает острое могучее ощущение с примесью изумления и подавленности. Верхушка и углы теряются из виду. Испытываемое чувство не есть восхищение перед созданием искусства, оно глубже. Оно навеяно величием и простотою форм, контрастом между человеком и огромностью труда его рук; глаз не в состоянии охватить его, мысль отказывается воспринять. Вот когда начинаешь проникаться всем величием этой громадной груды отесанных камней, нагроможденных в стройном порядке на баснословную высоту. Вы видите их, вы касаетесь этих сотен каменных пластов по 200 кубических футов в 50 тысяч весом, и тысяч других пластов, которые ни в чем не уступают первым, и стараетесь понять, какая сила сдвинула, подвезла, подняла столько огромных камней, сколько работало над ними людей, какое им нужно было для этого время, какими подъемными машинами они пользовались. И чем меньше можешь объяснить себе все это, тем больше восхищаешься силой, для которой такие препятствия были игрушкой».

нить себе схематический план любой пирамиды. Она состоит из трех частей: внутри погребальные покои; кругом толща пирамиды; снаружи часовня для отправлений культа. Все окружено оградой, заключающей в себе могилы родственников царя или приближенных лиц.

Работы начались с раскопок в каменистом грунте пустыни: разрушенная пирамида Абу-Роаша, расчищенная Шассиной, и памятник Завиет-эль-Ариана дали превосходные образцы этих, уже гигантских, подземных сооружений. В середине располагали погребальный покой, куда вел коридор с очень сильным наклоном; сюда шел отборный материал: мелкозернистый известняк Туры или гранит Асуана. Вокруг этого ядра, доступ к которому оставался открытым, располагали пласты пирамиды, известковые глыбы, получавшиеся с плоскогорья пустыни или из каменоломен Аравийской горной цепи. Глыбы легко доставлялись по Нилу, который в пору разлива омывает скалы от Гизы до Саккара; на плоскогорье их поднимали по насыпям, следы которых уцелели и поныне.

Долгое время оставался спорным вопрос, замышлялось ли сооружение пирамиды сразу в конечных размерах и по заранее установленному плану, или же первая ячейка, охватывающая погребальный покой, представляла из себя уже пирамиду в малом размере, которая разрасталась ввысь и вширь, сообразно средствам и времени, какие уделял ей фараон. Наличие в некоторых пирамидах входных коридоров, ныне засыпанных мусором, и расположение пластов камня дали перевес старой теории Лепсиуса: каждая пирамида развивается по закону кристаллизации и последовательными надстройками вокруг ядра уже законченной формы; первоначальный ее размер — 50 м в основании, с соразмерной высотой; затем последующие надстройки увеличивают их размеры до настоя-

щего, нам известного, на каком их остановила смерть фараона или его сознательный расчет. Сооружение уступов не представляло никакой трудности, кроме огромности самой задачи: наклонная плоскость доставляла глыбы на желательную

*Рис. 19. Гиза. Западная сторона
Большой пирамиды*

высоту, а с уступа на уступ они поднимались на маленьких деревянных машинах, описанных Геродотом и очень недавно воспроизведенных Легреном.¹ Когда была водворена на свое место последняя площадка, сверху начиналась облицовка, превращавшая каждую сторону в непрерывную стену; на каждой ступени вмуровывалась глыба со скошенной наружной стороной; спускаясь со ступеньки на ступеньку, рабочие оставляли за собой непрерывные плоскости с правильным уклоном на каждом боку пирамиды (рис. 12 и 19).

Внутри находилось обычно несколько погребальных покоев с соответствующим количеством ведущих туда коридо-

¹ Геродот, II, 125. — См. сказанное об этом на с. 31.

ров, что вытекало из постепенного развития плана: в сущности же фараону достаточно было одного только склепа. Посетители, которых не пугает неудобство спуска по скользкой земле, низкими коридорами, где воздух застаивается и термометр показывает 30° , будут вознаграждены совсем особенным настроением, которое испытываешь в погребальном покое Хеопса. На северной стороне, на высоте 12 м над землей, открывается вход в один из коридоров с сильным наклоном; ссыпавшаяся облицовка обнажила наверху четыре громадные перекладины из известняка, сходящиеся попарно своими верхушками, обтесанными в виде арки. Свод этот, выдерживающий неослабно вес находящейся над ним громады, повторяет треугольный очерк пирамиды: линии его, очень простые и чистые, придают этим вратам загробного мира красоту неизъяснимую (рис. 20).

Рис. 20. Гиза. Пирамиды Хеопса и Хефрена

Каменная плита, насаженная на шип, некогда преграждала вход в коридор;¹ поворачивая ее, обнаруживали галерею в 22 м длины и 1 м ширины. Места было достаточно, чтобы спустить гроб по этому каналу с полированными стенами, людям же приходится скользить на корточках, удерживаясь ногами за выемки, сделанные там и сям. Так достигают горизонтальной площади, где нисходящий коридор ведет к горнице, высеченной в скале, на глубине 30 м под землей; это был первоначальный погребальный склеп, ныне заброшенный. С той же площадки восходящий коридор ведет к средоточию пирамиды, но со дня погребения три опускные гранитные двери преграждают туда доступ. Уже в давние времена искатели сокровищ обошли это препятствие, выдолбив над ними туннель, через который теперь проникают посетители. Новый, низкий коридор в 33 м длины ведет ко второй площадке, откуда открываются еще два хода. Один, горизонтальный, через 38 м вводит в гранитный покой с треугольным потолком, который, по-видимому, представляет из себя лишь второй склеп, в свою очередь оставленный без применения благодаря увеличению сооружения. Другой ход, восходящий, превращается в обширную галерею в 8 м 50 см высоты на 2 м ширины и 50 м длины.

Постройка этой галереи весьма замечательна. С каждой ее стороны скамья, высотой в 60 см, урезывает ее ширину на 50 см; на верхней плоскости ее сделаны зарубки, куда можно поставить ногу, что весьма кстати ввиду сильного наклона и чрезмерной шлифовки камня. Возможно, что это сделано было для спуска гроба, который сам скользил по полу гале-

¹ Ср. Страбон, XVII, с. 808: «На боку пирамиды, на небольшой высоте, есть камень, который можно отстранить; если приподнять этот камень, открывается извилистый ход, ведущий к могиле».

реи между двумя приступками. Не менее пола любопытен потолок: он состоит из семи пластов, расположенных выступами: «Получается, — говорит Жомар, — иллюзия: стены кажутся вогнутыми, несмотря на то что поверхность каждого слоя вертикальна; они производят впечатление очень заостренного свода. Блеск и обработка каждого камня такая, что многие, подобно мне, сначала приняли его за гранит или мрамор. Места соединения пластов почти незаметны, туда не проникло бы и лезвие ножа. Все это сооружение изумительно по своей законченности; но не менее изумительна и прочность работы: несмотря на громадность тяготеющей на ложном своде массы, все сохранилось без малейших повреждений»¹ (рис. 21).

Рис. 21. Внутри Большой пирамиды. Большая восходящая галерея

Большая галерея заканчивается гранитными покоем, представляющими царский склеп. Тут преграды умножаются: нужно перешагнуть порог в 90 см вышины; за ним следует очень низкий коридор, в середине которого открывается пред-

¹ Description... т. V, с. 627. Большая галерея в действительности построена из мелкозернистого известняка Мукаттама.

дверие в 3 м высоты, служившее для постановки четырех опускаемых дверей. Первая оставалась еще на месте, удерживаясь на высоте 1 м от земли чуть заметным выступом ската; три остальные исчезли или отсутствовали с самого начала. Почему дверь не была спущена после погребения? Мы не знаем. Но не без страха пробираешься ползком под этой громадой гранита, вот-вот готовый рухнуть. Наконец вы вступаете в погребальный покой, помещенный в оси пирамиды, на высоте 40 м над землей и на 100 м от верхушки пирамиды. Это гранитный блокгауз в 10 м 50 см длины, 5 м ширины и 6 м высоты, сооруженный из громадных камней изумительной работы: «зал остался нетронутым во всех своих частях, и шлифовка его стен вполне закончена; с большим трудом можно найти места соединений пластов, которых шесть, все одинаковой высоты; потолок покоя состоит из цельных кусков, длиной более 6 м каждый. Здесь, как в галереях и во всех проходах, ни следа каких-нибудь трещин или оседания, ничто не сместилось с самого начала, так совершенны горизонтальные и вертикальные линии». В одном углу стоит гранитный гроб, прямоугольное ложе без всяких надписей и украшений; крышки нет; тело и погребальная утварь исчезли. Над склепом пять маленьких комнаток, очень низких, расположенных одна над другой; они служат выходами в потолок; туда можно проникнуть по приставленным лестницам, уже из галерей (рис. 22). Там найден написанный красной краской картуш Хуфу (Хеопса), эта отметка подрядчика является подписью, позволяющей установить строителя Великой пирамиды.

Все предосторожности, принятые для предотвращения доступа в коридор, указывают на то, что проникать внутрь пирамиды по водворении гроба на место воспрещалось, как и в мастабу. Поэтому почитание умершего царя осуществлялось

Рис. 22. Исследования внутри Большой пирамиды

Рис. 23. Саккара. Пирамида Униса, храм и могила

в наружной часовне, которая находится на восточной стороне каждой пирамиды. В «Горизонте» Хеопса от нее остался один только базальтовый пол; но на восточной стороне Большой и Великой сохранились еще остатки стен; в Саккара, в часовне Униса (рис. 23), уцелели колонны розового гранита и барельефы. Обряды, которые совершались в этих погребальных храмах, составляют настоящую «тайну» пирамид; они стали нам известны с тех пор, как Масперо открыл в малых пирамидах Саккара (V и VI династии) тексты, недостающие в роскошных усыпальницах Гизы.¹ Вот где нужно искать объяснения этих безмерных сооружений, тяготевших тайной и возбуждавших любопытство на протяжении столетий.

¹ Нижеприведенные тексты заимствованы из фундаментального труда Масперо «Les inscriptions des pyramides de Sakkarah», текст и перевод.

Пирамиды — могилы; но для того, чтобы понять значение слова «могилы» для египтян Древнего царства, нужно отрешиться от современных понятий о смерти, которая для нас неизбежно противопоставляется жизни. Египтяне первых времен, подобно диким нашей эпохи, не понимают смерти как противоположности жизни, а могилы как места уничтожения. Для тех и других умерший человек пребывает в особом состоянии, которое не должно неизбежно изменить обычные условия жизни. А эти условия хорошо известны народам в их младенчестве. «Дикарь, — говорит Фрэзер в своей замечательной книге о первобытных верованиях, — объясняет все явления жизни, как и явления неодушевленной природы, считая ее делом живых существ, скрытых в них или за ними. Животное живет и движется только потому, что заключает в себе маленького человечка или маленькое животное, дающих ему жизнь и движение. Животное, обитающее в животном, человек, обитающий в человеке, и есть душа»¹. Для многих нецивилизованных народов душа имеет форму маленького человечка, воспроизводящего черты каждой отдельной личности. Египтяне тоже верили, что все сущее — боги, люди, животные, деревья, камни, все предметы — заключает в себе свое подобие в уменьшенном виде, которое и есть его душа. Они давали этому образу название *ка*, которое мы переводим словами «двойник» или «гений»; для людей они представляли себе этого *ка* в виде маленького человечка с теми же чертами, как и у живого существа. Добавим, что, подобно многим нынешним дикарям, египтяне не ограничивались этим единственным представлением о душе; наряду с двойником, связанным с телесной формой, у них было понятие о душе подвижной и ду-

¹ J. Frazer. *Le rameau d'or*, франц. пер., I, с. 183.

ховной, которую символизировала *ба*, птица с человеческой головой; в *тени* и в *имени* они тоже видели проявление маленькой, скрытой в человеке, души.

Отсюда жизнь, по понятиям египтян, длится до тех пор, пока человек пользуется слиянием своего тела с его двойником. Но бывают моменты, когда двойник расстается со своим телом: во время сна, при некоторых болезнях, влекущих за собой потерю сознания или обморок, двойник удаляется; выходя из сна или обморока, человек «приходит в себя», т. е. снова соединяется со своим двойником. То, что называют смертью, есть не более чем длительный обморок, который может прекратиться, если вернется двойник. После смерти каждая составная часть человека, тело и двойник, продолжают жить порознь. И вот, чтобы сделать смерть безвредной, нужно поставить тело в условия, противодействующие тлению, этому роковому последствию раздвоения: нужно сохранить его по возможности нетронутым, чтобы душа-двойник могла, в свою очередь, узнать его и снова обитать в нем. Словом, нужно дать блуждающей душе убежище. Отсюда необходимость погребального обряда, цель которого — сохранить тело и обеспечить душе жилище.

Одних этих представлений было бы достаточно для объяснения великого значения могилы, приюта жизни, у египтян. Но первобытные народы редко останавливаются на простых понятиях. Страшась временной или окончательной отлучки двойника, влекущей сон или бессознательную жизнь смерти, египтяне сроднились еще с одной мыслью, в которую многие дикие верят и теперь. Раздвоение человека губительно только в том случае, если оно независимо от воли; и наоборот, полезно поставить своего двойника в безопасность, облегчая ему выход из тела и помещая его в достоверное место. Одни вследствие этого вручают свою душу животному, растению, како-

му-нибудь предмету, который становится тогда священным существом или тотемом; другие отправляют его в тайное место или в укрепленное здание, могущее служить могилой для тела. Итак, пирамиды и могилы в Египте становятся «дворцами двойника», которые фараоны и их подданные строят еще заживо; двойники являются туда и вселяются в статуи тела, идеализированного, но похожего чертами лица; душа таким путем ограждается от случайностей, которых тело не всегда может избежать. Пока тело продолжает жить обыкновенной жизнью, оно заботится о благополучии своего двойника в могиле: видные сановники становились «рабами двойника» фараона; частные лица обеспечивали своему двойнику такие же заботы, входя в соглашение с жрецами могил. Это объясняет ту власть могил, которая тяготела, по-видимому, над египтянами в самый расцвет их жизни: с самой юности сооружать прочный дом, где когда-нибудь будет покоиться тело, хранить там статуи, в которых будет обитать двойник¹, навещать в праздничные дни свою могилу и поклоняться собственному гению², обеспечить ему полное благополучие вдали от превратностей общественной «жизни» — таков идеал счастливой жизни в Мемфисскую эпоху. Когда наступает смерть, говорили, что тело «переходит к своему двойнику», откуда следует, что он уже обитал в могиле.

Итак, египетская могила — по преимуществу дом, где пребывает самое живое, самое реальное, самое неизменное в человеке. Нужно ли удивляться, что в те времена, когда такие понятия процветали на радость человечеству, цари и частные лица не жалели средств на сооружение несокрушимых твердынь, хранилищ душ и тел? Безмерная любовь к жизни, жес-

¹ См., напр., Maspero. Contes populaires, 3-е изд., с. 81.

² См. плиту Госси в Каире, изданную в «Musée Égyptien», табл. XXII.

такая борьба за существование воспламенила фантазию строителей пирамид. Эти «Дома Вечности», где мы ищем лишь смерти, обещали им вечную жизнь.

* * *

Это могло произойти лишь при условии оживления тела после смерти. В том состоянии трупного окостенения и разложения, в каком кладут его в могилу, оно могло быть для двойника только обременением. С Мемфисского периода египтяне разрешили эту задачу сохранения тела посредством бальзамирования. Очень интересно было бы узнать, каким путем они дошли до этого; похоронные обряды Тинской эпохи не несут никаких следов подготовки бальзамирования и трудно поддаются объяснению. В очень древних могилах мы видим труп, сидящими на корточках; в некоторых могилах скелеты разрознены, голова отделена от туловища, кости разбиты, как будто из покойника хотели сделать жертвенное приношение; или же отдельные кости сложены в кучу, сверху лежит голова, придавая погребенному телу новую форму. Эти приемы, о которых часто упоминают позднейшие ритуальные книги, были оставлены в начале Мемфисского царства и заменились обрядами, обеспечивающими сохранение трупа в целом виде. Нам не известно, как произошел этот переворот, оставивший такие прочные последствия; говоря о нем, египтяне ссылаются на божественное откровение, приписывая это благодеяние богу Анубису.¹ Он, «владыка повязок», научил людей искусству предупреждать разложение путем удаления сосудов, натронного промывания, применения асептических веществ и повязок, изолирующих тело от соприкосновения с воздухом.

¹ См. G. Maspero. Histoire, I, с. 112 и 178.

Спасенное от разложения тело было лишь неподвижной мумией, слепой, глухой, лишенной сознания. Понадобилось новое откровение, чтобы научить людей искусству возвращать мумии способность пользоваться органами чувств и призвать в нее отлетевшую душу. К концу третьей династии¹ этот ритуал, которым Осирис, «Бог Благой», Искупитель, одарил людей, претерпев его впервые на себе, вошел во всеобщее употребление.² Говорили, что Осирис во времена божественных династий был убит и рассечен на части братом своим Сетом и что первым из людей он познал смерть. Благодаря кудесническому знанию его жены Исиды, сестры Нефтиды, сына Хора, Анубиса и Тота, его союзников, все найденные куски тела Осириса были подвергнуты асептике и соединены в полную мумию; движение и пользование всеми чувствами вернулись к этому неподвижному телу, когда Тот и Хор коснулись его уст, глаз, ушей, развязали ему руки и ноги при помощи магических средств. Душа, задержанная в плену у Сета, еще отсутствовала; Хор и Тот пустились за ним в погоню — тщетно скрывался он, принимая облик быка, газели, кабана или гуся; в сердце этих животных, пойманных и принесенных в жертву, душа Осириса была найдена; Хор вернул ее своему отцу, сообщив дыхание жизни через поцелуй. Осирис, оживленный и воссоединившийся со своей душой, стал существом исключительным, выше всех остальных, так как перешагнул через порог смерти и восторжествовал над величайшим ужасом. Такое существо, живущее совершенной жизнью, без всякого страха смерти, ставшей для него безвредной, и есть бог.³

Отныне Осирис становится образцом, которому подражает все живущее на небе и на земле, и все, что обречено на

¹ В могиле Мечена (конец III династии) совершался обряд отверзания уст.

² G. Maspero. Rituel de l'Embaumement; Histoire, I, с. 18.

³ A. Moret. Le rituel du culte divin en Egypte, 1902, с. 200.

смерть. Никто из жителей неба и ни одно из земных человеческих созданий не составляет исключения из этого всеобщего удела; в благой смерти Осириса и погребальном культе, созданном Хором и Тотом, искали и нашли возможность жиз-

Рис. 24. Гиза. Мастаба с двумя входами

ни вечной. Каждый из богов познал смерть и воскресение: их земной сын фараон играет роль «возлюбленного сына», отверзая уста своего отца и возвращая ему в поцелуе душу. Всякий смертный человек мог надеяться стать богом: в день похорон старший сын семьи заявлял, что он Хор или Тот, и повторял над своим отцом обряд великой мистерии, уподоблявшей последнего Осирису.

«Тексты пирамид» Саккара и картины гробниц знакомят нас с этими обрядами в их древнейшей форме: их совершали в часовнях исчезнувших пирамид и в мастабах, найденных тысячами (рис. 24). Существенной частью погребального покая была та глухая дверь, которая впоследствии стала надгробной плитой. Она ведет в другой мир, где обитает двойник. Позади этой двери находится коридор (сердаб), где

покоятся статуи двойника, а под ней склеп, в который опустят мумию. В день похорон тело, обернутое повязками и набальзамированное по ритуалам Анубиса, приближают к глухой двери. Кругом стоят родственники в трауре. Жена и сестра покойного возглашают, что они Исида и Нефтида, пришедшие оплакивать и оберегать Осириса. А вот и старший сын: он очистился, облекся в шкуру пантеры и подносит курящийся фимиам, «который обожествляет», и железный крюк, каким некогда Хор отверз уста Осириса. Возле сына стоит жрец подземных гробниц, совершающий службу: со свитком папируса в руке он готов подсказать слово из текста, указать жест в случае, если бы память изменила сыну покойного (рис. 25). Кругом толпятся родственники, близкие, священнослужители и хором повторяют слова и жесты, усиливая тем их действенность. Тем временем жертвопринослители закололи быка, газель и гуся и приносят их переднее бедро, голову и сердце.

Тут начинаются верховные обряды. Омовением и курением ладана смывают с мумии телесные и душевные скверны: «все, чему не должно оставаться в ней, падает на землю». Потом Хор, возлюбленный сын, совершает подобие отверзания рта, глаз, ушей своего отца при помощи магических орудий; он потирает их мизинцем своим; касается их сердцем и бедром жертв, приговаривая нараспев: «Восстань живым, восстань, Осирис, ибо я, сын твой, я Хор пришел омыть тебя, очистить, вернуть тебе жизнь, обнять твои кости, соединить твои ткани, обнять твои члены, ибо я Хор, который вылепил своего отца...¹ Хор отверзает тебе око, дабы видел ты оком своим,² ...тебе отверзают уста, и это делает Хор своим мизинцем, которым он отверз уста отца своего, Осириса;³ тебе даны

¹ Pyramide de Mirinri, 446.

² Pyramide de Têti, 264.

³ Pyramide de Pépi I, 590.

Рис. 25. Гробница Птахнефера. Изображение похорон

твои очи, чтобы видеть, уши, чтобы слышать слова, которые произносят уста твои, твои ноги, чтобы ходить, руки, чтобы действовать»¹. И сын обеими руками охватывает труп отца, подносит к лицу мумии собственное лицо, и в этом поцелуе магический жизненный ток переходит из тела живущего в тело умершее, дыхание жизни сообщается из уст в уста. Тут хор, совершающий богослужение, возглашает: «Хор пришел, он целует тебя, Осирис!.. Сын твой Хор поразил Сета, он своей рукой вырвал у него глаза, он отдал их тебе вместе с твоей душой, которая в них, и с твоей формой, которая в них»². Тело оживлено и одарено душой. Нужно сейчас же обеспечить ему пищу и питье для вечной жизни. Перед мумией накрывают стол с жертвенными дарами: на круглых блюдах расставляют хлеб, мясо, плоды, вино, пиво, ликеры и воду — полный обед, меню которого во всех подробностях записано на стенах гробницы. Несколько отборных кусков сжигается на пылающем огне жертвенника, и мумия питается дымом; остальное разложено на столе, за который садятся родственники и священнослужители. Трапеза сопровождается плясками и пением под аккомпанемент арф и флейт. И к новому богу обращают добрые пожелания: «Голод, не подступайся к этому новому Осирису...»³ Он питает отвращение к голоду и не вкушает его; он питает отвращение к жажде и не пьет ее...⁴ О, боги, вы взяли к себе этого Осириса; он вкушает от того, что вкушаете вы, он живет тем, чем живете вы... в стране, куда он вступает, он не испытает более ни жажды, ни голода вовек»⁵.

¹ Формула Среднего царства (El-Kab).

² См. тексты, приведенные А. Moret, «Rituel du culte divin», с. 88.

³ Pyramide de Téti, 54.

⁴ Pyramide d'Ounas, 190.

⁵ Pyramide d'Ounas, 488.

*Рис. 26. Мастаба Мереруха в Саккара.
«Ложная» дверь и статуя двойника*

По окончании трапезы очищают мумию водой и ладаном. Вот она уже в руках служителей; по низким коридорам спускают ее до средоточия пирамиды или в глубину мастабы. Но когда опускная дверь захлопнулась, колодцы засыпаны, это тело не предается живущими забвению. По определенным дням — и даже очень часто — родственники и жрецы возвращаются к глухой двери и повторяют животворящие обряды. Мумии тут больше нет, но оживает изображение покойного на плите. Иногда в

углублении глухой двери стоит статуя, выставив одну ногу вперед, словно готовясь спуститься с лестницы, ведущей к стране мертвых;¹ иногда из-за притолки выявляется один бюст или лицо²: кажется, будто умерший выглядывает в окно, чтобы побеседовать со своими детьми. Чаше всего узкий ход шириной в несколько сантиметров один только является сообщением между богослужебным покоем и сердабом, где спрятали статую двойника: через это отверстие проникают арома-

¹ Гробница Мереруха в Саккара, рис. 26.

² Гробница, открытая Лорэ в Саккара, рис. 27.

ты ладана и дым с алтарей, а также двойники жертв, которые, достигая таким образом обожествившегося мертвого, создают ему этот полуйдеальный, полуреальный мир, где протекает отныне его вечная жизнь.

Таковы формулы и главные действия этой церемонии «Отверзания уст» — *уи эр*, быть может, первого искупительного обряда, какой знало человечество. Благодаря ему пирамиды и мастабы сделались святыми местами, где каждый умерший человек воскресал в Осирисе, Боге Живущем. Там уже много столетий тому назад раздалась старая песня, которая все еще служит утешением для людей: «Нет, не мертвым ты уходишь. Живым воссядешь ты на престоле богов»¹.

Рис. 27. Мастаба Неферсехемнефа в Саккара. VI династия. Стоячие плиты, «ложная» дверь, бюст и статуи

★ ★ ★

Жизнь двойника в пирамиде или в гробнице египтяне представляли себе очень похожей на жизнь до могилы. Она была обеспеченным существованием всякого богатого человека,

¹ Pyramide d'Ounas, 206.

только без примеси несчастий или случайностей, присущих человеческой доле. Художники изображают покойника сидящим за столом с жертвенными дарами; жена его сидит рядом и обнимает его; у ног его играют дети с собакой или обезьяной. Каждый человек изображался в самый счастливый момент своей жизни — двойник познает только избранные минуты. Крутом служители приносят съестные припасы, одежду, необходимую утварь; изготовление или происхождение каждого приношения дает тему для декоративной картины. Чтобы иллюстрировать приношение бычачьего бедра, изображают животных на пастбище, случку коровы, рождение теленка и сцены земледельческой жизни вплоть до жертвоприношения животного; приношение хлеба сопровождается сценами пашни, жатвы и хлебопечения; принесение вин дает случай показать виноградники и сбор винограда; приношение дичи, зверя или птицы изображается сценами охоты в пустыне, рыбной ловли на удочку или сетями (рис. 28). Каждый предмет погребальной утвари — ковчег, гроб, ложе, сосуды, одежда, оружие, драгоценные украшения, — все это влечет за собой описание способов производства: мы видим плотников, литейщиков, оружейных мастеров, ткачей, ювелиров за их работой.¹ И так вплоть до закупки провизии на рынке и хозяйственных счетов — все доставляет материал для картин. Душа и тело умершего непрерывно переживали сцены, изображенные на рельефах: изображенное действие становилось реальным, каждая фигура существа или предмета на время воссоединялась со своим двойником и оживлялась по желанию бога, обитающего в гробнице.

Этот идеал удовлетворял египтян в течение нескольких веков, потом он показался им скучным и недостаточным. Мы

¹ G. Maspero. *Etudes égyptiennes*, I, с. 80.

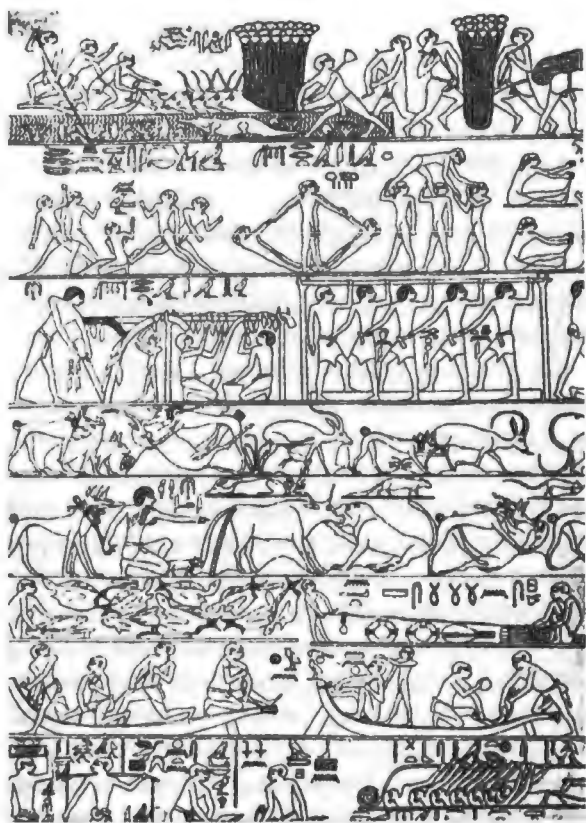

Рис. 28. Саккара. Барельеф в одном из погребальных покоев (Птаххотеп)

можем проследить это постепенное развитие мысли по пожеланиям на надгробных плитах, которые изменялись с каждым столетием. В начале IV династии «много приношений и прекрасная усыпальница на Западе» — вот чего испрашивают у богов, Анубиса и Осириса, покровителей кладбищ. Но по-

гребенную душу охватывала тоска о том, что вовне. Осирийский ритуал делал мертвого равным богу, боги же обитают на небе. Захотелось, чтобы благое погребение в пирамиде или мастабе дало душе вместе с нетленным убежищем исходную точку для путешествий в те надземные обитатели, которые зовутся раем. «Тексты пирамид» Саккара показывают нам это видоизменение уже достигшим предела. По каким этапам душа проходила по дороге от кладбища к небу? Изречения надгробных плит дают на это лишь неполный ответ.

Своим желанием «ходить по прекрасным путям закатного края, где ходят верные Осириса»¹, душа свидетельствует об утомлении могильным покоем. Пути закатные ведут в таинственные края, где прекрасная богиня Аменти (Закат), встречая двойника, подносит ему хлеб и воду: если он выпьет и съест, он становится другом богов и за ними дальше идет вослед.* Тогда умерший «прогуливается по прекрасным путям в сопровождении своих двойников; бог берет его за руку и ведет путями великими». Вот он у пределов неба. На востоке есть лестница; боги крепко держат его; душа поднимается по ней безопасно, а на самом верху ее встречают Хор и Сет и за руки втаскивают на небо.² Если нет лестницы, к его услугам является ладья и перевозит к небесным берегам, где благосклонный бог помогает причалить.³ Иногда душа в виде птицы улетаёт к небу,⁴ или Тот-ибис принимает ее на свое крыло и уносит в небо. При первом ее появлении боги оказывают ей радушный прием: «Откройте врата неба, — говорят они напереыв, — возьмите этого Осириса с собой, дабы он жил вечно»⁵.

¹ Фразы в кавычках заимствованы из плит V и VI династий.

² Pyramides d'Ounas, 493; de Pépi I, 191; de Pépi II, 974.

³ Pyramide de Pépi I, 650.

⁴ Pyramide d'Ounas, 571.

⁵ Pyramide de Pépi I, 196.

На небе обожествившемуся двойнику предоставляются разные уделы; каждый из них представляет понятие о рае, сначала местном, для того или другого города, а со временем все более и более обобщенное и сделавшее его доступным для всех египтян. Самым обычным уделом было пребывание душ в плодородных странах, которые позднейшие теологи помещали на пути следования солнца ночью. Там находились поля, озера, острова, деревни, увеселительные дома; железная стена с укрепленными воротами служила защитой. Это был край, похожий на *laeta arva* «Энеиды», «идеальный Египет с его Нилом, прудами, роскошной растительностью и, в особенности, с его урожаями»¹. Ее называли Сехет Иалу, «Поля Тростника», наподобие одной местности Дельты в стороне Пелусия, в архаическом царстве Буто. Неподалеку простирался другой рай, «Поля Приношений» (Сехет Хетеп). Там удел был еще приятнее. В Полях Иалу душе приходилось возделывать свой сад; в Полях Приношений она находила готовый стол благодаря двойникам земных приношений, которые тоже направлялись к небесным путям, если им облегчали их освобождение, разбивая эти приношения или сжигая их. Приношения достигали Сехет Хетеп или вместе с умершим, или в ладье, в которой солнце плывет вокруг света. Плавать в солнечной ладье, обходить вместе с Ра ночное и дневное небо, правя веслами и парусами, быть в числе гребцов, собранных звездными богами — вот удел самый завидный, самый славный, самый невещественный. Душа, получившая туда доступ, радостно покидала землю и плавала в самом небе, как дух «Лучезарный» (Ах) среди созвездий, обходящих северный полюс, тех, что звали «Негибнущими» (Ахему-санху), ибо они

¹ См. Lefébure, «Le paradis égyptien» в «Sphinx», III, с. 195, где находятся «Тексты пирамид», относящиеся к этим раям.

никогда не исчезали с видимого неба. Египтяне наблюдали их, чтобы определять час, особенно Большую Медведицу; говорили о душе, что «она обитает в стране часов (Ounit), что она управляет ночью и ведет часы», распоряжаясь таким образом пространством и временем.¹

С течением веков эти представления дали египтянам материал для метафизических утонченностей, и они добросовестно изложены в руководствах теологов, как, например, в «Книге Мертвых» и в «Книге о том, что есть в Гадесе (Дуате. — *Прим. ред.*)». * Во времена пирамид они неполны и скорее чисто вещественны. Выбор наиболее желанного из этих раев не сделан: душе предоставлялось испробовать их по очереди. Таким образом, можно было желать умершему ран последовательные и одновременные. «Этому Осирису возвращено его сердце, и, когда он отправляется на небо, Анубис выходит к нему навстречу, Геб протягивает ему руку. Ты восходишь, окурываешь себя ладаном в озере Гадеса, очищаешься своими приношениями на Полях Иалу; ты плаваешь по небу и совершаешь ежедневный привал на Полях Приношений, окруженный богами. Сядь на железный престол твой, ибо вручена тебе твоя белая палица и бич; ты отдаешь приказы богам... потом продолжаешь свой путь, плывешь по своему озеру, подобный Ра у небесных прибрежий. Восстань и гряди, Лучезарный!»²

В течение нескольких веков душа человеческая перешла от убогой ямы, вырытой в песках пустыни, к звездным полям небесным. «Небу душа, земле тело», — такова формула загробной жизни во времена пирамид. Но душа, восхищенная к небесным утехам, сохраняет способность нисходить на землю, в свою могилу, благоприятствующую земным радостям.

¹ Pyramide d'Ounas, I, 643. Cp. Lefébure, «Le pays des heures» в «Sphynx», IV, с. 8.

² Pyramide de Pépi II, 1145 след.

Под видом птицы она возвращается к могиле, садится на дерева своих владений, опускается в засыпанный колодец, ведущий к гробу: положив обе руки на сердце мумии, она созерцает то, что было ее земной оболочкой в те времена, когда ей неведома была горняя обитель и небесная жизнь богов.¹

* * *

Мы видели, что обожествившемуся мертвому оказывается на небе братский прием: боги протягивают руку приходящему к ним человеку, более того, последний садится на престол, берет скипетр и булаву и предписывает богам свою волю. Допущенный как брат, он водворяется господином. Это один из самых характерных пунктов религиозных представлений в эпоху пирамид — человек не заслуживает небо, он проникает туда хитростью и удерживается там силой.

Что дает человеку это могущество, равное или превосходящее могущество небесных существ? Это обладание источниками магии. Мемфисский Египет находится еще в той стадии, когда человек не признает основного различия в самой природе между собою и высшими существами, которыми он населяет небо. На этом, как и на том свете, всякий обладает телом, душой, двойником, подверженным одним и тем же влияниям. Обитатели неба, несомненно, более длительной сущности; но и они становятся богами только преодолев испытание смерти: они познали вечную жизнь лишь с тех пор, как Осирис открыл им ее тайну. Человек, пользующийся благодеяниями осирийского ритуала, считает себя равным высшим существам, которые избегают уничтожения только в силу тех же самых обрядов: «Тексты пирамид» неустанно повторяют, что умерший живет и действует как бог.

¹ По виньеткам погребальных папирусов.

В таком случае, к чему же молиться богам? Тексты Древнего царства и не содержат молитв; человек не умоляет богов, он испрашивает у них содействия, их дружеской помощи; став Осирисом, он считает себя их единокровным и желает быть принятым как брат. А если боги враждебны, у него есть средства сломить их противодействие. Магия открывает ему тайные соотношения между существами и предметами; законы, которые она извлекает из этого, непреложны на небе, как и на земле, ибо люди и боги одинаковой природы и подчинены тем же неизбежностям. А Осирис, которому уподобляется человек, обязан своим воскресением магии; с тех пор как вновь ему отверзли уста и глаза, он владеет творческой властью Слова и притягательной силой глаз. Подобно демиургам, которые сотворили вселенную, созерцая существа и предметы и называя их по имени, он звуком своего голоса порождает все, чего пожелает, и уничтожает все, что ненавидит. Так и мертвый, являясь на небо, может заявить всякому, что сила его равна и даже превосходит могущество любого бога. Из предосторожности священнослужитель в день похорон читает заклинания, которыми умерший обращается к обитателям неба и замышляет осилить их страшными угрозами:

«Небо тает, превращается в воду, звезды сражаются, стрелы совершают свой дозор, кости Акер (созвездия) содрогаются при виде Униса, поедающего людей и питающегося богами... Духи связали богов для Униса, они их связали, они пронзили их грудь, выпотрошили внутренности и сварили их в пылающих котлах. Унис пожирает их волшебства и поедает их духов, и великие среди них суть утренняя трапеза Униса, средние среди них жаркое, малые среди них суть вечерняя трапеза Униса, старики и старухи их идут в горнила... Ибо Унис есть могущественнейший из могущественных; все,

что попадает на пути его, он жадно поедает... он поглотил мудрость любого бога»¹. *

Какому богу устоять перед этим «людоедом-нстребителем»? Такая несокрушимая сила живет в каждом, для кого был совершен по всем правилам ритуал Осириса; он знает ее в себе и демонстрирует ее в своих эпитафиях: «Я есмь Лучезарный, посвященный и хорошо вооруженный, я маг, знающий (власть) своих уст!»² Приближаясь к величайшему богу Ра, умерший восклицает: «Когда Пиопи взошел на небо, он встретился с Ра лицом к лицу... и Ра знает, что Пиопи больше его, ибо Пиопи Лучезарнейший из Лучезарных, Посвященнейший из Посвященных»³.

Понятно, что богам приходилось быть начеку и что они беспощадно отвергали и даже посылали на плаху⁴ тех, которые являлись на небо не вооруженными магической силой. Горе тому, у кого нет в распоряжении устрашающих изречений: «Когда человека погребают с его тысячами хлебов и тысячами сосудов с пивом на столе Хентаментиу, горе той плоти, у которой нет писаний... Писание Униса опечатано большой печатью; истинно, не за малой печатью писание его»⁵. И наоборот, «тот, кто знает эту главу Ра и произносит эти волшебные изречения Хора, того знает Ра, тот друг Хора»⁶. Человек не обманывает себя иллюзиями. Он знает, что доступом на небо он не обязан ни заслугам своим, ни благоволению богов: «О Пиопи, если душа твоя находится среди Лучезарных, это потому, что устрашения твои действуют на сердце их... Это

¹ Pyramide d'Ounas, 496 след.

² Inscription d'Hirkouf, VI dynastie (Elephantine).

³ Pyramide de Pépi I, 91.

⁴ Pyramide de Téti, 234.

⁵ Pyramide d'Ounas, 582.

⁶ Pyramide de Pépi II, 658.

(власть) книги твоей на сердцах их»¹. Зато все уловки против богов хороши. В начале VI династии ко двору привели карлика, плясуна из племени данга, жившего в области верхнего Нила. Этот карлик пользовался таким успехом у фараонов, что небесные боги, должно быть, не меньше сгорали от любопытства увидеть его и готовили ему благосклонный прием. И царь Пиопи I не задумался обмануть доверчивость духов, переправляющих душу его через небесное озеро: «Дайте мне пропуск, — говорит он, — я Данга, пляшущий перед богом и веселящий сердце Осириса!» Благодаря уловке душа царя была пропущена немедленно!²

Этот рай, куда проникают силой и хитростью, с течением веков превращается, однако, в убежище правды и справедливости, куда душа допускается только пройдя пресловутое Судилище перед лицом Осириса. Не подлежит сомнению, что это превращение началось со времени пирамид. В тех же самых текстах, где так грубо торжествует сила магии, зарождается мысль, что человек должен ее заслужить. Душа человеческая всегда была сложной и раздробленной в своих стремлениях. В то же самое время, когда Осирис научает людей непобедимой силе магических обрядов, он открывает им понятие о нравственности; он не только случайно избег смерти, он становится «богом, который любит справедливость».

Вначале роль Осириса как судьи была по характеру чисто практическая. Люди, дорогой ценой обеспечивавшие постоянные жертвоприношения своему двойнику, принимали меры, чтобы оградить себя от возможных грабителей, призывая их на суд осирийских жрецов, покровителей кладбищ. «Если какой-нибудь человек пойдет в эту гробницу для злого деяния,

¹ Pyramide de Pépi I, 20.

² Maspero. Etudes de Mythologie, II, с. 429 (Pyramide de Pepi I, 400; de Mimir, 570).

чтобы ограбить ее, как хищная птица, он будет судим за это великим богом, владыкой неба, в месте, где воздают правосудие.» Заранее покойный оправдывал себя от всякого обвинения, составляя самому себе панегирик как свидетельство своей нравственности.

«Я, — говорил он, — возлюбленный моего отца, любимец моей матери, преданный братьям и слугам моим; я дал хлеб голодному, одежду нагому, я был кормильцем сироте, мужем вдове, костылем старику, я хоронил того, у кого не было сына. Никогда не был я предметом жалоб ни для одного человека»¹. Эти изречения представляют действительный интерес с точки зрения нравственности, но здесь они выступают как предварительная защитительная речь перед судом, который от мира сего. Оправдание получает более общий характер и значение более возвышенное, когда доходят до следующих выражений: «Я ежедневно говорил правду, которую любит бог»². Постепенное развитие этого представления сводится к тому, что Осирис отдает предпочтение человеку праведному; отныне мертвый больше уподобляется Осирису и легче получит доступ к вечной жизни, если он действительно жил согласно правде.

Чтобы убедиться в праведности человека, необходимо расследование. Отсюда первое понятие о суде мертвых, совершаемом богами осирийской семьи, что составляет условие доступа в рай. Эрман и Лефебр³ указали на глубокий интерес, связанный с некоторыми, очень краткими текстами пирамид, где мысль суда скорее намечена, чем развита: «и Унис обладает творческим голосом сообразно тому, что он делал.»⁴ Тефен и Тфенуит расспрашивают его; Маат (Правда) заслу-

¹ Тексты IV и V династий.

² Lepsius, Denkmäler, II, 81.

³ Aegyptische Zeitschrift, 1893, с. 75.

⁴ Sphinx, VIII, с. 34.

пшавает, Шу — свидетель. Маат постановляет, что он может ходить по земле и переноситься куда угодно... Итак, Унис выходит оттуда живой душой. Справедливость, вот что несет он с собой»¹. Так волшебная сила творческого Слова зависит у Униса от качества его поступков. Конечно, нужно вспомнить, что одно магическое изречение, сказанное кстати, изменит колебание весов в пользу совести мертвого, если она слишком много весит, чтобы допустить его к новой жизни. Но не менее истинно и то, что понятие о Правде начинает подвигаться вперед с этого времени: в Фиванскую эпоху мы встречаем в литургических книгах следующие, истинно библейские слова по поводу людей, призванных к жизни в раю: «Те, кто жили праведно на земле, призваны обитать в Радости мира, во дворце, где живут Справедливостью».

Нужно ли удивляться этим противоречивым понятиям о морали и магии, о воле и совести у первых людей, приступивших к религиозным проблемам? Тысячи лет спустя те же вопросы все еще разделяют умы; подобные противоречия скорее сближают, чем отдаляют нас от пирамид.

В IV тысячелетии до н.э. Египет уже достиг полного разрешения этих общих представлений о смысле жизни, о цели мироздания и человека. Можно распространить на Египет заключение, внушенное Фюстель де Куланжу изучением первобытных цивилизаций у индоевропейских народов: «Может быть, при виде смерти впервые зародилась в человеке мысль о сверхъестественном и ему захотелось надеяться за пределами того, что он видел. Смерть была первой тайной; она поставила человека на путь к другим тайнам. Она понесла его мысль от видимого к невидимому, от проходящего к вечному, от человеческого к божественному»².

¹ Pyramide d'Ounas, 453.

² La cite antique, гл. II.

Хеопсы и Пиопи сумели дать представлениям своих современников форму во времени и пространстве сооружением пирамид, этих твердынь, которые всей своею тяжестью ограждают тела и мощным порывом устремляются в небо. Предание, составленное Геродотом, делает из них тиранов, угнетающих свои народы, чтобы воздвигнуть ненужные могилы, памятники гордыни и себялюбия. Это предание лишено исторического смысла. Для своих современников фараоны эти были благодетелями, осуществившими великие замыслы и доставившими целому народу завоевание рая. Они могли в течение веков доводить до благополучного конца эти безмерные сооружения, лишь пользуясь всеобщим одушевлением, подобным тому, которое менее чем девять веков тому назад привело к сооружению наших соборов. Есть у Сюлли Прюдома превосходные стихи о рабочем, который умирает при постройке пирамиды и чей голос тщетно взывает:

«Il monte, il va, cherchant les dieux et la justice...»¹

Это не жалоба жертвы, это вопль всего первобытного человечества, вопль надежды, страха, воли, приветствующий путь, открытый в небо острым треугольником пирамид.*

¹ Он вверх идет, ища богов и правосудья.

V. «Книга мертвых»

о времена пирамид* (4000 лет до н.э.) фараоны Мемфиса обладали уже целой философией запредельности; но доступ к бессмертию делили с ними одни члены их семьи или их близкие; нужно было быть «другом царя», чтобы пользоваться могилой, освященной обрядами, которые обеспечивали будущую жизнь. Несколько веков спустя учение об искуплении выходит из тесного круга двора и распространяется на весь египетский народ: погребальные тексты, исключительное пользование которыми удерживали за собой цари VI династии (3000 лет до н.э.), распространяются повсюду, переписываются на могилах и гробницах частных лиц.

Предчувствуемое завоевание рая вселило в души новую тревогу; честь уподобления богу жизни и смерти Осирису, по примеру которого достигалась божественная жизнь, была опасна. Осирийский мертвый принимал славу и опасности существа благого: он становился мишенью для нападений всех врагов Осириса и козней злого. Чтобы защитить его от них, нужно покрыть его тело броней и снабдить душу его магическим оружием: отсюда эти тысячи трупов, превращенных в мумии, и эти несчетные собрания папирусов, называемые «Книгой Мертвых», которая складывалась в египетских кладбищах.

Опущенный в погребальный склеп труп египтянина мог считаться в безопасности: он был защищен глухой дверью,

засыпанными колодцами, спущенными заслонками. Между тем, в глубине своего «дворца двойника» душа тревожно бодрствовала. Оградить тело от разложения было задачей сравнительно легкой, с ней как нельзя лучше справлялись бальзамировщики, которых Геродот (II, 86) показывает нам за их работой:

«Сначала они извлекают мозг через ноздри частью железным крючком, частью промывая благовонными веществами, которые вводят в голову. Потом острым камнем из Эфиопии они взрезают живот, через это отверстие вынимают внутренности, очищают их и промывают пальмовым вином; потом снова промывают ароматическими веществами, после чего наполняют живот миррой, гвоздикой и другими благовониями и зашивают его. Покончив с этим, они солят тело и погружают его в натрон, оставляя там в продолжении семидесяти дней. По истечении срока они обмывают тело и обвивают его целиком полосками холста».

Исследование мумий показывает, что повязки составляли настоящую предохранительную броню. Тела намазывали священным елеем, пустоты живота и груди заполняли не только ароматическими веществами, но еще статуэтками и амулетами. Восковая дощечка с начертанием символического ока покрывала рану на животе. Золотили лицо и пальцы, чтобы в тело проникло свойство неразрушимых металлов. На грудь клали сердце, обозначавшее место души; скарабей, ястреб, змея защищали туловище и чело; и всюду были разбросаны статуэтки, бодрствующие, сторожевые. Сверху толстые свертки полотна сглаживали очертания, плотная или свободная сеть повязок обвивала голову, туловище и ноги. Длинный саван, сдерживаемый полотняной полоской, окутывал лоб и скреплялся на груди, где красовалось изображение Осириса, которому поклонялся умерший. Все это снаряжение не могло

иметь своего предохранительного значения без содействия жрецов и произнесения формул. «Ритуал бальзамирования» знакомит нас с названиями, применением, предохранительными свойствами каждой повязки и каждой статуэтки. На самом деле это не полотно, не статуэтки, не благовония: это боги живые, Исида, Нефтида, Хор, Тот, — они под видом елеч, повязок, амулетов окружают своими руками мумию и защищают ее своими телами и всей своей сверхъестественной силой.

Орудием защиты этого трупа, населенного богами, были формулы, вырезанные на стенах или на стенках саркофага,* строки располагались таким образом, чтобы глаза мумии могли свободно их читать. Во время нового фиванского царства (около 1500 г. до н.э.)* гробы, точно прилаженные к очертаниям мумии, приняли «человекоподобную» форму, и не хватало места для декоративных начертаний строф; тогда стали класть в картонную трубку сверток папируса, заключающий более или менее полную редакцию необходимых текстов. Постепенная замена могилы гробницей, потом гробницы папирусом сделала доступными всем слоям населения благодеяния искупительных изречений: эту «Книгу Мертвых» мы тысячами находим на мумиях.

С течением тысячелетий, разделяющих фиванские гробницы от птолемеевых папирусов, содержание выпусков изменялось, как и их внешнее расположение. Первый сборник пирамид включает в себе 453 главы; из них только некоторые переписаны в Фиванскую эпоху; из новых же текстов, доставленных гробницами, многие пользовались лишь мимолетной распространенностью, и в папирусах мы их уже не встречаем. Ко времени Псамметихов (600 г. до н.э.)* египтяне поняли необходимость привести этот священный материал в порядок; было выбрано 65 глав и размещено в порядке произ-

вольном, но которого с тех пор держались переписчики. Лучший экземпляр этих списков — папирус в 20 м длины, хранящийся в Туринском музее и изданный Лепсиусом. Главы следуют по вертикальным столбцам, с заглавными буквами, тщательно отмеченными красными чернилами, ряд заставок, нарисованных легкими штрихами, служит цифрами столбцов и поясняет текст изречений.

Такая книга необходима была каждому мертвому, заботящемуся о достижении будущей жизни; поэтому погребальных дел мастера всегда держали у себя наготове ее экземпляры, полные или сокращенные, с заставками или без них: для имени обладателя ее, которое нужно будет упоминать с каждой новой главой, оставлено пустое место; оно вписывалось после покупки. Большая часть этих общераспространенных изданий весьма небрежно составлена: неправильно прочитанные или списанные слова, пропуски целых фраз или повторения по невниманию, ошибки, свидетельствующие о полном непонимании переписчиком древнейших изречений. Действительно, священные египетские книги изобилуют намеками на мифические события, неизвестными названиями или рисунками, значение которых требует пояснений. Теологи фиванской эпохи были в не меньшем затруднении перед этими загадками, чем мы; они писали толкования часто разноречивые, а переписчики помещали их все без разбора. Зато благодаря этому обстоятельству мы имеем возможность проследить толкования текста очень древнего и уже искаженного.

Пирамиды научают обрядам, спасающим человека от смерти и дающим ему жизнь в могиле и на небе; но они умалчивают о средствах обрести верный путь к раю, избежать вражеских козней, преодолеть испытания последнего суда. Эти практические советы и мудрые наставления находились в главах «Книги». Человеку, при жизни знакомому с этими фор-

мулами, нечего было бояться после смерти. «Тот, кто прочитает эту главу, очистив себя в натронной воде, выйдет после погребения на свет, он пройдет через все превращения, какие подскажет ему сердце, он пройдет воистину через огонь» (гл. XX). Достаточно было также положить спасительный текст на мумию: «Глава, которую должно написать клеевыми чернилами и краской на свертке царского папируса и положить на шею мумии в день погребения. С этим талисманом на шее умерший очутился среди богов... Он станет богом навеки» (гл. CI). Чаще всего речь идет от лица мертвого: он как бы читает формулы и сам сражает своих врагов; но достаточно, чтобы в день его похорон жрец прочитал эту книгу, и мумии не угрожает никакая опасность. И наоборот, горе погребенному без «Книги»: «Тот, кто не знает этой главы, не может предстать перед ликом Дня» (гл. LXXXVI).

* * *

«Книгу Мертвых» можно подразделить на четыре части. Последняя есть смесь всевозможных рецептов магии; три первые провожают покойника от земли до неба по различным путям и с помощью различных поучений. Чтобы исправить несвязность, неизбежную для таких компиляций, в заголовке каждого отдела помещали синтетические главы I, XVII и LXIV, где символически излагаются судьбы души и дается как бы схема «Книги».

Первая часть. Заставки над главами от I до XVI рисуют погребение. Жрецы и плакальщицы суетятся около гроба; шествие с мумией, готовое переправиться через Нил, размещается в лодке вперемишку с жертвенными животными и приношениями. У могилы люди ставят мумию стоймя на кучу песка и рассекают быка; жрец в маске собачьей головы, играю-

щий роль Анубиса, отверзает уста умершему по ритуалу, делающему его богом живым; а по другую сторону гроба умерший воскресает и освобождается от повязок: он преклоняет колена перед Ра и садится в небесную ладью.

Действительно, заглавие первой главы указывает на то, что ее читают в день погребения. Чтобы добиться благосклонного приема Осириса, мертвый без всякого зазрения совести заявляет, что он Тот, Хор или один из тех, кто сражался за бога в день, когда вырвали по частям тело его у тифоновых чудовищ. Покойный называет себя жрецом разных храмов: он прошел все степени посвящения, его чистота, его святость очевидна, «не найдется греха его на весах» в день суда, ему откроются врата рая и будет накрыт для него стол богов. Здесь, как и в «Текстах пирамид», явно выставляется стремление обмануть богов того света путем наглых заявлений. Следующие главы даруют мертвому жизнь после смерти и свободу проходить землю, область кладбищ (Аменти), восходить на небо; не остановят его ни враги, ни змей Апоп, чье коварство заклинали над восковой фигуркой и кого победоносная душа попирала ногами. В заключение душа запекает гимн Ра: «Я достиг страны вечности... я прохожу по небосклону, я преклоняю колена посреди звезд... Почет тебе, отец богов, да будет благосклонен ко мне лучезарный лик твой!»

Мы у ворот мира запредельного. Глава XVII, важнейшая из всего сборника, служит введением ко второй части. Заставка показывает мертвого в обществе великих богов; текст имеет целью ни больше ни меньше как «воскресить тени усопших». Как и в I главе, слово дается покойному. Он объявляет себя Творцом Вселенной во всем ее многообразии, он открывает нам происхождение мира и судьбы людей, приводящие их от земли к небу, если в день последнего Суда они доставят торжество правде и добру. Изложение каждой фразы этой

главы краткое и точное. На нескольких гробницах XI династии изречения эти повторяются без дальнейшего развития; но в те отдаленные времена точный смысл слова превосходил понимание простолюдина; теологи снабдили формулы пояснениями в форме вопросов и ответов, приложенных к каждому члену предложения. Будучи темным, само толкование требовало иногда второго и даже третьего пояснения; вот с такими-то научными сооружениями тройного толкования дошел до нас Саисский список XVII главы.

Посвященный в тайны, мертвый собирает все свои силы для будущих борений и великого испытания Суда. Он умоляет Тота даровать ему магический голос, который звучал бы правильно, говорил правду, уничтожал заблуждение. Эта сила будет дарована ему, если возложить ему на голову «венеч творческого голоса». Вместе с тем, боги отверзают ему уста священными орудиями, которые разомкнули уста и очи Осириса; последовательно получает он в дар магические чары, сознание, волю, сердце. И тотчас же возникает борьба с животными Тифона — крокодилами, змеями, черепахами, красными ослами, стремящимися поглотить талисманы мертвого, дабы обезоружить его и уничтожить; но он потрясает копьем и ударяет им крокодилов, которые с трепетом уклоняются; он пригвождает к земле черепах и змей и преследует гадов вплоть до спины осла, куда они спрятались. Один из приемов борьбы с этими чудовищами — это обмануть их: обращаясь к крокодилу, умерший кричит ему: «Стой, крокодил! То, что ты ненавидишь, у меня в животе: я съел шею Осириса, я Сет!» В другом случае приходится утверждать обратное: «Я Ра, я Осирис», и заявить, что каждая часть его тела есть бог живой, который сумеет постоять за себя: «Нет ни одного члена тела, который бы не был богом... его нельзя схватить за локоть, удержать за руку; ни люди, ни боги, ни тени, ни мертвые —

никто не может произвести над ним насилия» (гл. XLII). Он также удачно спасается от тех, кто хочет обезглавить его или отравить нечистотами: «Нечистот не вкушаю я; нечистоты — скверны, я не ем их; я живу хлебом и пивом!» (гл. LII).

Но вот конец испытаниям: появляется Атум, несущий в руке надутый парус — символ дыхания жизни; Нут, прекрасная богиня сикомор, выступает из дерева, протягивая ему воду и хлеб: «О, сикомора Нут, — восклицает мертвый, — дай мне воды, которая заключается в тебе», и, получив напиток: «Я отверзаю врата небес, я перешел врата земли!»

Глава LXIV в начале третьей части обещала дать «в одной главе обряды предстания перед ликом Дня»; эта попытка синтеза, вероятно, позднейшего происхождения. Туманно и без пояснительных комментариев в ней высказаны общие истины, уже изложенные в XVII главе: происхождение Вселенной, назначение человека. «Протяните мне руку, — восклицает умерший, — о, боги, исшедшие из уст моих; я поднимаюсь обновленный, я возношусь к небу, парю каждый день над землей... я вступил в святилище и выхожу из него Лучезарным, я созерцаю формы людей вовеки. Тот, кто знает эту главу, владеет творческим голосом на земле и в другом мире; он принимает образы всех живущих... Эта глава найдена в Гермополе на плите из алебаstra и железа, написанной ляпис-лазурью, у ног бога (Тота) во времена царя Менкаура царским принцем Джедефхором, который путешествовал, чтобы сделать подсчет в храмах; там был написан гимн, который привел принца в восторг. Он снес его царю, исполненный изумления, едва лишь познал эту великую тайну...»

То, что открыл людям Тот при посредстве одного святого, впавшего в экстаз, это была возможность «предстать перед ликом Дня», т. е. пережить после смерти все формы жизни. Ворота неба и земли открыты для мертвого; вот он с

золотой тростью в руке идет среди богов и людей. Ряд очень старинных глав (LXXVI–LXXXVIII) дает нам названия целого цикла популярных божеств, чьи формы принимал умерший; это сокол, феникс, цапля, ласточка, гусь, змея, крокодил среди животных, а также и лотос. Ожить в одном из этих образов значило уподобиться местным богам, преемникам тотемических животных первобытного Египта; здесь мы, может быть, сталкиваемся с очень древним представлением, значительно предшествовавшим осирийским и солнечным учениям.¹ Будущая жизнь есть еще лишь метемпсихоз, переселение души в существа и предметы. Но книга спешит вернуть нас к более современным богам.

Обращаясь к богам Гелиополя и Абидоса, мертвый не представляет себе больше будущей жизни в виде переселения в божественные формы: он возвращается к человеческому идеалу рая, среди плодородных нив Елисейских полей. Тот и Анубис помогают ему не сбиться с дороги. Вот он на берегу адской реки; он находит там лодку, готовую к переправе, но сидящий у реки Харон* и сама ладья подвергают его допросу; мертвый должен назвать бога и каждую из частей судна по имени, своими ответами он доказывает, что ему известны необходимые для его спасения изречения. «О, страж таинственной ладьи, я спешу, я пришел увидеть отца моего, Осириса». — «Назови меня по имени», — говорит остов ладьи. «Потемки имя твоё». — «Назови меня по имени», — говорит мачта. «Тот, который ведет великую богиню по пути её, имя твоё». — «Назови меня по имени», — говорит парус. «Нут (небо) имя твоё...» «...Кто знает эту главу, вступает в Елисейские поля, получает там хлеб, напитки, вкушает там ячмень и пшеницу семи лок-

¹ Cp. Wiedeman. Quelques remarques sur le culte des animaux en Égypte, прим. Museon, 1905, с. 123.

тей высоты, которую собирают слуги Хора... и покидает Египетские поля во всех образах, какие пожелает» (гл. ХСІХ).

После воззвания к Духам Востока и Заката умерший вступал в рай; заставки изображают его плодородными нивами, невозделанными или покрытыми богатой жатвой; по ним извивается река; солнце и вода там повсюду, они неиссякаемо оплодотворяют землю (гл. СХ). «Там не водится ни гадов, ни вредных рыб и ничего нечистого. Избранники садятся на мягкую траву на берегу реки, под вечнозеленой сенью больших деревьев, и вдыхают свежее дуновение севера. Они ловят удочкой рыбу среди лотосов, садятся в лодку, и их тянут бечевой их слуги, или же иногда сами они удостоиваются взяться за широкое весло и медленно катаются по каналам; они охотятся в зарослях на птицу или удаляются в расписные шатры читать сказки, играть в шашки, навещать своих жен, вечно юных, вечно прекрасных.»¹

По древнейшим представлениям, мертвый прерывал свой досуг некоторыми работами: он держал ручки плуга, запряженного парой волов, косил хлеб, вырывал пучками лен. Одно изречение «Книги» освобождало его и от этих легких трудов: оно произносилось над одной из тех статуэток, деревянных или из глазированной глины, какие мы тысячами встречаем на кладбищах. Они изображают стоящего человека, окутанного саваном мумии, с поднятыми до груди руками; в них он держит, как солдат, делающий на караул, мотыгу, лопату и мешок с зерном для полевых работ. Это были изображения слуг, которых всякий, даже самый бедный, мог призвать на тот свет; их называли «ответствующими» (*yuebtu*), ибо они отзывались на каждый приказ умершего: «О ты, ответствующий; если призовут тебя от имени Осириса N. исполнять все

¹ Maspero, Histoire, I, с. 194, по виньеткам «Книги Мертвых».

работы, какие потребуются в другом мире, — воздвигать поля, наполнять каналы водой, переносить песок с Востока на Запад, (ответствуй): „Я здесь! Я здесь!“» (гл. VI).

Некогда, во времена Мемфисской цивилизации, доступ к раям и материальным благам был открыт для всякого, доброго или злого, кто знает формулы. Моральное понимание судьбы в загробном мире находит почти полное развитие в следующих главах. Мертвый направляется к Абидосу; он стучится в ворота Царства Правосудия и перед лицом «присяжных Осириса» должен исповедать чистоту своей совести. «Я прихожу как совершенная тень, дабы взошло Правосудие к тому, кто его любит» (гл. CXXIV). Он вступает тогда «в чертог двойного Правосудия, где человек расстается со своими грехами, чтобы заслужить лицезрение богов».

Таков заголовок знаменитой CXXV главы, важнейшей из всей «Книги», наряду с главой XVII, где смотря по заслугам судьба ведет людей к раю или к аду. Мертвый целует землю у порога чертога Суда. Там, под ковчегом, увенчанным фризом из свернувшихся змеев, заседает Существо Благое, Осирис, искупитель и судия, ожидая сына своего, «приходящего с земли». На середине стоят большие весы; около них Маат, владычица Правды и Правосудия, готова взвешивать сердце умершего. Неподалеку ужасающее животное, Амаат, Пожирательница, полукрокодил, полутипопотам, обращает свою пасть к Осирису, как бы испрашивая позволения растерзать прибывшего. Кругом, по восточному обычаю на корточках, сидят 42 божества в саванах; это суд, состоящий из выборных 42 провинций Египта. Умерший подает смиренное прошение: он только что оправдал себя в 42 канонических грехах; каждому из 42 судей подлежит один из грехов и соответствующее наказание. «Привет вам, владыки Правосудия, привет тебе, бог великий, владыка Правды и Правосудия. Я пришел к тебе,

мой повелитель, я призван созерцать красоты твои! Ибо я знаю тебя, я знаю имя твое, я знаю имена 42 божеств, находящихся с тобой в чертоге двойной Правды, питающихся останками грешников, насыщающихся кровью их в тот день, когда они дают отчет Существованию Благому. Я несу вам Правду, и для вас уничтожил я грехи.»

Следует перечень этих грехов, совершение которых мертвый отрицает; эта Исповедь Отрицания является для нас моральным кодексом. Мертвый опять дает общий и безличный их перечень, а потом оправдывается перед каждым из судей:

«Я не сотворил зла; я не совершал насилия; я не украл; я не повелел предательски убить человека; я не умалил приношений (богам); я не говорил неправды; я не заставил пролить слезы; я не был нечистым; я не убивал священных животных; я не портил возделанных полей; я не был клеветником; я не впадал в гнев; я не творил прелюбодеяния; я не отказывался услышать слова правды; я не изрекал проклятий ни царю, ни отцу своему; я не загрязнял воду; я не допускал дурного обращения хозяина с рабом; я не давал клятвы (напрасно); я не подделывал коромысла весов; я не отнимал молока ото рта младенцев; я не ловил птиц богов в сети; я не отверг воду в пору ее; я не перерезал оросительную канаву; я не загасил огня в час его; я не поносил бога в сердце своем. Я чист, я чист, я чист!»

Прошение услышано, ибо Тот и Анубис спросили весы, положив на одну чашу сердце мертвого, на другую изображение Правды; равновесие обеих чаш свидетельствует об искренности исповеди. Тот заносит на свои таблицы результаты взвешивания и говорит Осирису: «Умерший подвергнут взвешиванию на весах; нет в нем никакой вины; правда в сердце его, стрелка показывает равновесие, сомнения нет, все члены его совершенны». Осирис выносит приговор, который мы нахо-

Рис. 29. Суд над мертвыми (с папируса Мааткара). XXI династия.
Каирский музей

дим иногда на гробницах записанным на таблицах, как подлинный документ. «Да взойдет усопший победителем, дабы направиться, куда пожелает, в близость духов и богов. Он не будет отвергнут блюстителями ворот Края Закатного» (рис. 29).

О наказании не могло быть и речи для «того, кто обладал этой главой, написанной на плитке из чистого мергеля, взятого с поля, по которому ни разу не прошел плуг». А следующая глава приводит оправданного мертвого к огненному бассейну, который охраняют четыре павиана: «О вы, четыре обезьяны, что судите и бедного и богатого, что питаетесь правдой, уничтожьте во мне всякую скверну, уничтожьте грехи мои!» «Мы уничтожаем все твои скверны, мы уничтожаем все грехи твои», — отвечают стражи огня. Не есть ли этот огненный бассейн чистилище, преддверие обители праведных?

Выйдя победителем из испытания, мертвый становится равен богам Абидоса или Гелиополя; его голос раздается повсюду, ибо он исповедует Истину; «приказ отдает, чтобы мог он совершать все свои перевоплощения» (гл. CXXVIII), и он «переступает врата неба, земли, ада, подобно душе Ра». Выбирая свой удел по собственному желанию, он садится в солнечную ладью, где становится воплощенным Ра, «ибо двойник бога соединился с тем, кого он любит» (гл. CXXXIII); он может поселиться и в раю Осириса. Он должен узнать имена всех богов, его братьев (у одного Осириса около сотни имен, которые читаются в молитвословиях), и названия семи чертогов рая, четырнадцати ворот, четырнадцати обителей и их стражей. Кто знает имя вещей или существ, владеет их тайной и подчиняет их себе. Проникший в эти высшие тайны умерший познал все то, что должны ведать боги; он чувствует себя членом их семьи: «боги окружают его и любят его им, ибо он стал одним из них» (гл. CXLVIII).

Покончив с эти разбором, попытаемся глубже проникнуть в тайны, обучением которым похвалялись египетские жрецы и знание которых делало человека подобным богам. «Очи ваши отверзнутся, и будете вы как боги, познав добро и зло», — говорит змей Бытия.

«Книга Мертвых» не только, согласно обычному изречению, путеводитель странника в краях запредельных, руководство безупречного покойника; она хочет дать ключ к важнейшим загадкам мира богов и людей; она хочет удовлетворить «жаждущего религиозных верований, желающего познать свое происхождение, пекущегося о своей судьбе»¹! Откуда пришел человек, куда он идет — таков главный вопрос, на который «Книга» стремится ответить своими формулами; с этой точки зрения двумя полюсами сборника являются главы XVII и CXXV; одна — Бытие, другая — Евангелие священной Книги египтян. Разоблачать эти тайны было страшно; они передавались от отца к сыну как ритуал семейного культа, но с какими предосторожностями! «Не показывай этих глав ни одному человеку за исключением самого себя, твоего отца или твоего сына...»²; «Пусть не взглянет на это никто, кроме тебя...»³; «Это истинная тайна, которой не знает никто нигде...»⁴; «Эта книга есть величайшая из тайн. Не показывай ее никому. Ужасно показать ее...»⁵; «пусть никто не видит ее, кроме тебя и того, кто научил тебя ей»⁶.

¹ De Rouge. Etudes sur le Rituel funeraire, 1860.

² Гл. CXXXIII.

³ Гл. CXXXVI, CXLIV, CLXVIII.

⁴ Гл. CLXI.

⁵ Гл. CLXII.

⁶ Гл. CXLVIII.

Как произошла Вселенная? Этот вопрос рано приходит на ум детям и народам во младенчестве. «Эта Книга научит тебя познать то, что произошло в Начале» (гл. CXLVIII).

В начале мира не существовало ничего, кроме бездны первобытных вод, чье имя Нун. В те времена, говорят «Тексты пирамид», «не было еще ни неба, ни земли, ни людей, боги еще не родились, и не существовало смерти»¹. В воде плавал Дух первобытного бога Атума; он носил в себе животворящую силу существ и предметов. Атум от неподвижности перешел к действию, произнес слово: «Гряди ко мне»², — воскликнул он; и, раздвоившись, Атум создал Солнце Ра. Были ли Атум и Ра отец и сын? Вовсе нет; вдвоем они образуют единое лицо, «ибо бог есть атом неделимый, в самом себе несущий творческую силу собственного бытия»³. Итак, в начале времен раздалось творческое Слово, и был Свет. Относительно сущности учения среди богословов было полное единомыслие, но имя творца менялось, смотря по городам. Жрецы Абидоса приписывали «Гряди ко мне», вступление к мирозданию, Осирису; духовенство же Гелиополя приписывало эту честь Атуму. Что народу трудно было понять, это каким образом свет мог существовать в инертном состоянии в воде Нуна, причем вода не уташала огня. Затруднение разрешилось аллегориями. Ра в Нуне был соколом, закрывшим глаза; когда он открывает их, сверкает солнце; или же это дитя, спрятанное в лотосе; когда лотос всплывает, из него восходит солнце.

Атум-Ра привел тогда в порядок Хаос: из самого себя, «без содействия женщины», он извлек два элемента, воздух и огонь, в образе разнополой четы Шу и Тефнут. Вторая пара, Геб и Нут, олицетворяла землю и небо, распростертые друг над

¹ Pylamide de Pépi I, 663.

² В «Книге Мертвых» день творения назван Днем «Гряди ко мне».

³ Brugsch. Religion und Mythologie.

другом; воздух Шу, проскользнув между ними, разделил богиню Небо и ее супруга Землю. Жестокая разлука; и если небо окружает землю со всех сторон, это потому, что ноги и руки богини еще касаются земли. Шу продолжает поддерживать в воздухе звездное тело в положении, которое стало позой Атласа, поддерживающего небесный свод. И если на поверхности земли есть мучительные неровности, то это потому, что Геб продолжает бороться с Шу; он приподнимается на локте, сгибает колено, но камнеет в этом положении. От Неба и Земли родились две пары: Осирис и Исида (вода и оплодотворенная ею земля) и Сет и Нефтида (бесплодная почва пустыни). Вражда между плодородной землей и пустыней нашла себе выражение в мифе об Осирисе и Сете, ведущих между собой борьбу как добро и зло. Эти четыре первые пары, от которых произошли остальные боги, составили с Атумом «великую Девятку (Эннеаду), пребывающую в Гелиополе». Книга выразила это представление, говоря, что Атум-Ра преобразовал неподвижных в восемь богов, извлекиши из Хаоса восемь элементов, до этой минуты бездеятельных и смешанных.¹

И вот великая тайна, которая открывалась мертвому: человек сам божественной сущности; как и боги, он изошел из Ра. Во времена творения он вытек, подобно слезе, из глаз создателя, боги же изошли из уст его. Вместе с человеком все вещество возникло из божественного глаза, изошло от света. Не было ничего во Вселенной, пока творец не увидел предметов и не назвал их по имени. «О ты, впервые открывшийся себе самому, в те времена, когда не существовало ни одного бога, когда не было имени ни одному предмету... Когда отверз ты глаза твои и взглянул ими, стал свет для целого мира... бог, что порождает богов, людей и вещи! Все составляет часть

¹ Livre des Morts, гл. XVII, по толкованию Навиля.

божества: «Ты небо, земля, вода, воздух и их обитатели!» Мир — лишь форма божественного духа: «Ра, исходящий из Нуна, это душа-бог, творящий материю, т. е. свое тело».¹

Если Вселенная — лишь тень божественной души, то мертвый, которому открывается эта тайна, сознает свою истинную сущность. Частица божественного целого, одаренный душой и телом по образу создателя, он заключает в себе все сущее. Прошлое не таит и будущее не обещает ничего, что бы не заключалось уже в нем самом. Не холодный урок теологии читает посвященный в XVII главе «Книги» — он восторженно приподнимает завесу видимостей и получает откровение своей истинной природы:

«Я Атум, единственно существовавший в Нуне, я Ра, когда он восстает в Начале, дабы управлять всем тем, что он создал... Я бог великий, который творит самого себя, то есть Нун, отец богов. Что это значит? (толкование): это Ра, творящий свои члены, которые становятся богами свиты Ра.

Я есмь Вчера, и я ведаю Завтра. Что это значит? (толкование): Вчера — это Осирис (смерть), Завтра — это Ра (будущее).

Я великая птица Бену, обитающая в Гелиополе; я итог бытия и существ. Что это значит? (толкование): Бену — это Осирис в Гелиополе. Итог бытия и существ — это тело его; другими словами, это всегда и никогда; всегда — это день, никогда — это ночь».

В какой мере египтянин из народа понимал эти символы? Мы допускаем, что один только посвященный способен был усвоить пантеистическое объяснение Вселенной, божественную самотворящую материю, где все божественное во всем; непосвященный же, по меньшей мере, знал, что человек происходит от богов и что это божественное происхождение определяло его судьбу.

¹ Livre des Morts, гл. XVII, papyrus de Soutimes.

Жить на земле и умереть, чтобы вновь стать богом, — таков был истинный удел всех существ, исшедших из создателя. Этот удел полон таких страданий, что простой народ не мог понять, почему потомки Атума прихотью своего отца были обречены на это горестное испытание земной жизни. Жрецы, внимающие божественным откровениям, научили людей, что земля в свои первые дни, «во времена бога Ра», была раем полного блаженства. Человек, по-египетски *тем*, был создан по подобию Атума, который всегда изображался в образе человека; следовательно, Атум, которого называют также Тум, прежде всего человек, что любопытно сближает его с библейским Адамом, имя которого значит «первый человек», как и «человек» вообще.¹ Каким образом живой образ Творца был обречен на существование, полное стольких испытаний? Мы знаем, как объясняет это восточная мудрость. Человек, ослепленный свободой и жаждущий познания, восстал на своего отца по наущению змея и женщины.

Нельзя отрицать, что в Египте существует то же предание, в тех же общих чертах. Лефевр, которому мы обязаны прекрасными работами по вопросам о первоосновах, усматривает нечто подобное истории Адама в земном раю в одной сцене адского мира, изображенной на гробнице Рамсеса VI (около 1200 г. до н.э.)^{*}, и на одном саисском саркофаге Лувра. «Лицо мужского пола стоит около змея с двумя ногами и руками, который протягивает ему красный плод или, по крайней мере, маленький круглый предмет красного цвета.»² Древо жизни и познания известно в Египте; одна из самых старых

¹ Lefebvre. Le Cham et l'Adam égyptiens, Proceedings of Society of Biblical archeology, 1893.

² Фигуры были воспроизведены Ланцони в его «Dizionario di Mitologia Egizia», табл. CLXXII.

глав «Книги», «Глава, которой мертвому дается божественное познание», приглашает умершего спуститься в образе птицы на прекрасную сикомору с плодами жизни: «кто находится под ней, становится богом». Несмотря на эти сближения, от нас ускользает связь между этими фактами и восстанием людей на Творца, восстанием, для египтян неоспоримым. До нас дошел один рассказ об этом в гробницах фиванских царей (1500–1200 гг. до н.э.). Это было в конце времен, когда царствовал Ра; бог сзывает на совет своих первенцев, Шу и Тефнут, Геба и Нут, и говорит им: «Вот люди, рожденные от меня самого, произносят слова против меня. Скажите мне, что сделаете вы за это. Я ждал и не убивал их, не выслушав вас». Совет единодушно соглашается уничтожить всех живущих; Ра возлагает это дело на дочь свою Хатхор, и она в течение нескольких дней избивает людей, захлебываясь в их крови. Опьяненная избиением, богиня истребила бы всех, но бог, по милосердию своему, останавливает резню, прибегая к хитрости: семь тысяч кувшинов с мандрагорами, напоенными человеческой кровью, были рассеяны по полям; это отвлекло богиню: «она принялась пить и, упившись, не видала больше людей». Несколько уцелевших представителей человечества явилось тогда к Творцу с предложением покорить последних мятежников. Ра заключил с людьми союз и простил их в следующих выражениях: «Ваши грехи отпущены вам, убийство (мятежников) устраняет убийство (всех людей)»; отсюда возникновение жертвоприношений.¹ Навиль, впервые переведя этот текст, очень удачно подчеркнул его значение: «мысль, которая привела к учреждению жертвоприношения, та же, что у евреев и у греков».² Убийство виновных, а затем жерт-

¹ Ed. Naville. La destruction des hommes par Ra, Transactions of Society of Biblical archeology, т. IV, с. 1.

² Ed. Naville. Religion des anciens Égyptiens, 1905, с. 183.

венных животных устраняет наказание других людей; жертвой можно искупить человечество.

Иного сходства нет между этим уничтожением людей Ра и тем, о котором говорит Бытие; но в «Книге Мертвых» есть повествование о наказании людей посредством воды. «Это диалог между умершим и различными божествами, в частности, Атумом. На один вопрос мертвого Атум отвечает следующими словами: «Я изменю сделанное мною. Эту землю наводнение превратит в воду, какой она была вначале. Я останусь один с Осирисом»¹.

Эти тексты, слишком малочисленные, еще очень темны; тем не менее, из них видно, что и в Египте «Предвечный раскаялся в сотворении людей на земле, опечалился сердцем и решил их уничтожить». Какое место отвести искушению или коварству женщины в первоначальном восстании человека? Мы ничего не находим по этому поводу в египетских текстах; но один папирус, комментированный Лефевбром, выводит эпизод борьбы между Творцом, с одной стороны, и женщиной и змеем, с другой: «Исида была женщина искусная в словах; сердце ее отвратилось от общения с людьми, она предпочитала общение с богами, она питала великое уважение к миру духов. Не могла ли она в небе и на земле стать подобной Ра, владеть землей и быть богиней Именем верховного бога?» — «Но Ра каждый день во главе своих пловцов продолжал восходить на престол двойного горизонта. Бог состарился; изорта у него текло, слюна капала на землю. Исида размяла это в своей руке; из земли и того, что было в ней, она вылепила священного змея. И священный змей ужалил Ра; бог открыл рот, и крик его поднялся до неба. И начала божественная его свита говорить: „Что это такое?“ — и боги его: „Что там случи-

¹ Ed. Naville. *Rèligion des anciens Égyptiens*, c. 190.

лось?» Он не мог отвечать: он щелкал челюстями, все члены его дрожали, яд овладевал его телом». Поспешно зовут магов; Исида явилась со своими чарами; она сказала: «Что такое, божественный отец? Змей напустил на тебя немочь? Одно из твоих творений подняло голову на тебя?» Для исцеления его она требует, чтобы он открыл ей свое Имя, что было равносильно тому, чтобы открыть тайну своего всевластия. Бог, побежденный женской хитростью, дал похитить у себя свое Имя. «Исида, — говорит Лефевр, — нечто вроде Евы, которая при помощи змея хочет овладеть божественностью, овладев высшим познанием»¹. * Это восстание — одна из причин наказания людей; в вышеизложенном тексте есть выговор Ра Гебу (земле) «за змей, которые в нем» и которые заставили бога трепетать за собственную жизнь.

Таково, мне кажется, объяснение, данное египтянами печальному уделу людей. После восстания и наказания человечество влачит бремя первородного греха, и жизнь его есть искупление. Тут мы снова возвращаемся к данным «Книги Мертвых». Большая часть существеннейших глав, особенно те, которые дают синтетические понятия о человеческой жизни, настаивают на грехе, сквернах, последствия которых несет на себе все человечество. В главе XVII после хвастливого исповедания веры, в котором мертвый заявляет о своей божественной природе, мы с удивлением видим его падающим с высоты, куда он вознесся, до уровня человеческого бедствия.

Гл. XVII. «Я с земли, я пришел из моего города. Я уничтожил всякую нечисть, я уничтожил всякие скверны. Что это значит? (толкование): это уничтожение постыдных дел Осириса N.

Все мои скверны устранены. Что это значит?(толкование): я очистил себя в день моего рождения в великом озере Натро-

¹ Lefebure. Un chapitre de la chronique solaire, 1883.

на, где обитают Ра и Правосудие. — Все мои скверны. Что это значит? (толкование): это то, что сделал Осирис N против богов с той поры, когда он вышел из лона своей матери».

Гл. LXIV. «Я приближаюсь к богу. Нет больше скверны матери моей во мне.»

Эти скверны, исходящие от матери, нечистота как последствие рождения, что это, как не первородный грех? Для устраниения его представлялось два способа: соглашаясь с Руже, я вижу в приведенных стихах намеков на обрезание и крещение. Одна из мемфисских гробниц сохранила картину хирургической операции, но мы не знаем, было ли это общераспространенным обычаем; что же касается крещения, мы видим в Дейр-эль-Бахри и в Луксоре очищения, которые совершались в родильном покое при появлении царского дитяти на свет.

Однако очистительных ритуалов было недостаточно, чтобы освободить человека от последствий греха. Главы XVII и CXXV «Книги» свидетельствуют, что Суд перед лицом Осириса есть неизбежное заключение всякого существования. Жизнь должна устремляться в определенном направлении, по пути правды и справедливости; это путь богов, это путь, которому должен следовать человек, если он хочет заслужить рай. В таком смысле нужно понимать следующий стих главы XVII:

«Я иду по пути, который я ведаю, с лицом (обращенным) к водоему двойного Правосудия. Что это значит? (толкование): это путь, которому следует Атум, когда он проходит по Полям Елисейским. Водоем двойного Правосудия находится в Абидосе (возле Осириса)».

Мы уже говорили выше о том, как выработалось во время мемфисского царствования понятие о последнем судилище.¹ Со времени фиванских династий (приблизительно за 1500 лет

¹ См. выше с. 142.

до н.э.) эпизод божественного суда сделался существенным элементом «Книги Мертвых»; в то время как «Тексты пирамид» дают лишь сухое определение Суда, «Книга» посвящает ему свою самую длинную главу. Вышеприведенные подробности Исповеди Отрицания дают нам возможность оценки запросов совести у египтян; попытаемся наметить последовательные этапы развития морального чувства.

Большое число грехов касается личности и имущества богов: небрежность в соблюдении ритуала, кража жертвенных даров, умерщвление священного скота и т. д.; эти преступления жрецы отметили, может быть, раньше всего. Потом появляются деяния против ближнего. Правосудие Осириса простирается и на взаимные отношения людей: «отвести воду соседа», «перерезать оросительную канаву», «погасить огонь». Последними в ряду преступлений, на которые стала отзываться совесть, были, вероятно, преступления «личные», оскорбляющие только нравственное достоинство грешника; сюда относятся почти все основные грехи — ложь, гордость, разврат, гнев, жестокость, эгоизм — все проступки, в которых мертвый оправдывает себя перед Осирисом. Таким образом, боги становятся судьями за оскорбления, нанесенные всему человечеству и нравственному идеалу; они уже не довольствуются местью за нарушение своих личных интересов.¹

¹ Cp. Marillier. La survivance de l'ame et l'idée de justice chez les peuples non civilisés, 1894, с. 44–46: (У нецивилизованных) «чаще всего наказуются богами те действия, которые оскорбляют их непосредственно... упущения в соблюдении ритуала часто караются в загробной жизни строже, чем самые тяжкие преступления по отношению к ближнему». Что касается правосудия на том свете, оно, прежде всего, личное: «это те, кто были обижены, прежде всего мстят в загробной жизни: призраки лиц и предметов преследуют на том свете души злых, которые им вредили... Наказание за преступления является прежде всего частным делом на том свете, как и на этом. Но скоро происходит смешение: авторитет богов возрастает, как и авторитет вождей, их обязанности усложняются: не довольствуясь наказа-

Отметим также перемены в составе суда. В самых древних редакциях каждый грех представлен в суде одним богом. Мертвый должен своей исповедью примирить с собой каждого отдельного бога; но он действует на него еще просьбой или застрашиванием, смотря по тому, прибегает ли он к религии или к магии. Если умерший знает имена каждого из заседателей — как устоять богу перед именным требованием, перед заклинанием, направленным лично против него.¹ В позднейших переложениях исповедь обращается не только к этим богам. И другие божества — божества Гелиополя — присутствуют при взвешивании души; перед ними мертвый оправдывает себя не отдельными доказательствами, а во имя ирравственности вообще. Эта перемена свидетельствует о значительном моральном успехе.² Параллельно наблюдается и перемена в наказании. В древние времена 42 заседателя сами выполняют месть над виновными, они их терзают. Потом появляется чудовище, крокодил-лев-гиппопотам, «Пожирающий мертвых», Амаат; в новейшие времена идет речь об огненном бассейне, в котором уничтожаются осужденные. Следует ли заключить отсюда, что наказание перестает быть личной обязанностью того или другого бога, судьи над тем или иным отдельным преступлением? В таком случае оно до некоторой степени ускользает от личного произвола заседателей, раз исполнителем приговора является палач на службе у всего состава суда³ или такой элемент умерщвления, как огонь. И

нием за преступления, которые уязвляют их непосредственно, они карают тех, чьими жертвами являются их преданные слуги, их верные поклонники. Мало-помалу он и распространяет свой суд на все человеческие поступки и карают даже те из них, которые их самих вовсе не затрагивают.

¹ Знать имя бога значит держать его в своей власти.

² Ed. Naville, *Todtenbuch*, тексты с. 164 и табл. CXXXVI, Ag.

³ Ср. гл. XVII «*Todtenbuch*», где палачом является то Сет, то Хор или Тот (*Revue Archeologique*, 1860, с. 341).

это шаг вперед к идеалу правосудия, перестающего быть индивидуальным.

Наконец, в редакциях «Книги Мертвых» Нового царства в человеке просыпается сознание преступности; он уже не старается отрицать своей греховности перед лицом осирийского суда, он просит богов уничтожить все, что есть в нем преступного.¹ Ничто, быть может, не дает нам более высокого понятия о тонкости этого сознания, чем «Глава сердца» (гл. XXX). То, что больше всего переполняло мертвого леденящим ужасом в день Суда, это было видеть свое собственное сердце, свою совесть на чаше весов с противовесом Правды на другой. «Сердце матери моей, — говорил он ему, — сердце моего рождения, сердце, которое было у меня на земле, не свидетельствуй против меня, не будь моим противником перед божественными властями, не весь против меня... не говори: „Вот что он соделал, воистину он это соделал“... не навлекай на меня зла перед великим богом Края Закатного».² Так, «самый страшный обвинитель человека тот, чьих утверждений никто не может опровергнуть, это он сам, это его собственное сердце, которое слишком хорошо знает, что сотни раз он преступал прекрасно известный ему нравственный закон».³

Нравственный закон, следование которому обеспечивает людям искупление, можно свести к одному предписанию: «быть праведным, творить истинное». Назначение человека на земле в том, чтобы заклать первородный грех; он достигнет этого, если, помня о своем небесном происхождении, он будет действовать в том же направлении, в каком действуют боги. «Бог, — говорят литургийные тексты, — творит Правду,

¹ Todtenbuch, гл. XVII изд. Budge, с. 38, I, 85-86; cp. De-Rouge в «Revue Archeologique», 1860, с. 248.

² Ed. Naville. La religion des anciens Egyptiens, с. 183.

³ Ibid.

живет Правдой, есть сама Правда». Человек да чтит законы природы и совести; действовать иначе, творить дело эгоизма, насилия, несправедливости — это значит искажать гармонию между людьми и миром предметов, сходить с почвы действительности, изменять создание Творца. Несправедливый или порочный забывает, что он лишь частица божества в божественном целом; он нарушает порядок Вселенной, он «не в Правде». Праведный продолжает дело Творца; творя милосердие, братство, правосудие, он укрепляет общий порядок и понимает мировую гармонию; удел его после смерти — беспрепятственно наслаждаться Правдой: «Те, что творили праведное, будучи на земле, и боролись за богов, призваны пребывать в Радости мира, в стране, где живут правосудием. Их праведные дела зачтутся им перед лицом бога великого, разрушителя нечестия, и скажет им Осирис: „Вам, праведные, Правда, соединитесь с тем, что вы сотворили, подобные тем, кто войдет со мной в чертог Духа святого. Живите тем, чем питаются они; владейте возлияниями вашего водоема: он до краев полон правосудия”»¹.

Итак, день Суда есть великий день судьбы человеческой, *Dies irae, dies illa!* «Принесена будет книга, в которой заключено все, что послужит для Суда над миром, и ничто не останется без возмездия.»² Виновные предавались плахе жертвоприносителей, пасти чудовищ-пожирателей, вечному пламени. Шаба давно отметил поразительное сходство между египетским понятием ада и евангельским преданием: «Египетский ад имел горящие круги, бездны огня, огненные воды — единственное питье жаждущих грешников. Демоны, палачи проклятых, обитали в чертогах, где пол из воды, потолок из огня, а стены из живых аспидов; там были жаровни и котлы для

¹ Lefebure, Sphinx VIII, 39, — Ср. «Горгий» Платона.

² *Dies irae.*

пытания грешников». Но для нравственной оценки понятия египтян о Суде еще лучше сравнить требования, которые предъявляются праведному, и сличить, как сделал Шаба, некоторые формулы, бывшие в ходу уже во времена пирамид, с одним отрывком из Евангелия от Матфея: «Когда же придет Сын Человеческий во славе своей... (он) отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлищ; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлищ по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира. Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня... Тогда Он скажет тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный...» Сравните этот текст папируса: «Амон-Ра, судья, не берет подарков от жестоких; он судит виновного; этот для котла; праведный же по правую его сторону»; или этот отрывок из главы СХХV: «Праведный живет Правдой, питается Правдой. Он повсюду распространял радость; о том, что он делал, говорят люди, и боги радуются этому. Он примирил с собою бога любовью своею: он дал хлеба голодному, воды жаждущему, одежду нагому...»¹

Несомненно, этому построению нравственного идеала можно противопоставить одно очень важное возражение. Мы знаем, что магия во времена пирамид пробивала брешь в религии и что праведный не одерживал верха над злым, вооруженным формулами; сама «Книга Мертвых», вплоть до позднейших образцов, в каждой главе отмечает верховную силу ритуалов и слов. Что значит этика главы СХХV, если содержание ее действует механически, вроде колдовства, не обязывая мертвого к праведной жизни до смерти?

¹ Chabas. L'Enfer égyptien, Melanges égyptologiques, III, 2, с. 168.

Это правда, что для громадного большинства верных «Книга» оставалась сборником магических формул; но сознание совершенных грехов и тревога о Суде прорывается слишком часто, чтобы можно было допустить, что образованные люди особенно полагались исключительно на колдовство. В каждой фразе слышится отголосок *Dies irae*: «Я, несчастный, что скажу я тогда? Кого стану просить заступиться за меня, когда и праведный едва ли будет уверен?» Нельзя сомневаться, что с течением времени египтяне становятся все осмотрительнее и озабоченнее; но в какой же религии пробуждение совести заглушило индульгенции? Не совмещается ли учение о милосердии с верой в спасение по заслугам?

Недавняя археологическая находка доставила нам доказательство возрастающей чуткости совести и постоянного просветления нравственного идеала египтян. На обороте одного папируса, помеченного первыми годами нашей эры, уцелела одна нравоучительная сказка, где представление Суда получает знаменательное развитие. Са-Осирис, чудесный ребенок, прирожденный маг, увлекает своего отца, Сатни-Хаэмуаса, в ад и ведет его в семь больших покоев чертога Осириса. Перед входом они столкнулись с пышной погребальной процессией одного богача и с телом бедняка, завернутым в убогую циновку, которого никто не провожал. В шестом зале Гадеса наши герои созерцают Осириса, Тота, Анубиса, богов-заседателей и весы, на разных чашах которых взвешиваются злодеяния и заслуги: «того, у кого дурных поступков оказывается больше, чем заслуг, они отдают Амамат, псу владыки Края Закатного; они уничтожают душу и тело его и не дают ему дышать больше никогда; того, у кого они находят больше заслуг, чем проступков, они уводят к богам, и душа его направляется на небо; того, у кого они находят заслуги, равносильные грехам, они водворяют среди теней, которые служат (в земле) Сокар-Осирису».

«Тогда Сатни увидал одного человека с благородной осанкой, одетого в ткани из тонкого полотна; он стоял близко к месту, где находился Осирис, в разряде очень почетном. „Отец мой Сатни, — сказал Са-Осирис, — ты видишь это высокопоставленное лицо? Тот бедный человек, которого ты видел унесенным из Мемфиса, которого никто не провожал, который был завернут в циновку, — это он! Его повели в Гадес, взвесили его заслуги и проступки, нашли в нем больше заслуг, нежели проступков. Ввиду того, что записанному на его долю времени не соответствовало достаточное количество счастья на земле, было отдано приказание перед ликом Осириса отдать приданое того богача, которого ты видел унесенным с великими почестями из Мемфиса, этому бедняку, стоящему перед нами, а потом привести его к тому месту, где восседает Осирис. У того богача, которого ты видел, проступков оказалось больше, чем заслуг на земле: было приказано воздать ему в Гадесе, и ты видел его у двери Гадеса; стержень двери упирается в его правый глаз и вращается на нем, отворяют ли ее или запирают, а уста его испускают громкие вопли... Тому, кто творит добро на земле, творят добро здесь; а тому, кто творит зло, здесь творят зло. Оно установлено навсегда, и оно не изменится никогда, то, что ты видишь в Гадесе Мемфиса, и то же происходит в 42 номах, где находятся боги Совета Осириса.”»¹

Какой успех сделало учение о возмездии за добродетель и порок! Чистилище, земной ад Сокар-Осириса, есть выжидательное место для людей, чьи заслуги только уравнивают злые деяния. Что касается праведников, они не только допущены к вечной жизни, но Осирис еще вознаграждает их сообразно их заслугам и таким образом, чтобы будущая жизнь исправила неравенства и несправедливости земной жизни.

¹ G. Maspero. Les contes populaires de l'Égypte ancienne, 3-е изд., с. 134–138.

Сходная притча в Евангелии от Луки¹ поясняет удел злого богача, горящего в аду, между тем как Лазарь покоится после смерти в лоне Авраамовом. «Вспомни, — говорит Авраам злому богачу, — что ты получил свои блага при жизни, а Лазарь терпел зло во время своей; теперь он здесь утешен, ты же страдаешь...»

* * *

Праведные находили истинную свою награду в освобождении от условий человеческой жизни. Отражденные от случайностей и заблуждений земной жизни, они завершали свою судьбу растворением в божественном, которое знает и осуществляет только Правду и Справедливость. Вот в чем, как мне кажется, глубокий смысл этого загадочного выражения: «предстать перед ликом Дня», «явиться в свете Дня», *per am heru*,* заглавие и итог «Книги Мертвых». Душа праведника могла по своему произволу обитать в могиле и в раях или уходить оттуда; возвращаться на землю, смешиваться с живущими, плавать по небу в ладье богов, посещать светила, принимая образ человека, бога, животного, растения, какого бы то ни было предмета. Она пользовалась жизнью во всех ее проявлениях, ибо сливалась с широким миром. Праведный возвращался в лоно бога-создателя, из которого все исходит, куда возвращается каждое существо, которое по заблуждению не исказит своего назначения. «Я Вчера и Завтра, я итог сущего и живущего.»

Нужна большая умственная культура, чтобы бесстрашно принять божественное уничтожение — заключение пантеизма. Многих египтян несколько страшила мысль о растворении в бесконечном; полная грусти и решимости покорность судьбе звучит в официальных песнях, которые пелись под аккомпанемент арф на похоронах царей. «Земное величие — что в нем? Уничтожение могилы — почему? (Умереть) это

¹ XVI, 19.

уподобиться образу Вечности, стране праведной, чуждой споров, ужасающей насалия, где никто не нападает на ближнего, где никто не восстает на поколения, что покоятся в ней.» С минуты пробуждения к жизни земной всем здесь твердят: «Благоденствуй, здрав и невредим, чтобы дойти до могилы, неустанно памятуя сердцем твоим о дне, когда придется лечь на смертный одр... Таков удел твой: соединиться с Владыками Вечности. Ты не преиდეши никогда; ты совершенен и завершен в великих божественных формах; ты обходишь грани Вечности, и летопись твоя возобновляется непрерывно, ибо ты был вознесен и сделан совершенным до полноты истинной природы твоей»¹.

Одним из следствий этой меланхолии являлось острое сознание, что радости этого бренного существования не возобновятся более в другом мире, что нужно пользоваться человеческой жизнью, брать то хорошее, что она может дать, пока не наступила смерть:

«Живи счастьем дня! пусть ароматы и благовония неустанно улаждают ноздри твои, пусть гирлянды и лотосы украшают плечи и грудь возлюбленной твоей сестры! пусть раздастся пение и музыка перед тобой, пренебреги злополучиями, не думай ни о чем, кроме наслаждений, до того дня, когда придет пора причалить к стране богини, что любит молчание... Помни неустанно этот день, когда поведут тебя в страну, где люди перемешаны; никто не уносил туда своего добра и никто оттуда не может возвратиться»².

На это восстание плоти мыслители отвечали утешениями философии. В одном старинном папирусе (4000 лет) сохранился диалог между египтянином и его душой,³ где, не без

¹ Перев. Maspero, Histoire, II, с. 523.

² Перев. Maspero, Histoire, II, с. 523.

³ Перев. Erman. Gespräch eines Lebensmuden mit seiner Seele, 1896, и Maspero. Causeries d'Egypte, с. 125.

поэтичности, приводятся доводы в пользу любви к смерти. Жизнь — зло; это знают доподлинно. «С кем поговорить мне сегодня? братья злы, а нынешние друзья никого не любят; сердца жестоки, каждый похищает добро своего соседа; кроткий гибнет, сильный торжествует, нет больше праведника, земля принадлежит грешникам!» А вот антитеза, похвала смерти: «Смерть кажется мне теперь исцелением от болезни, выходом на свежий воздух после горячки! Смерть кажется мне теперь ароматом лотоса, отдыхом на берегу страны опьянения, возвращением морехода домой. Смерть кажется мне теперь тоской человека по родному дому после долгих лет в плену».

Смерть возвращает человека в божественную страну, откуда он был изгнан на время своей земной жизни. Это — заключение «Книги Мертвых». Несмотря на темные места, «Книга» становится нам понятной, если захотеть увидеть в ней развитие излюбленной темы моралистов и теологов: «Все в человеке суета, если взглянуть на бег смертной жизни; но все драгоценно, все важно, если мы видим цель, к которой она направляется, и отчет, который предстоит дать о ней»¹. Эти мысли до сих пор еще руководят совестью. Поэзия питается из тех же родников, когда обещает жалкому роду человеческому освобождение в великом Всем. Исида ли это или Изольда поет, умирая, над трупом:

«Затеряться, исчезнуть без сознания в бесконечном дыхании мировой души — вот блаженство!»

¹ Bossuet. Oraison funebre d'Henriette d'Angleterre.

VI. Магия в Древнем Египте

Древнем Египте, как и всюду на свете, человек был недоволен своей судьбой и старался изменить ее к лучшему. Для достижения этой цели он не довольствовался естественными силами тела и духа; он прибегал к сверхъестественным силам, которые, казалось, давали ему религия и магия. Мы знаем, какая существенная разница между этими двумя формами умственной жизни. Подобно религии, магия задается изменением нормального или предвиденного хода вещей путем чудес; но там, где жрец обращается с молитвой и жертвоприношениями к высшим Существам, называемым богами, маг применяет к ним силу или хитрость. Жрец молит, маг повелевает; и так как опыт показывает, что сила действительнее просьбы, то вследствие этого у первобытных народов маг пользуется еще бóльшим авторитетом, нежели жрец. Разве что, как это часто бывало в Египте, сам жрец был вместе с тем и магом, который удастивает присоединить иногда молитву к своим заклинаниям.

Во всякой среде, где магия в почете, существует общераспространенное верование, что всякое живое существо и всякий предмет оживляется Духом, сходным с тем, которым движется человеческое тело. В природе нет ничего бездельного, лишенного сознания или воли; каждое существо и каждый предмет может действовать за или против людей, и, наоборот, маг может оказывать воздействие на всякое суще-

ство и всякий предмет, телу или духу которого он может нанести ущерб. Так, боги и люди в Египте обладают «гением», который оживляет их при жизни и продолжает существовать благодаря некоторым мерам предосторожности и после смерти. Это *ка* — выражение, не поддающееся переводу, его пытались передать словом «двойник», но лучше бы его перевести «гений»¹. «Его не лишены животные, и даже вещи, в которых не заметно никакого проявления жизни, таят в себе невидимый дух. Отсюда в известные эпохи обычай разбивать иероглифические знаки надписей, изображающих животных, чтобы, умертвив их, перенести в другой мир, а также и сосуды, утварь, куски камня с текстами на них, положенные в гробницу: эти письменные знаки и предметы одарены душой, а следовательно, обладают гением, который может проявить себя на пользу или во вред умершему. Нам еще не известно, как называли египтяне этого «духа» животных и вещей; но не подлежит сомнению, что для них вся Вселенная была населена действительными и сознательными силами; человеку следовало опасаться в ней противников и искать союзников.»²

Только тот имеет власть над существами и предметами, одаренными «гением», кто знает — по устному либо письменному преданию или же по личному наблюдению — законы, управляющие миром духовным и материальным. Это «ученый», по преимуществу, *фех хету*, «тот, кому ведомы вещи». Он знает естественное сродство, «симпатию» или «антипатию»,

¹ Слово «род» (generation) в его значении поколения и «породы» бесспорно связано с корнем «ка», входящим в состав таких слов, как «человек», «бык», «самец»; вот почему слово *ка* можно сближать с *genius* (ср. Lefebure, Sphinx, I, 108).

² Как на это указал Масперо, египтяне часто давали собственное имя предметам природы или рук человеческих, приписывая им, таким образом, реальную личность. (Les Contes populaires de l'Égypte ancienne, 3-е изд., с. 95, зам. 3).

которые во Вселенной соединяют или разъединяют живые существа и вещество; он может привести ту или иную вещь в определенное состояние, пользуясь притяжением или отталкиванием, которые роковым образом производит на нее то или иное существо или предмет; мы бы сказали, что он применяет способы симпатической магии¹. С другой стороны, «ученый» наблюдает законы «подражания» и законы «причины и следствия». Данное существо или предмет, поставленные в данные условия, отзывались или влияли тем или иным образом; если снова поставить их в подобные условия, они поведут себя еще раз точно таким же образом; более того, тот же результат получится, если только «подражать» тому или иному действию, последствия которого известны. Так, маг берется вызвать повторение последствий, вызывая или просто подражая причинам, которые подействовали в первый раз; мы бы сказали, что он пользуется приемами подражательной магии. Обладая такими тайнами, маг прекрасно может обойтись без молитв и распоряжаться по своему произволу взаимодействием, неизбежным влиянием и противодействием существ и предметов.

Для удобства изложения мы по очереди разберем эти приемы магии симпатической и магии подражательной; сначала те, которые оберегают от всевозможных опасностей, потом те, которые оказывают действенное влияние на существа и предметы.

Маг оберегает собственную жизнь и жизнь себе подобных от случайных опасностей при помощи талисманов и формул; знание будущего дает ему предвидение опасностей.

¹ Ср. Frazer. *Le Rameau d'or*, франц. пер. I, с. 1 след.

Чтобы знать, что такое талисманы, достаточно взглянуть в витринах наших музеев на эти тысячи мелких вещей, разнообразных по материалу и форме, которые находятся там под названием египетских амулетов. Они сотнями были рассеяны по могилам, на земле или на самой мумии. Их обыкновенно делали из глазурованной глины, из стеклянной массы, из более или менее редкого камня; чаще всего рыночная цена их была ничтожна, что позволяло увеличивать их число до бесконечности, тем самым умножая вероятность их действительности. Теоретически, однако, чтобы амулет был вполне действителен, нужно было изготовлять его определенной формы и из избранного материала.

Форма амулетов в Египте, как и повсюду, обуславливается теми специальными понятиями, какие первобытные народы имеют о человеческой жизни. Жизнь есть дух, дыхание, существо самоопределяющееся, которое может выскользнуть из тела и которое нужно закрепить в теле. Отсюда амулеты в форме узла, повязок, которые привязывают жизнь в тех местах, где она проявляется видимо для глаз и где можно узнать ее по биению пульса: на шее, руках, ногах.¹ В Египте это были ручные и ножные браслеты, ожерелья узкие и широкие. Мы уже знаем, что ожерелье охраняло грудь богов и мертвых; его уподобляли богу, чьи руки защищали части тела, которых они касались.² Браслеты и ожерелья часто состояли из мелких узлов, нанизанных друг за другом и составляющих украшение с магическим значением, но чаще эти узлы рассеяны в отдельности по телу живых и мертвых, они связывают жизнь и препятствуют ей покинуть тело. Отсюда название «защита, охрана», которое эти знаки носили на египетском языке.

¹ Cp. Frazer. *Le Rameau d'or*, фр. перев. I, с. 328.

² A. Moret. *Rituel du Culte divin*, с. 243.

Многие талисманы делались в форме знака, с которым связывалось известное символическое значение: анх, жизнь; уджа, здоровье; уас, сила; джед, устойчивость; уадж, бодрость духа и тела. Вначале знаки эти действовали в силу своей специфической формы. было, может быть, подобием человека с вытянутыми руками и ногами (в архаическую эпоху основание знака раздвоено); скипетр, обозначение силы; изображение четырех колонн в перспективе, символ устойчивости; колонна в форме лотоса, растения живучего. Со временем, вероятно, стала брать перевес мысль, которую условное письмо связывало с тем или иным знаком: «красота, добро», «устойчивость», «доброжелательность», «здоровье» и т. д. — все символы, превращенные в амулеты, одаренные магической силой. Египетское письмо, связывая условное значение с тем или другим материальным предметом, особенно благоприятствовало символизации того или другого свойства каждого предмета. В большинстве случаев магическое влияние узлов, драгоценностей, амулетов относится к подражательной магии; подражанием дают: жизнь — знаком , устойчивость — , замкнутость, защиту — перевязью .

Материал, из которого сделаны эти вещи, тоже обладает определенными магическими свойствами. Действенное всего амулеты из золота, символа долговечности, прочности; золото — царь металлов, затвердевший луч солнца, вещество, из которого сделано тело нетленных существ, царей, богов, обожествленных мертвых; поэтому , , , браслеты, ожерелья, оружие должны быть из золота или, по меньшей мере, из золоченого дерева.¹ Цвета также обладают определенным влиянием: зеленая колонна обеспечит бодрость, если она из

¹ Cp. A. Moret. Le titre Horus d'or dans le protocole pharaonique.

земли с зеленой эмалью; узел , колонна , сделанные из сердолика,¹ вызывают представление о крови Исиды; зеленая, красная, желтая, белая повязки дают мертвым и богам дар свежести, блеска, чистоты, которыми каждая из них пропитана.² Тут кроется целый ряд сверхъестественных влияний, силы и дух каждого предмета действуют чем-то вроде материального просачивания: золото сообщает свою несокрушимость, зеленый цвет — свою жизненность, белый — чистоту; предмет влияет симпатически на того, кто его носит.

Талисманы обладают еще большей силой, если к ним приложены формулы. У египтян их был большой выбор: *хекау*, «магические формулы»; *саоц*, «колдование»; *шенитоц*, «привороты, чары»;   , *хесиу*, «заклинания». Вероятно, эти формулы вошли в употребление позднее, чем талисманы. Их придумали, чтобы прибавить магическое влияние голоса и членораздельной речи к действию предмета, влиявшего первоначально только своей формой и материалом; духовный, более утонченный элемент присоединился к чарам чисто вещественным.

Магические формулы известны нам преимущественно из текстов позднейшего времени, благодаря чему первые египтологи считали их следствием вырождающегося культа в эпоху упадка египетской цивилизации. Но старейшие из известных нам до сих пор текстов пирамид Саккара (V–VI династии) содержат напевные заговоры на укусы змей и часто упоминают о магических обрядах. Доказано, следовательно, что магические формулы «относятся к самой отдаленной древности и являются одной из самых существенных частей египетской религии»³. Естественно, что формулы представляют из себя более меткое оружие, чем простые талисманы; они направле-

¹ *Livre des Morts*, гл. 155. Maspero. *Papyrus du Louvre*, с. 2 след.

² A. Moret. *Rituel du Culte divin*, с. 178 след.

³ Maspero. *Les Inscriptions des Pyramides de Sakkarah*, с. 48.

ны против определенного врага и предполагают все более и более точное знание средств магии. В частности, заклинания с древнейших времен касаются богов,¹ следовательно, возникли позднее, чем зачатки египетской мифологии. По большей части маг упоминает мифологические факты, известные ему и слишком часто не известные нам; он обращается к богу, поборовшему некогда те препятствия, от которых формула должна оградить; он хочет по своей воле заставить бога возобновить свою победу над врагом, некогда побежденным в определенных условиях. Тот, кто произнесет формулу, уподобится богу в день его победы и восторжествует. С другой стороны, приписывают животному почти божескую личность и сражают его как таковую. Это приемы подражательной магии, «причины и следствия», указанных нами выше.

Вот несколько примеров применения. Вам угрожает змея? Соответствующая формула заявляет врагу, что вы бог Хор и что вы его не боитесь. «Поднимись, яд, приди и упади на землю. Хор говорит с тобой, уничтожает тебя, плюет на тебя; ты не встаешь больше, а падаешь; ты слабеешь, и нет в тебе силы; ты ослеп и не видишь: голова твоя опустилась и не поднимется больше. Ибо я Хор, великий маг.»²

Против скорпиона вызывают случай с божественной кошкой Баст, ужаленной скорпионом, но исцеленной Ра: «О Ра, приди к твоей дочери, которую ужалил скорпион на пустынной дороге. Ее крик достигает неба; яд разливается по членам ее, она прижимает к ним губы (чтобы его высосать). Но Ра сказал ей: „Не бойся, не бойся, благородная дочь моя! Смотри, я стою за тобой. Я устраняю этот яд, который во всех чле-

¹ Напр. Pyramides d'Ounas, 307, «Ра жалит скорпиона»; 332, «Падает (Змей), пламя, исшедшее из Нуна»; 326, упоминание об Атуме и Сокаре.

² Stèle de Metternich, 3.

нах кошки»¹. Тот, кто произнесет формулу, наверное будет спасен, подобно вызванной им кошке.

Переходя реку вброд, опасности со стороны крокодила противопоставляют победу Осириса, спасенного вмешательством богов: «Ты, что в воде, это Осирис в воде, и Око Хора, большой скарабей, охраняет его... Назад, звери воды! Не высовывайтесь, ибо Осирис плывет к вам... Звери воды, пасть ваша замкнута Ра, глотка ваша замкнута Сехет, зубы ваши полома ны Тотом, глаза ваши ослеплены великим магом. Эти четыре бога охраняют Осириса и всех тех, кто в воде»².

Против опасных животных — змей, крокодилов, скорпионов, львов, рогатых антилоп и т. д. — маг умел сочетать силу амулетов с силой формул. Отсюда обычай талисманов, покрытых текстами и фигурами; главнейшие из них — стоячие плиты и волшебные палочки. Плиты относятся к типу, называемому плитой Меттерниха; на дощечке гранита или базальта, обыкновенно небольшого размера, с одной стороны рельефная фигура младенца Хора; он нагой, на правое плечо спадает локон; бог попирает ногами крокодилов, которые отворачиваются, чтобы избежать его взгляда; в своих расставленных руках он держит за хвост змей, скорпионов, львов, антилоп. Над головой Хора часто видна голова Беса, бога веселого и воинственного, который приносит счастье. «Эти плиты имели своей целью предохранить не только от укуса или жала изображенных зверей, но и от оцепенения, которое вызывали в своих жертвах эти животные, прежде чем укусить или ужалить»³. На другой стороне плиты вырезаны божественные фигуры, несущие хорошее предзнаменование; часто боги

¹ Ibid, 9.

² Stèle de Metternich, 38. — Cp. Erman. Die Aegyptische Religion, c. 150.

³ Maspero. Etudes de Mythologie, II, c. 418-419.

стреляют из лука, бросают в животных дротик, одним словом, «сражаются за мага, который их заклинает»¹. Пространственные тексты покрывают свободные места и излагают легенды — формулы, приведенные нами выше. Плиты этого типа относятся преимущественно к позднейшим временам²; раньше пользовались волшебными палочками, чаще всего из слоновой кости; на них реальные или фантастические фигуры животных (палочки часто заканчиваются головой животного), богов с головой человека или животного, между прочим, Беса, держащего змей, в позе, которую позднее придают Хору. Эти талисманы приносят своему владельцу магическое покровительство фигур, которые на них изображены, и, преимущественно, кажется, против животных.³

Такой же магический прием применялся от болезней, так как больной одержим противником (*kheft*), чье несвоевременное присутствие причиняет весь недуг. Маг, он же врач и жрец, знающий искусство лечить, извлекает свои познания из таинственных книг, которые были даны людям при чудесных обстоятельствах. Так, учебник об уничтожении нарывов на всем теле человека был найден у ног бога Анубиса и принесен царю Дену (I династия)⁴; медицинский папирус, хранящийся в Лондоне, «был найден однажды ночью в большом зале храма Коптоса одним из жрецов этого храма. Вся земля была погружена в потемки, как вдруг над книгой взошла луна и окутала ее своими лучами. Ее принесли царю Хеопсу (IV династия)».

Терапевтические книги были божественного происхождения, неудивительно поэтому, что указанные в них средства

¹ Maspero, *Histoire*, I, c. 213.

² G. Daressy. *Textes et dessins magiques* (Catalogue du Musée du Caire).

³ F. Legge. *The magic ivories of the middle Empire* (Proceedings S. B. A. 1905–1906). — Cp. Capart. *Revue de l'Histoire des religions*, 1906, c. 327.

⁴ Papyrus Ebers, 103, I, 1–2.

сверхъестественного порядка. Способ изгнания противника тот же, что и одоления зловредных животных. С помощью формулы замещают личность больного личностью того или иного божества, которое, по преданию, имеет власть над противником, причиной болезни. Например, от болезни живота маг возглашает: «Живот принадлежит Хору, говорящему с Исидой. Хор говорит: „Я съел золотую рыбу Абт“. Исида отвечает: „Если это так, боги придут к тебе на помощь“. Натирать живот медом; мыть живот жидкостью, заключенной в сосуд, на котором изображены боги Юга и Севера — Ра, Хор, Тот, Атум, Исида, Нефтида, три ока Уджат и три змея»¹. Предстоят ли роды, родильница уподобляется Исиде и настоятельно требует помощи богов: «О, боги, придите, вот Исида. Она сидит, как беременная женщина. Если вы останетесь бездеятельны, о боги, не будет больше земли и неба... бедствия придут с Севера; вопли раздадутся в могилах; солнце перестанет светить в полдень, воды Нила не поднимутся больше в разлив. Это не я говорю вам, это Исида, которая разрешается Хором»².

Вмешательство богов, связанных магическими формулами и помогающих тем, кто умеет ими пользоваться, подтверждает еще один знаменитый памятник Национальной библиотеки, плита принцессы Бахтана.³ В сказочной стране Бахтан принцесса по имени Бентреш, сестра одной из жен фараона, была одержима таинственным недугом. Ни врачи, ни маги страны не могли облегчить его; князь Бахтана просит своего зятя, фараона, послать ему ученого, т. е. египетского мага. Фараон направляет к нему одного из «писцов двойного черто-

¹ Pleyte. Etudes sur un rouleau magique de Leyde, с. 142.

² Pleyte. Etude sur un rouleau de Leyde, с. 180.

³ «Исцеление Бентреш», см. Сказки древнего Египта. — *Прим. ред.*

га Бытия», который определяет недуг одержания: «Маг нашел Бентреш в состоянии одержания и обнаружил привидение, которым она была одержима, врага, одолеть которого было трудно». Не в силах изгнать его, маг призывает на помощь египетского бога. Это Хонсу. Он отправляется в Бахтан, получив от старшего брата своего, Хонсу-благого-совета, «флюид жизни» и магическую силу, обладая которой, можно вступить в какую угодно борьбу. «Когда бог этот прибыл в Бахтан, тогда вышел князь со своими солдатами и полководцами навстречу Хонсу. Он распростерся ниц, говоря: «Ты приходишь к нам по велению фараона...» И вот, едва лишь этот бог подошел к месту, где находилась Бентреш, и произвел магические пассы над дочерью князя Бахтана, она сразу почувствовала себя здоровой, а привидение, бывшее с ней, сказало перед ликом Хонсу: «Гряди с миром, великий бог, что изгоняешь чужих; Бахтан — твой город, его люди — рабы твои, сам я раб твой. Итак, я удалюсь туда, откуда пришел, чтобы дать сердцу твоему удовлетворение по поводу того дела, которое привело тебя сюда; но повели, чтобы праздновали мой день, день Бахтана». Бог согласился, и когда совершили большое жертвоприношение перед Хонсу и привидением, последнее удалилось с миром, куда хотело, согласно повелению Хонсу.¹

В этом рассказе бог отдает свою магическую силу для борьбы с привидением к услугам фараона; фараон в действительности глава магов своего царства. Ниже мы вернемся к этому особому качеству египетских царей. Но и простые смертные могли защищать себя от нападений призраков, лишь бы они были знакомы с такими формулами, как, например, сохранившаяся в Лейденском папирусе: «Если нападет мертвец ве-

¹ Ср. Maspero. Les contes populaires de l'Égypte ancienne, 3-е изд., с. 161 след.

чером, когда раздеваешься, положи под изголовье человека (следующую формулу): „Прелести такого-то суть прелести Осириса; его верхняя губа есть губа Исида; его нижняя губа есть губа Нефтиды, зубы его как мечи, руки его как руки богов, его пальцы как божественные змеи, спина его как спина Геба и т. д. Нет ни одного из членов тела его, который бы не был как члены одного из богов”. Слова эти для чтения их над амулетом, который исцеляет и чарует члены тела человека и их недуги. Их надлежит читать, когда мертвец мужского или женского пола нападает на человека, который раздевается, и увлекает его вечером, дабы мучить его»¹. Тут мы снова встречаемся с уловкой, состоящей в присвоении себе личности бога, победителя своих врагов, дабы заманить противника и поставить его в такие условия, в которых, по учению подражательной магии, он неминуемо потерпит поражение.

Маг умеет не только справляться с недугами и несчастными случаями, он искуссился в их предвидении и заранее заклинает судьбу прорицаниями и гороскопами. В этом смысле магия опирается на данные астрономии. Диодор говорит об этом следующее: «Быть может, нет другой страны, где порядок и движение светил наблюдались бы с большей точностью, чем в Египте. У них сохраняются списки за невероятное количество лет, в которые внесены эти наблюдения. Там есть сведения о соотношении между каждой планетой и рождением животных и о благоприятном или несчастливом влиянии светил...»² В гробнице Озимандиаса*, в Фивах, на террасе был золотой круг 365 локтей в окружности, разделенный на 365 частей; каждое деление обозначало один день года, а рядом было записано естественное восхождение и захождение све-

¹ Pleyte, loc. cit., с. 78.

² Diodore, I, 71.

тил с предсказаниями, какие связывали с этим египетские астрологи». ¹ Принцип же был следующий: в такой-то день и час светила находятся в таком-то положении. Некогда при подобном положении светил произошло счастливое или несчастное событие; следовательно, есть вероятность, что событие такое же или аналогичного характера повторится в момент, когда светила вернутся на свое прежнее место. ²

Дошедшие до нас документы показывают, что события, на которые сделан намек, относятся к жизни богов, и главным образом к смене побед и поражений, знаменовавших ежедневную борьбу Осириса с Сетом. 17-го атира Сет убил Осириса; 9-го хойака Тот победил Сета; 5-го тиби Сохмет сожгла нечестивых; первое число несчастное, два другие счастливые: «Что бы ты ни увидал в этот день, обойдется удачно». Так каждый из людей по-своему переживал жизнь богов и претерпевал их влияние; сила мага заключалась в том, чтобы использовать эти мифологические данные и приурочить деяния человеческой жизни к тем или другим знаменательным числам, вызывая этим улучшение судьбе богов в самом благоприятном смысле. ³

Более того, каждый год, каждый месяц, каждый день и час находятся под влиянием какого-нибудь бога или светила⁴; маг умеет вызывать их благоприятное влияние или, по крайней мере, может предупредить заинтересованных о вероятной судьбе: ему ведом удел, предначертанный богинями-феями каждому человеку в день его рождения,⁵ ибо день этот занесен в их списки в отдел счастливых или злополучных дней; удачи и неудачи отмечены с большой тщательностью: «9-е

¹ Diodore, I, 49.

² Papyrus Sallier, trad. par Chabas, Calendrier des jours fastes et néfastes.

³ Maspero. Les contes populaires, Introduction, c. XLIX.

⁴ Wiedemann. Magie und Zauberei, c. 6.

⁵ Maspero. Les contes populaires, Introduction, c. LI.

паофи: радость богов; люди празднуют, ибо повержен противник Ра. Кто родится в этот день, умрет от старости»; «27-е паофи: кто родится в этот день, умрет от крокодила»¹. Народная литература оставила нам рассказ «Обреченный царевич»²: он тщетно пытается предотвратить три доли, которые при рождении обрекают его на гибель от змеи, крокодила или собаки. Маг не всегда может одолеть предопределение; зато пользовавшийся его услугами, будучи предупрежден, принимал необходимые меры предосторожности: не выходил из дому, убегал опасности и читал охранительные формулы.

Охранительные обряды составляют лишь часть искусства мага: обряды, дающие магическое влияние на расстоянии, дают ему власть и силу еще более завидную. Египтяне брались оказывать действенное магическое воздействие на людей, мертвецов, богов с самыми разнообразными целями.

Действие на расстоянии на любое существо может быть достигнуто вмешательством богов и геннеев, которых маг подчиняет своей власти. Вот схема подобного заклинания. Маг вызывает бога или духа: «Приди, чтимый дух...»; потом он излагает желание, которое следует осуществить: «Воздействуй за меня на того или этого... пробуди для меня того или этого... направь его сердце к той или тому...» Потом он заявляет: «Я призываю тебя твоим истинным именем»; следует литания магических имен, состоящих, по большей части, из непонятных слогов. Наконец, после заявления, имеющего целью испугать призываемого бога или гения («ибо я бык, ибо я лев, я чтимая голова владыки Абидоса»), маг дает практическое

¹ Ibid., с. L.

² Ibid., с. 168. (См. также Сказки древнего Египта. — *Прим. ред.*)

предписание: произносить формулу над изображением Осириса, Анубиса; составлять напиток, микстуру или мазь из трав, ладана, хлеба, зерна, смоченных кровью самого больного или смешанных с кусочками трупа.¹ Иногда упоминается фигурка²: она, по-видимому, сделана по образу того, для кого предназначено заклинание, и формула, произнесенная над фигуркой, найдет на изображенного сны любовные или грозные, усыпит его или лишит сна, даст ему здоровье или смерть, внушит ему любовь или ненависть.

Такие формулы предполагают применение колдовства; в них упоминаются иногда фигурки, которым непосредственно наносится повреждение заклинателем. Действительно, нам известны определенные случаи порчи, направленной на богов и людей. В папирусе Неси-Амсу содержится заклинание, имеющее целью помочь богу Ра в его ежедневной борьбе с Апопом, духом зла. Лепили восковую статуэтку Апопа в образе крокодила. Имя бога было написано зелеными чернилами на этой статуэтке, завернутой в папирус, на котором тоже был нарисован силуэт Апопа. На статуэтку плевали, резали ее каменным ножом, бросали на землю; тогда жрец наступал на нее несколько раз левой ногой и сжигал на костре из растений, обладающих магическими свойствами. Нужно было повторять обряд три раза в день (вероятно, как дополнение обычного культа) и каждый раз, когда происходила гроза, знак опасности для небесных божеств.³

¹ G. Maspero. *Mémoire sur quelques papyrus du Louvre*, с. 155 след. Мы находим там несколько «глав о насылании снов»; сл. *Tabellae devotionis*, найденные в Гадрумете, где заклинания, изданные в римскую эпоху, почти целиком заимствованы из магического ритуала египтян (G. Maspero. *Études de Mythologie*, II, с. 196 sgg).

² *Papyrus du Louvre*, с. 117, 118, 120.

³ Budge. *Egyptian magic*, с. 77. — Ср. Frazer, *Le Rameau d'or*, фр. пер., I, с. 72.

В действительной жизни очень крупный случай порчи, известный нам, относится ко времени Рамсеса III. Один чиновник царского двора был всенародно изобличен в следующем преступлении¹: он раздобыл магические писания, извлеченные из тайных книг царя, и ему удалось заколдовать (эсхекау) придворных; кроме того, он «сделал восковых людей и письменные пожелания» (, т. е. фигурки, над которыми он читал заклинания, чтобы достигнуть желанной цели; он смог таким образом околдовать (эсхекау) слуганок гарема.

Эти примеры колдовства взаимно поясняют друг друга, и нетрудно уловить руководящие принципы действенной магии египтян. Здесь, как и в других странах, маг повелевает существами, пользуясь, во-первых, их именем, во-вторых, изображающими их статуэтками. Эти два способа магического воздействия относятся к категории, присущей всем первобытным народам. «Имя собственное, — говорит Гартланд, — считается неотторжимым от его обладателя, и дикари часто старательно скрывают от других свое настоящее имя,² довольствуясь обращением по прозвищу или заменяющему его эпитету.³ Причина этого в том, что знание имени лица дает власть над ним; этим он сам или, по крайней мере, существенная часть его как бы переходит в руки того, кто узнал его имя»⁴.

¹ Papyrus Lee, в Deveria, Oeuvres, II, с. 197.

² Ср. Lefebure, Sphinx, I, с. 98. В одной легенде, сохранившейся в Туринских папирусах, Солнце-Ра признается: «Имя мое было произнесено отцом моим и матерью, а потом укрыто у меня на груди тем, кто меня породил, чтобы не дать надо мной власти колдуну».

³ Это то, что египтяне называли «благое имя» (Lefebure, Sphinx, I, с. 97 след.).

⁴ Это происходит с Ра, едва Исида, в вышеприведенной легенде, вызвала имя из тела его (ср. Supra, с. 227).

Лефебр в своих столь убедительных мемуарах «О значении имени у египтян» доказал, что эти общие положения целиком приложимы к Египту. Отсюда старание магов подчеркнуть при чтении волшебных формул истинное имя бога, которого они призывают, имя многообразное или устрашающее по форме, рассчитанная гармоничность которого оказывает реальное воздействие на призываемого. «На самом деле имя лица или предмета есть не алгебраический знак, а видимый облик, в силу чего оно до некоторой степени сливается со своим объектом; оно становится самим предметом, менее вещественным и более послушным, т. е. подверженным воздействию мысли; или, короче, это умственный заместитель.» Произнесение имени равносильно созданию умственного образа; писать имя значит рисовать его вещественное изображение. Это особенно верно по отношению к Египту, где иероглифическое начертание сопровождает имена определителем, который как можно точнее старается передать очертания предмета или существа. Призыв по имени, таким образом, равносильно «обряду колдовства, где маг лепит фигурку человека, называет его по имени и пронзает его иглами или шипами или сжигает с целью навлечь страдание и, наконец, смерть изображенного лица»¹. Скажем в заключение, что магическое воздействие на расстоянии в Египте, как и повсюду, основано на подражательной магии и производится с помощью имен и фигур существ и предметов.

Помимо употребления амулетов, талисманов, формул, гороскопов для предотвращения бедствий, помимо заговоров и заклинаний для господства на расстоянии, магические прие-

¹ Hartland, у Lefebure, loc. cit.

мы были большим подспорьем даже для религии в узком смысле слова в египетском культе. Культ богов и мертвых был до того проникнут магией, что нужно было бы очень подробное исследование — очень трудное и в данном случае неуместное, — чтобы разграничить, где лишь моление и жертвоприношение богу, а где колдовство и магическая хула. Правда, жрец расprostирается перед богом, молится ему, ходатайствует перед ним, но в то же время он защищает бога от его врагов, спасает его от осирийской смерти, охраняет его безопасность способами, присущими только чистой магии. Бог получает из рук жреца ток жизни, как больной или одержимый; он отгоняет от него животных Тифона так, как это делал бы любой человек; он пользуется благами жертвоприношений и даров благодаря магическим свойствам голоса жреца, совершающего богослужение.¹ Списки приношений, которыми испещрены стены храмов, получают действительную силу и переносятся на алтарь только по голосу жреца;² реальные жертвоприношения, пылающие на алтаре, переходят к богу, только будучи поименованы и отданы ему с ритуальными формулами и напевами. Жрец, т. е. сам царь, обладает свойством божеств создавать существа и вещи, называя их по именам «творческим голосом», каким творцы мироздания создали Вселенную; это *маа херу*^{3*}. Сам бог, чье могущество уничтожено или ос-

¹ Теория человеческого голоса и звука изложена Масперо (Études de Mythologie, II, с. 372). — Ср. A. Moret. Rituel du culte divin, с. 154 след.

² Отсюда название приношения: «То, что исходит от голоса *пер херу*». (Maspero. La Table d'offrandes des Tombeaux égyptiens, с. 30; Moret, Rituel du culte divin, с. 156).

³ *Маа херу*, «правильный голосом» по Масперо, «творец голосом» по моему; эти оба толкования скорее взаимно дополняются, чем противостоят друг другу. (Rituel, с. 163). Philippe Virey первый в 1889 г. предложил перевод *Маа херу*: «Тот, который осуществляет слова, который осуществляет говоря, чей голос или просьба осуществляет, делает истинным, за-

лавлено в начале обрядов, вновь становится «творцом» и «победителем» от соприкосновения с жрецом, от звука этого могущественного, творческого голоса. В свою очередь, он предоставляет в распоряжение жреца всю свою собственную магическую силу, свой флюид жизни, едва лишь они обновятся в нем самом. Итак, культ представляет собой обмен магических сил и влияний, которые поочередно передаются от жреца к богу и от бога к жрецу.¹ Эта сторона египетской религии ближе всего подходит к первобытным религиям, где колдовству и магии отведено больше места, чем мифологическому элементу и молитве. Маг извлекает из такого положения несравненную власть: он иногда грозит пресечением всякого культа богов, так необходимо было жрецам содействию его обрядов и формул.²

Это взаимное проникновение религии и магии объясняет преобладающую роль некоторых богов, как, например, Тота, Хора, Беса в вышеприведенных заклинаниях. Сами боги, как мы видели, маги; в частности, Тот, писец богов, «ученый» неба, почитался «владыкой голоса, властелином слов и книг, обладателем или изобретателем магических писаний, перед которыми ничто не устоит на небе, на земле и в Гадесе.³ Заклинания, которые читают маги, суть «книги Тота, писанные собственной его рукой». И нет ничего странного, если к культу этих богов применили их же собственные спасительные

ставляет быть истинно, действительно» список приношений, которые существуют лишь в рисунках на стенах гробниц (*Le Tombeau de Rekhmarâ*, с. 101, п. 7; с. 149, п. 2. — *Cp. Rituel*, с. 152, п. 2). По-моему, сила голоса не ограничивается пресуществлением приношений жрецом, а относится и ко всем действиям бога-творца.

¹ A. Moret. *Rituel du culte divin*, с. 221 след.; *Du caractère religieux de la royauté pharaonique*, с. 160.

² Lefébure, *Sphinx*, X, с. 91, и VIII, с. 27.

³ Maspero, *Histoire*, I, с. 145.

средства, обряды, первыми изобретателями которых были они сами. То, что действительно в культе богов, действительно и в культе мертвых. Передача мумии тока жизни, охрана от тифоновых животных, приношения даров, реальных или фиктивных, — все это требовало для мертвого, как и для бога, применения магии. Обычай погребальных статуэток (ушебти — «ответствующие»), окружающих мертвого толпой слуг, или, вернее, подставных лиц, на которых возложены труды по материальному обеспечению его после смерти, опять-таки обуславливается только магическими влияниями, превращающими эти фигурки в живых существ на том свете.¹

Но с особенной силой проявляется все могущество магии в завоевании рая. Мертвый, переступив врата ада, предстает перед судилищем Осириса и подвергается допросу, но знание спасительных формул и имен стражей обеспечивает ему победу над адскими богами.² Чист он или не чист на самом деле, до этого нет дела; достаточно мертвому обладать даром творческого голоса, запастись охранительными талисманами и выполнять действительные обряды — и он может быть уверен, что осирийские судьи признают его добрым. «Проходи, ты чист», — скажут ему. И опытному магу скорее откроется доступ в рай, чем человеку, который богат одной лишь добродетелью. Магия заменяет честность и обманывает богов так же, как и людей.

Здесь мы коснемся одного из важнейших последствий проникновения магии в культ богов и мертвых: магия придает аморальный характер этой египетской религии, которая так громко возглашает культ правды и справедливости; искренности она противопоставляет ложь и делает безнаказанными злых и нечистых, умеющих связать богов своими чарами.

¹ Maspero, Histoire, I, с. 193.

² Maspero, Histoire, I, с. 184 след.

И народная литература нисколько не обманывает, знакомя нас с важной ролью, которую играли маги в египетском обществе; они дают жизнь и смерть, вызывают прошлое, удерживают настоящее, обеспечивают будущее; им повинуются вся природа, и если только они пожелают, весь мир перевернется (ср. стр. 189). Вот что говорилось о формулах книги Тота: «Если ты прочитаешь первое имя из этих изречений, ты завожешь небо, землю, царство ночи, горы, воды; ты поймешь язык птиц и гадов; ты увидишь рыб бездны, ибо божественная сила заставит их всплыть на поверхность воды. Если ты прочтешь второе изречение, будь ты даже в могиле, ты снова обретишь свою земную форму»¹.

Итак, чудеса, самые сверхъестественные, для мага лишь детская игра: разделить надвое воды реки,² отрубить человеку голову и снова приставить ее, не причинив ему никакого вреда,³ оживлять восковые фигурки расви́репешего крокодила,⁴ рыбы,⁵ лодки и ее гребцов,⁶ становиться невидимкой,⁷ прочесть запечатанное письмо, не вскрывая его,⁸ — все это умели проделывать египетские ученые, по крайней мере в сказках. И, по-видимому, некоторые реально существовавшие люди обладали даром внушения и угадывания, который ставил их вне и над человечеством; таков Аменхотеп, сын Хапу*, которому в царствование Аменхотепа III поклонялись при жизни

¹ Maspero. Les contes populaires, c. XLVII, 108, 113.

² Ibid., c. 30.

³ Ibid., c. 34.

⁴ Ibid., c. 25.

⁵ Ibid., c. 28.

⁶ Ibid., c. 111.

⁷ Ibid., c. 153.

⁸ Ibid., c. 139.

его и который до последних лет существования Египта пользовался славой непобедимого мага.¹

К фараону стекались знаменитейшие маги, «писцы двойного чертога бытия», на советы царя, содействуя своими заклинаниями в тех случаях, когда представлялась надобность в их помощи в божественных и людских делах. Они то забавляют царя фокусами,² то помогают союзному монарху,³ то иноземный маг является ко двору бросить вызов писцам фараона⁴: тогда происходит одно из тех состязаний, о которых говорит нам книга Исхода⁵.

Тут кстати будет задать себе вопрос: как становился человек магом на практике? Давалось ли искусство пользования талисманами и формулами откровением свыше? Переходило ли оно от другого мага путем посвящения? Тексты, известные нам до сих пор, сводят все магическое могущество к знанию и обладанию формулами; возможно, однако же, что в Египте, как и повсюду, это знание должно было сливаться с состоянием исключительной благодати, полученной через откровение или посвящение. До сих пор у нас нет достаточного количества документов или, может быть, их понимания, чтобы знать, благодаря чему или кому маг становился посвященным; с другой стороны, не подлежит сомнению, что сила мага должна была проявляться каким-нибудь материальным знаком. В Австралии, например, таковым является вещество, слывущее волшебным, — горный хрусталь; кусочек его якобы проглатывает маг при своем посвящении; иногда это кость мертвеца, которой он вооружается. По «Текстам пирамид» мы знаем,

¹ Maspero. Histoire, II, с. 448.

² Conte du roi Khoufoui et des magiciens (Maspero, Contes, с. 23).

³ Conte de la fille du prince de Bakhtan, с. 16.

⁴ 2-е Conte de Satui Khamoïs, с. 131.

⁵ Исх 7.

что магия (хекау) в человеке является материальным веществом, которое съедается или усваивается как-нибудь иначе; присутствие его в теле так же необходимо богам, мертвым, всем людям, одаренным магической силой, как куски хрустала для австралийских колдунов.¹

Впрочем, волшебная наука и вытекающий из нее дар предвидения приобретались только ценой долгого труда и образцовой жизни. Маг должен был избегать телесных искушений; ритуальная чистоплотность² и целомудрие³ были одним из условий его силы. Поэтому он жил вне человечества, погруженный в созерцание, весь проникнутый формулами, дающими верховную власть. Таков герой народных сказок, обладатель всемогущей силы магии: он «переставал видеть и слышать, так поглощало его чтение этой главы, чистой и святой; он не касался больше женщин, не ел больше ни мяса, ни рыбы»; другой «только тем и занимался, что разворачивал сверток магических формул и читал его перед кем ни попало»⁴.

Окруженный этими ясновидцами, сам фараон, по интуиции, владеет одушевляющей их наукой. Сын богов, одаренный сверхъестественной благодатью, вооруженный магическим оружием, увенчанный живыми диадемами, в которых

¹ Ср. убедительный очерк Майсса, *L'origine des pouvoirs magiques dans les sociétés australiennes*, 1904. Для «Текстов пирамид» см. Ounas, 506, 518. Ср. Lefebure, *Sphinx*, VIII, с. 29.

² Вот как определяется чистота текстом, известным под названием «Рассказ об уничтожении людей»: «Тот, кто произносит эти слова, должен умастить себя бальзамом и тонким елеем. В руках у него должна быть кадильница и благовонные вещества за обоими ушами. Его губы должны быть очищены натроном. Он одет в два новых облачения, обут в деревянные башмаки. Образ Маат написан свежей краской на его языке. Сам Тот, когда он хочет читать эту книгу Ра, подвергает себя девятидневному очищению. Жрецы и люди должны делать то же».

³ Maspero, *Contes*, с. 102.

⁴ Maspero, *Contes*, с. 120.

воплощаются богини, с челом, повитым змеем, богиней закланний,¹ царь есть первый и могущественнейший из магов. По своему желанию он повелевает природой: крик его, грому подобный, вызывает грозу; по его приказу может забить ключ в пустыне; его слову повинуются нильский разлив. Таким образом, мы видим фараона одаренным теми же сверхъестественными, магическими силами, как некий «царь времени, жатвы, дождя, огня и воды», существующий в наши дни у дикарей.² Недаром один официальный текст XVIII династии в следующих выражениях восхваляет царя Яхмеса: «Все ужасы Тота перед ним; ибо бог дал ему познание вещей; это он руководит писцами в их учениях, он Великий Маг, Владыка чар»³. Подле царя неисчерпаемый родник «флюида жизни» и «магической силы»; делом «ученых», окружающих царя, было управлять их токами.

Вывод, который можно сделать из этого краткого обзора, тот, что, наряду с очень развитой цивилизацией, Древний Египет по умственному своему уровню приближается иногда к состоянию диких племен. Маг у них всемогущ, ибо это человек, который учится, который наблюдает и знает. Ему известны некоторые законы, как, например, закон причины и следствия; он наблюдает некоторые явления, кажущиеся чудесными, которые мы объясняем теперь магнетизмом, внушением, телепатией. Наука магическая, следовательно, была основана частью на точных данных. Вся ошибка мага в том, что он задается целью управлять этими законами и явле-

¹ A. Moret. Du caractère religieux de la royauté pharaonique, c. 284 след.

² Frazer. Le rameau d'or, I, c. 146, 167. Cp. Sphinx, VII, c. 167.

³ Inscription du roi Ahmès (Annales du Service des Antiquités, IV, c. 28).

ниями не только в тех случаях, когда наблюдавшиеся явления точно повторятся в одинаковых условиях, но еще и там, где существует лишь отдаленное сходство, где можно допустить не более чем сродство и подражание: тогда наука мага превращается в магию, и лабораторный опыт становится средством подражательной или симпатической магии. Когда древний маг предается точным наблюдениям, в нем следует видеть физика, химика, астронома, медика, психолога первобытных времен; когда же он выходит из области точных опытов, он колдун и некромант. Принимая во внимание очень основательную недостаточность научного метода в Древнем Египте, можно сказать, что доля колдуна в этом ученом несравненно больше, чем физика или медика. Поэтому для укрепления своего авторитета маг прибегает к мифологии; он заявляет себя стоящим под покровительством богов и, за недостатком убедительного опыта из реальной жизни, приводит божественные легенды — все факты или доказательства, которые без проверки принимаются народными верованиями. Применяя к Египту заключительные слова Фрэзера, можно сказать, что «магия обладает только видимостью науки. Но этого достаточно, чтобы объяснить всю ту притягательность, которую магия, как наука, во все времена оказывала на душу человека. И поныне еще утомленный, утративший мужество исследователь указывает на нее как на высокое место, откуда издали разворачивается будущее в блистающем свете сновидения».

I. Реставрация египетских храмов

с. 9 Автор ошибается. Работы в Карнаке были начаты царями XI династии. Более ранние постройки не зафиксированы.

с. 10 *Бубастиды* — XXII (Ливийская) династия (945–712 гг. до н.э.), при которой столицей стал город Бубастис в Дельте Нила.

с. 11 *Заупокойный храм Сети I* (1291–1278 гг. до н.э.) в Курне был частично разобран в римскую эпоху; храм Сети I в Абидосе был восстановлен и великолепно отреставрирован в XX веке.

Рамессеум, заупокойный храм Рамсеса II (1279–1212 гг. до н.э.), воздвигнутый зодчим Пенра, крайне плохо сохранился; в настоящий момент проходит завершающий этап его консервации и изучения французскими специалистами под руководством К. Леблана.

Храм Амона в Луксоре повторно реставрировался в 1989 году, был полностью восстановлен первый двор Рамсеса II (за исключением фундамента мечети Абу-эль-Хагга), во дворе Аменхотепа III (1386–1349 гг. до н.э.; автор называет его Тутмосом III) в процессе раскопок был обнаружен тайник с великолепно сохранившимися скульптурами богов и самого Аменхотепа III.

с. 11 *Спеос* — скальные храмы Рамсеса II в Абу-Симбеле.

с. 12 *Храм богини Хатхор в Дендера* — жемчужина египетского зодчества эпохи греко-римского владычества. Автор явно недооценивает великолепные пропорции гипостилья храма и великолепную пластику лиц богини, с четырех сторон украшающих каждую «хаторическую» капитель.

с. 13 *Попечительство о древностях* — до 1992 года Служба древностей, в настоящее время Высший Совет по древностям Египта.

с. 22 *Заупокойный храм Рамсеса III (1182–1151 гг. до н.э.)* в Мединет-Абу — один из наиболее сохранившихся храмовых комплексов западных Фив.

с. 23 Временное затопление, которому были подвергнуты многие храмы Нубии в результате строительства «старой» асуанской плотины, сказалось на состоянии известняка, не только потерявшего природный цвет и ставшего коричнево-зеленым, но и претерпевшего структурные изменения. Перед строительством второй, высотной Асуанской плотины в 1963 году практически все оказавшиеся в зоне затопления храмы, в том числе комплексы о-ва Филе и Абу-Симбела, были перенесены на более высокие участки суши. См.: Дерош-Ноблекур Кр. Наследие древней культуры // Курьер ЮНЕСКО. Февраль, 1960; Дерош-Ноблекур Кр. Величие Абу-Симбела // Курьер ЮНЕСКО. Март–апрель, 1980; Desroches Noblecourt Ch. Un Devoir de Solidarité Internationale. UNESCO. Paris, 1960.

с. 24 К сожалению, принцип сохранения памятника *in situ* себя не оправдал. Известно несколько попыток вывоза статуи богини Сохмет из храма Птаха в Карнаке; мумия Аменхотепа II, оставленная В. Лорэ в его гробнице, была дважды вскрыта в течение 1901 года. Из усыпальницы были похищены знаменитая погребальная ладья Аменхотепа II и его боевой лук.

См.: Элебрахт П. Трагедия пирамид. 5000 лет разграбления египетских усыпальниц. — М., 1984. — С. 70–71, 154–158.

с. 31 Фрагменты храма Амона в Карнаке, разобранного при Хоремхебе, пошли не только на строительство фундамента гипостилья, но и стали наполнением грандиозных второго, девятого и десятого пилонов храма. В настоящий момент часть этих блоков, или *талататов*, восстановлена в экспозиции Луксорского музея.

с. 35 Метод реставрации Легрена оправдал себя в полной мере. В настоящее время гипостиль храма Амона в Карнаке полностью восстановлен, повреждения колонн и утерянные архитравы восстановлены цементной массой. Заново возведен массив второго пилона, граничащего с гипостилем. Из десяти грандиозных колонн фараона Тахарки (XXV династия) Легреном была отреставрирована лишь одна, сохранившаяся полностью.

с. 42 Небольшое «белое» святилище Аменхотепа I было полностью восстановлено Легреном.

с. 43 В эпоху Позднего времени храм Амона в Карнаке был освобожден от части скульптуры, скопившейся в течение Нового царства. Эти памятники были погребены в одном из дворов комплекса Амона, где их и обнаружили в 1903–1905 гг. Часть памятников украшает экспозицию Египетского музея в Каире, остальные находки хранятся в его запасниках.

с. 47 Со времени А. Морэ по всему Египту было осуществлено огромное количество реставрационных проектов, результатом которых стали сотни спасенных храмов. Работы в храме Амона в Карнаке ведутся и по сей день — французскими специалистами реставрируется X пилон храма Амона, экспедицией Бруклинского музея под руководством Р. Фаззини полностью обследован храм супруги Амона — богини Мут.

Строительство Асуанской плотины в 60-х годах привлекло колоссальное внимание мировой общественности к памятникам древней архитектуры — комплексы Филе, Вади-эс-Себуа, Дерра, Кертасси, Абу-Симбела, о-ва Филе и многие другие были спасены от затопления и полного разрушения. Конец 80-х — начало 90-х годов XX века стало новой эпохой спасения храмов: был полностью отреставрирован комплекс Рамсеса III в Мединет-Абу, законсервирован Рамессеум, расчищен храм Сети I в Курне; колоссальные работы были проведены в Солебе, Абидосе, Танисе, многих других городах. Морэ прав: очень многое зависит от качества работы; так, яростные споры ведутся в связи с завершённой польской экспедицией реконструкцией храмов Хатшепсут и Тутмоса III в Дейр-эль-Бахри. Многие элементы комплексов были «воссозданы», что вызвало сомнения общественности в необходимости подобных работ. Однако это, к счастью, скорее «исключение из правил». Так или иначе, проведенные колоссальные работы дают возможность сохранить уникальные памятники древней архитектуры для грядущих поколений. См.: Матъе М.Э. Искусство Древнего Египта. — М.—Л., 1961; Искусство Древнего Востока // Малая история искусств. — М., 1976; Михаловский К. Карнак. — Варшава, 1970; Михаловский К. Луксор. — Варшава, 1972; Михаловский К. Фивы. — Варшава, 1973; Aldred C. *Egyptian Art in the Days of the Pharaohs*. — London, 1990; Stierlin H. *The Pharaohs Master-Builders*. — Paris, 1995; Siliotti A. *Egypt: Splendours of an Ancient Civilization*. — London, 1994.

III. Египет до пирамид

с. 81 Строительство пирамидного комплекса в Медуме было начато царем III династии Хуни (2637–2613 гг. до н.э.) и завершено царем IV династии Снофру (2613–2589 гг. до н.э.).

с. 105 Плита царя Хора Змен — Джета.

с. 108 Знаменитое «ложе Осириса», найденное в Абидосе, датируется временем XXV династии, т. е. VIII в. до н.э. См. Hamann R. Geschichte der kunst. T. I. — Berlin, 1959. — S. 256.

с. 123 В конце IV тысячелетия до н.э. начался письменный этап развития египетской цивилизации, так называемый Додинастический, или архаический, период (5000–3150 гг. до н.э.), включающий в себя меньшие по временному объему части, традиционно называемые по месту нахождения представляющих эти периоды археологических культур: Бадари (ок. 5000 г. до н.э.), Амра (ок. 4000 г. до н.э.), составляющие этап Нагада I; Раннегерзейский (ок. 3500 г. до н.э.) и Позднегерзейский (ок. 3300 г. до н.э.), объединяющиеся в этап Нагада II. Около 3100 г. до н.э. происходит объединение Верхнего и Нижнего Египта в единое государство, которое манефоновская традиция приписывает Менесу, часто отождествляемому с Нармером, изображенным на знаменитой церемониальной палетке из Каира. Материальные памятники этой эпохи происходят из раскопок Дж. Куибелла в городе Гиераконполе (Верхний Египет). Именно оттуда происходит знаменитая булава царя Скорпиона, входящего вместе с Нармером в так называемую «нулевую» династию. Изображения показывают Скорпиона царем Верхнего Египта, победителем северян. Более конкретно сходное событие трактуется и палетка Нармера, показанного в коронах как Верхнего, так и Нижнего Египта. Преемник Нармера Хор-Аха руководил уже объединенным государством, основав I династию и город Мемфис, взяв в качестве дополнительного имени эпитет «Мен» — «Прочный, Непреходящий» (вероятно, это имя послужило источником возникновения легендарного Менеса). Пролить свет на события этого отдаленного и сложного периода могут данные раскопок Ф. Питри в Абидосе, который восстанавливал данные

памятников, практически уничтоженных грабительской, во многом непрофессиональной «миссией Амелино». В результате, как и отмечает Морэ, были обнаружены гробницы царей первых династий, а также замечательные памятники — плита Хора Змеи (Джета), изображения которой показывают сокола Хора сидящим на символе царского дворца. Позже этот образ в сочетании со вписанным в силуэт здания именем царя получит наименование *серех*. Была выявлена династическая последовательность правлений царей I–II династий: Хор-Аха, Джер, Джет, Ден, Анеджиб, Семерхет, Каа (I династия 3050–2890 гг. до н.э.); Хетепсехмуи, Ранеб, Нинечер, Сетх-Перибсен, Хасехмуи (II династия 2890–2686 гг. до н.э.); дополнительную информацию об эпохе принесли раскопки В. Эмери в Саккара. Данные о додинастических бого-царях археология не подтверждает. См.: История Древнего Востока. В 2-х частях. Ч. 2. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. — М., 1988. — С. 295–325; Кинк Х.А. Египет до фараонов. — М., 1964; Постовская Н.М. Абидос и Мемфис (к определению памятников I династии) // ВДИ, 1959, № 3; Постовская Н.М. Царь Скорпион и его время // ВДИ, 1952, № 1; Шеркова Т.А. «Око Хора»: Символика глаза в додинастическом Египте // ВДИ, 1996, № 4; Spencer A. Early Egypt. The Rise of Civilization in the Nile Valley. — London, 1993; Emery W. B. Archaic Egypt. — Harmondsworth, 1961; Hoffman M.A. Egypt before the Pharaohs. — London, 1980.

IV. Вокруг пирамид

с. 125 Автохтонность древнеегипетской цивилизации не подлежит сомнению; мнение о привнесении или заимствовании египтянами строительных техник из Месопотамии устарело.

с. 127 *Сфинкс в Гизе*, как и весь некрополь, датируется временем правления IV династии.

с. 128 В местечке Завиет-эль-Ариан обнаружены две незавершенные пирамиды. Первая планировалась как ступенчатая, имеет высоту 16 м и приписывается царю Хаба III династии. Почти не сохранился второй памятник, открытый в начале века А. Барсанти. По размеру сходная с пирамидой Хафра, усыпальница, вероятно, принадлежала одному из царей IV династии, предположительно сыну Джедефра, с пирамидным комплексом которого (Абу-Роаш) памятник из Завиет-эль-Ариан очень сходен. См.: Siliotti A. *The Pyramids*. — Milan, 1997. — P. 93.

с. 134 См. комм. к с. 81.

с. 134 (сноска) Данные устарели.

с. 158 *Аментет* — загробное царство; жертвенные хлеба и священную воду души умерших получают из рук богини Владычицы Сикоморы — Хатхор или, иногда, Нут.

с. 160 *«Книга о том, что есть в Гадесе»* — имеется в виду Амдуат — «Книга о том, что в загробном царстве», один из самых известных заупокойных текстов эпохи Нового царства.

с. 163 Знаменитый «Каннибальский гимн» «Текстов пирамид» многие десятилетия понимался крайне примитивно; предлагаемый перевод и интерпретация устарели.

с. 167 История строительства пирамид и исследование практически всех пирамидных комплексов содержится в работе В. Замаровского «Их Величества пирамиды», М., 1986; также см.: Гонейм М. Потерянная пирамида. — М., 1959; Кинк Х.А. Как строились египетские пирамиды. — М., 1967; Матье М.Э. Искусство Древнего Египта. — М.-Л., 1961; Коцейовский А. Тексты пирамид. Т. I. — Одесса, 1917; Лауэр Э.Ф. Загадки египетских пирамид. — М., 1966; Siliotti A. *The Pyramids*. — Milan, 1997; Edwards I. *The Pyramids of Egypt*. — London, 1972.

V. Книга мертвых

с. 168 ...*во времена пирамид* — т. е. XXVII–XXII вв. до н.э., VI династия (2345–2181 гг. до н.э.)

с. 170 ...*вырезанные на стенах саркофага*... — имеются в виду «Тексты саркофагов» — заупокойные тексты, в Среднем царстве пришедшие на смену «Текстам пирамид».

с. 170 *Новое царство* — 1570–1070 гг. до н.э.

с. 170 ...*ко времени Псамметихов* — т. е. ко времени XXVI (Саисской) династии (664–525 гг. до н.э.)

с. 176 В Египте не было понятия о перевозчике душ, подобном Харону.

с. 186 Человек по-древнеегипетски — «эс», люди — «ремеч»; Морэ предлагает абсолютно неверную информацию, пытаясь найти связь между человеком, богом Атумом и библейским Адамом.

с. 186 *Рамсес VI* — 1141–1133 гг. до н.э.

с. 189 Сравнение Исиды и Евы в данном случае неприемлемо из-за качественно различных побуждений, приведших богиню, в одном случае, и женщину, в другом, к познанию сокровенных тайн вселенной.

с. 198 *Эр ну пер эи херу* — «Речения выхода в день».

Материалы А. Морэ очень устарели и в некоторых случаях не подлежат комментированию. Следует обратиться к более поздним работам: Липинская Я., Марциняк М., Мифология Древнего Египта. — М., 1983; Антес Р. Мифология в Древнем Египте. — В кн.: Мифологии Древнего мира. — М., 1977; Матъе М.Э. Древнеегипетские мифы. — М., 1956; Рубинштейн Р.И. Египетская мифология. — В кн.: Мифы народов мира. — М., 1981; Бадж У. Египетская религия. Египетская магия. — М., 1996; Бадж У. Египетская книга мертвых. — М., 1995; Hornung E. Das Amduat. Die Schrift des

verbrungenen Raumes. — Wiesbaden, 1963–67; Kees H. Der Götterglaube im Alten Ägypten. — Berlin, 1977; Morenz S., Gott und Mensch im alten Ägypten. — Leipzig, 1964; Vandier J. La religion égyptienne. — Paris, 1961.

VI. Магия в Древнем Египте

с. 212 *Гробница Озимандиаса* — Рамессеум, заупокойный комплекс Рамсеса II (XIX династия).

с. 218 *Маа херу* — правогласный — титул умершего, оправданного на суде Осириса.

Материалы Морэ устарели. См. более поздние труды: Липинская Я., Марциняк М. Мифология Древнего Египта. — М., 1983; Pinch G. Magic in Ancient Egypt. — London, 1994; Bourghouts J. Ancient Egyptian Magical Texts. — Leiden, 1978; Faulkner R. The Ancient Egyptian Book of the Dead. — London, 1985; Roccati A., Siliotti A. La Magia in Egitto ai Tempi dei Faraoni. — Milan, 1987.

Оглавление

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	5
I. РЕСТАВРАЦИЯ ЕГИПЕТСКИХ ХРАМОВ	9
II. ДИПЛОМАТИЯ ФАРАОНОВ	48
III. ЕГИПЕТ ДО ПИРАМИД	77
IV. ВОКРУГ ПИРАМИД	124
V. «КНИГА МЕРТВЫХ»	168
VI. МАГИЯ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ	201
КОММЕНТАРИИ	226

Издательство «Алетейа»

В серии «VITA MEMORIAE»

вышли в свет следующие книги:

Руга Ж.Ж. История рыцарства. — 248 с. (переплет, иллюстрации).

Первая книга серии «Vita memoriae» посвящена одному из самых загадочных и прекрасных явлений европейского средневековья — рыцарству. Через историю и традиции, обычаи и нравы рыцарства автор рисует образ эпохи, полный контрастов: беззаконие, невежество и грубость, с одной стороны, и проявления чистые и благородные, освященные любовью, отвагой и самопожертвованием, — с другой.

Книга представляет интерес для всех стремящихся пополнить свои знания по истории живыми, непосредственными впечатлениями, почувствовать дух того противоречивого времени.

Мишо Г. История крестовых походов. — 368 с. (переплет, иллюстрации).

Книга обращается к временам средневековья, раскрывая одно из интереснейших явлений этой эпохи — крестовые походы. Невиданный прежде энтузиазм паломников и воинов, отправляющихся в неизведанные земли для освобождения Святой земли, — и гибель тысяч людей из-за необдуманных действий вождей похода; подвиги отваги и благородства на полях сражений — и нравственное падение войска, забывшего о своей высокой цели... Написанная очень живо и образно, эта историческая книга читается как приключенческий роман.

Издание иллюстрировано большим количеством гравюр Гюстава Доре.

Иванов К.А. Трубадуры, труверы и миннезингеры. — 360 с. (переплет, иллюстрации).

Книга посвящена средневековым поэтам-певцам, воспевавшим служение Богу и сюзерену, любовь к Прекрасной Даме, рыцарские подвиги и добродетели. На заре западноевропейской цивилизации они дали импульс культуре средневековья в разных ее проявлениях. Они стояли у истоков музыки, литературы (особенно лирики и эпоса) и придворной куртуазии.

Иванов К.А. Многоликое средневековье. 432 с. (переплет, иллюстрации).

«Времена не выбирают...» Средние века представляются нам сейчас «темной эпохой», далекой и непонятной. Но перенесемся воображением на семь столетий назад, пройдемся по шумным улицам и площадям средневекового города, окинем взором окрестные луга и пашни, заглянем под своды древних, величественных замков — и мы увидим, что и в это непростое время под тяжелой дланью инквизиции бурлила жизнь, что за этой завесой скрывается целый пласт культуры, так много давший нам, далеким потомкам.

В книгу входят работы директора Императорской Николаевской Царскосельской гимназии К.А. Иванова — «Средневековый замок и его обитатели», «Средневековый город и его обитатели» и «Средневековая деревня и ее обитатели». Написанные ярко и увлекательно, они могут заинтересовать любого читателя, стремящегося проникнуть в тайну той эпохи.

А. Морэ. Цари и боги Египта. — 240 с. (переплет, иллюстрации).

Это вторая книга известного французского популяризатора науки А. Морэ, продолжающая его исследование древнейшей цивилизации.

В книгу вошли журнальные статьи А. Морэ и лекции, прочитанные им в музее Гимэ и посвященные важнейшим вопросам истории Египта, а также изучению того, что составляло сокровенную суть верований египтян: представлений о бессмертии души и тленности тела. Наибольший интерес как для специалистов, так и для обычного читателя представляет тема мистерий Исида, практически неизвестная русскоязычному читателю.

Издательство «Алетейа» заинтересовано в налаживании стабильных, долгосрочных отношений с издательствами и книготорговыми организациями.

Тел./факс: (095) 275-20-90

E-mail: aletheia@mtu-net.ru

**Новая книга
издательства «Алетейя»**

Серяков М.А. «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. — М.: Алетейя, 2001. — 664 с.: ил. — (Славянские древности).

Книга посвящена истокам мироощущения русского народа, сложившимся в языческую эпоху. Одним из наиболее ярких его проявлений является «Голубиная книга» — священное сказание наших далеких предков, в котором они выразили свое представление о происхождении Вселенной и человека. Ядро этого древнейшего произведения русской духовной культуры сложилось как минимум 5000 лет назад.

Впервые в отечественной историографии исследуется представление славян о вселенском законе, сложившееся еще в эпоху индоевропейской общности.

Книга предназначена для историков, специалистов по мифологии, археологии, лингвистике, а также для всех интересующихся отечественной историей и культурой.

САЛОН-МАГАЗИН «КАЙРОС»

**ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ, ТРАДИЦИИ,
ФИЛОСОФИИ, ОККУЛЬТИЗМУ, ПСИХОЛОГИИ**

*Кайрос – древнегреческий бог
удачи, счастливого случая*

**«КАЙРОС» ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ
около 500 наименований
интересных, мудрых, красивых книг
по удачным ценам.**

**Если хотите испытать счастливые мгновения,
читая хорошую книгу,
если хотите сделать удачный подарок —
не упустите свой шанс!**

**Салон-магазин «Кайрос» работает
с понедельника по пятницу
с 10.00 до 22.00.
Перерыв с 14.00 до 15.00.**

Адрес: Москва, ул. Шипиловская, д. 7, в помещении Культурного центра «Новый Акрополь».

Проезд: м. «Орехово», далее 2 ост. на авт. 709, 711 до ост. «Улица Маршала Захарова» или на авт. 704 до ост. «Шипиловская улица, дом 5».

Телефон: (095) 391-18-04.

А. Морэ
Во времена фараонов

Ответственный редактор *Л.Ю. Сергиенко*

Художник *С.Ю. Гордеева*

Литературный редактор *О.В. Наумова*

Технический редактор *А.С. Мишачева*

Верстка *Г.А. Фетисовой*

Изд. лиц. ИД № 04713 от 08.05.2001. Гигиен. заключ. № 77.ФЦ.8.953.П.104.12.98 от 28.12.98. Выдано Федеральным центром Госсанэпиднадзора. Сдано в набор 20.10.97. Подписано в печать 31.03.98. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 3 000 экз. Заказ № 1450.

Издательство «Алетейя». 115569, Москва, а/я 135.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства «Самарский Дом печати». 443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

МАГАЗИН
ISBN 5-89321-077-8 (45) (4 - 3)
Морэ, Во времена фараснов. (V

808720

106.00

ISBN 5-89321-077-8

9 785893 210774 >